

В номере:

Наши проекты

Юрий Алексеев. **Кубок посла**..... 3

Проза

Игорь Гамаюнов. **Цапля моя** 5

Никита Николаенко. **Борьба за акции** 28

Иван Катков. **Над гнездом синицы**..... 34

Владимир Колесников. **Философия Холковских пещер** 45

Михаил Ханин. **Миллионерша** 54

Иван Дуб. **Сюрприз для Настеньки**..... 68

Мир приключений

Георгий Каюров. **Жёлтый император** 78

Миниатюры

Сергей Уткин. **Непримиримость с судьбой**..... 82

Поэзия

Анатолий Нягу 91

Алла Ступина 93

Игорь Хомечко 95

Ольга Лаврова 97

Лариса Сафта 99

Сергей Терновецкий 101

Дебют

Ирина Пинегина 103

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Гросул, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко, Олег Цуркан.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Юрий АЛЕКСЕЕВ

Кубок посла

Три года назад в Республике Молдова стартовал Международный турнир по фехтованию «Кубок посла». Организатором выступил член Союза писателей России, главный редактор журнала «Наше поколение» Георгий Каюров совместно с Федерацией фехтования Республики Молдова.

Сергей Пирожков

Первооткрывателем Международного турнира стал Чрезвычайный и Полномочный посол Украины в РМ, академик Сергей Иванович Пирожков. Сергей Иванович всегда с удовольствием поддерживал любые начинания молодёжи. И надо сказать, с лёгкой руки Сергея Ивановича турнир получился показательным. Спортсмены из четырёх стран – Румынии, Украины, Белоруссии и Молдовы, встретились на дрожках, чтобы определить в поединках сильнейших. Самым зрелищным оказался второй день, когда скрестили свои рапиры участники командных дуэлей. Так была вписана новая страница в летопись молдавского фехтовального спорта. Также Сергей Иванович заложил и свою личную традицию. Помимо медалей и кубков, которые выдало посольство Украины, Сергей Иванович учредил и собственный приз посла – денежные призы победителям.

С добрым приветствием обратились к участникам турнира директор Управления образования молодёжи и спорта г. Кишинёва Татьяна Иванов-

на Нагнибеда-Твердохлеб и заместитель министра молодёжи и спорта РМ Драгош Хынку. Примечательно, что на первый турнир собралось много именитых гостей. Эстафету подхватил Чрезвычай-

Татьяна Нагнибеда-Твердохлеб

ный и Полномочный посол Российской Федерации в РМ Фарит Мубаракшевич Мухаметшин. В бытность своей молодости занимавшийся фехтованием профессионально и имеющий разряд кандидата в мастера спорта. Организаторы турнира представили лучшему спортсмену школы фехтования Евгению Ваданюку проверить на мастерство посла России. Надо отдать должное, оба противника проявили спортивное упрямство и долго не мог-

Почетные гости турнира

ли нанести первый укол. Все спортсмены и гости открытия турнира ожидали, чем же закончится поединок. Победила дружба! Первый укол принёс радость всем участникам, возвестив о начале Международного турнира, а посол России получил в подарок рапиру, которой фехтовал.

2015 год для фехтовальщиков Молдовы открылся третьим Международным турниром в классе рапиры. В этом году поддержал спортсменов Чрезвычайный и Полномочный посол Венгрии в РМ Матиаш Силади. Кстати, в прошлом также фехтовальщик.

Не оставил без внимания турнир и посол России Фарит Мухаметшин, придя на открытие с новогодними подарками. Все участники, судьи и даже

тренеры получили от посла России подарок к Новому году.

Посол России готовится фехтовать

Турнир собрал 57 участников из четырёх стран – Румынии, Украины, Белоруссии и Молдовы.

Места в этом году распределились следующим образом.

Юноши (личные):

- 1-е место – Рошу Силвиу (Румыния),
- 2-е место – Сырб Александру (Румыния),
- 3-е место – Тэнасе Михай (Молдова)
- 3-е место – Кындеску Кристиан (Румыния).

Юноши (команды)

- 1-е место – Молдова-I,
- 2-е место – Румыния,
- 3-е место – Молдова-II.

Девушки, личные соревнования:

- 1-е место – Цуркан Анастасия (Молдова),
- 2-е место – Тараненко Анна (Украина),
- 3-е место – Череш Анастасия (Молдова)
- 3-е место – Козий Александра (Молдова).

Девушки, командные соревнования:

- 1-е место – Украина,
- 2-е место – Молдова,
- 3-е место – Румыния.

Как и в предыдущие годы, представители всех стран увезли с собой медали и ценные подарки. Подводил итоги турнира международный арбитр Всемирной федерации фехтования Михаил Пагиев. В 2013 году Михаил Борисов Пагиев был признан лучшим арбитром мира. Всегда приятно говорить о наших земляках, которые добиваются высот в мировом спорте.

В награждении принимали участие советник посланника Посольства Венгрии Ено Кудрявцев, президент федерации фехтования Ольга Кожокарь и писатель Георгий Каюров.

Международный турнир набирает силу и, можно смело сказать, стал традиционным. А как по-другому?

Поединок кандидата в мастера спорта Фарита Мухаметшина (Россия) и кандидата в мастера спорта Евгения Ваданюка (Республика Молдова)

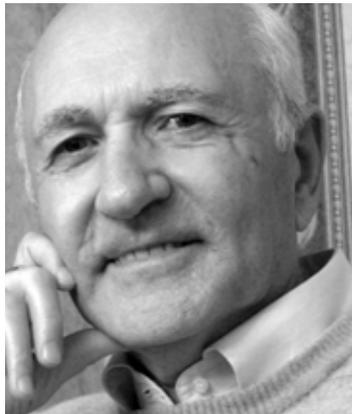

Открытие турнира. Торжественное поднятие государственного флага РМ

Ольга Кожокарь, Георгий Каюров, Советник посланника Венгрии Ено Кудрявцев с призерами международного турнира «Кубок посла-2015»

Игорь ГАМАЮНОВ

Окончание. Начало в №12(2014).

Цапля моя

Повесть

11

Участковый Семенцов считал себя, в общем-то, добродушным и даже покладистым человеком. Но старался быть вредным, мелочным, настырным, не способным к сочувствию и состраданию, потому что, по его представлениям, работник милиции должен выглядеть именно таким. Твёрдокаменным. Непоколебимым.

Конечно, конфликтная жизнь его подопечных (а он всех жителей подконтрольных ему деревень считал подопечными) не вписывалась в нужные рамки, поэтому ему не чужды были компромиссы. Он мог простить какого-нибудь загулявшего драчуна, если его родня, клятвенно обещая, что такое безобразие не повторится, засовывала в кармашек милицмейской рубашки сложенную вчетверо красненькую. Объективно говоря, оправдывал себя Семенцов, такое подношение можно считать просто штрафом. Эквивалентом административного наказания. Налогом на бескультурие.

Тема не объявленных налогов была у Семенцова особо любимой. Он частенько подшучивал над своими селянами, торгующими на районном рынке пойманной в Клязьме рыбой или огурцами с собственного огорода, интересуясь, какой налог они добровольно заплатили бы государству за возможность вот так вот проводить время с пользой, да ещё на свежем воздухе. Правда, не всегда ему эти вопросы прощали, вон что отколола лишённая чувства юмора Рыбачковская старуха, торговавшая на рынке выловленной одноногим дедом Иваном рыбой: как-то после такого его вопроса она пошла по деревне, подбивая пенсионеров написать в Кремль просьбу – установить особый налог на участковых, берущих взятки, и с этих собранных денег повысить пенсии старикам...Ну, не поняла бабка Семенцовской шутки!..

Не вписывался в рамки и собственный сын Семенцова – Витька по прозвищу Бомбовоз, прозванный так из-за чрезмерной упитанности, драчливый забияка, которому опасались давать сдачи, боясь гнева папеньки. Но ведь знал же отец о подвигах сына, понимал, что его авторитет законника рухнет, если не принимать мер. И потому всякий раз, когда ему говорили об очередном бойцовском инциденте его Бомбовоза, Пётр Иванович отвечал коротко: «Сигнал услышан. Меры приму». И в тот же вечер в своём сарае безжалостно сёк ремнём любимого сына, орущего оттуда на всю деревню.

И деревня довольно долго жалела Витьку, отдавая должное принципиальности Семенцова. Пока наконец дошлые деревенские бабки, внимательно разглядывавшие Витьку, бодро-смешливого после воспитательных экзекуций, не догадались: все эти, никем не видимые, наказания – враньё и притворство, а орёт Витька в сарае по приказанию отца, спасающего своё милицмейское реноме.

Костян, на взгляд Семенцова, тоже не вписывался в ту идеальную жизнь, к которой работник милиции должен вести своих подопечных. Нет, не дрался Костян. Не лазил по чужим садам. Не помыкал малышняй, как это бывает в мальчишеских компаниях. Да и в компаниях этих замечен не был, всё один да один, такой характер. Но вот разговаривал он со взрослыми так, будто знал то, чего не знали они. А что может быть унижительнее такой ситуации?

Конечно, Семенцов понимал – Костян, не изживший в себе подросткового упрямства, так самоутверждается. Ну и утверждайся на здоровье, только не в ущерб работнику милиции! Власть унижать нельзя, иначе придёт анархия. Вот это и требовалось вбить в дурную башку Костяна. Поэтому история с его Зинкой оказалась как нельзя кстати. Сажать, конечно, Костяна за амурное его дело не стоит, ведь на виду всей деревни развивались события, но припугнуть парня надо. Чтоб знал: с законом шулки плохи!

И на другой день утром после визита к Валентине Зайцевой Семенцов подкатил на мотоцикле к её воротам. Просигналил. Усадил вышедшего Костяна (отныне – Константина Павловича Кутепова) в коляску, надев на левое его запястье кольцо наручников, пристегнутых к металлическому поручню. На вопрос Костяна – «Зачем?» ответил:

– Так полагается.

– Чтоб не выпрыгнул, что ли?! – засмеялся Костян.

И ещё больше удивился, заметив, что Семенцов повёл мотоцикл в другую сторону, потом в конце деревни медленно развернулся и, не торопясь, пересёк её всю, выехав к осокору, неподалеку от которого

маячил козырёк автобусной остановки. Пока ехали через деревню, в окнах мелькали лица, а те, кто шёл к рейсовому автобусу, даже останавливались в недоумённо-вопросительных позах, разглядывая тархтевший мотоцикл и его пассажиров.

– Этот «театр», чтоб все меня в наручниках увидели?! – догадался Костян.

– Оставь свои остроты на потом, гражданин Кутепов, – сердито одёрнул его Семенов, и Костян понял: участковый хочет показать всей деревне, что его работа – не только пьянчужек утихомиривать, а и урезонивать прыткую молодёжь.

В райотдел милиции Костян вошёл уже без наручников – их Семенов, быстро отстегнув, куда-то спрятал. Но ощущение, что театральное действие продолжается, у Костяна не прошло. Ему казалось – здесь все кем-то притворяются. В «обезьяннике», за решёткой, человек бомжеватого вида, в драной куртке и засаленной кепке, нарочито жалобным голосом просил отвести его к начальнику – «пожаловаться на беззаконие». Дежурный, за стеклянной загородкой, не обращая на него внимания, наигранно-гневно кричал кому-то в телефонную трубку: «Гражданка, я вам уже пятнадцать раз объяснил – устные жалобы на соседей не принимаются, пишите заявление». Швырнув трубку, он вдруг тут же успокоился и, здороваясь с Семеновым, с улыбкой кивнул в сторону Костяна: «Попался?!» Семенов молча развёл руками, мол, я здесь ни при чём, дичь сама забрела в сеть.

И в кабинете следователя всё происходившее казалось Костяну фальшью, словно было скопировано с плохого кинофильма прошлых лет. На его столе высилась гора папок, только что, видимо, извлечённых из стоящего рядом, незакрытого сейфа; лежала развёрнутая районная газета с отчёркнутыми красным фломастером абзацами; дымился чай в стакане с подстаканником. Следователь был не намного старше Костяна и поэтому старался держаться так, чтобы его молодость не бросалась в глаза. Он перелистывал положенные ему на стол Семеновым бумаги с усталой брезгливостью, вопросы задавал как бы нехотя.

– Гражданин Кутепов, в лодке, где по вашему утверждению вы занимались рыбной ловлей, вы применяли силу по отношению несовершеннолетней Зинаиды Журкиной?

– Нет, не применял.

Ну сколько можно спрашивать об одном и том же, закипал Костян, изо всех сил сдерживаясь, предлагая: наверное, это у них способ вымотать душу и попутно вытрясти нужные показания.

– А вот мать со слов пострадавшей сообщает, что применяли, что Зинаида Журкина просила прекратить насилие, но вы упорствовали.

– Да спросите вы Зинаиду сами, раз мне не верите, она вам скажет, что мы ещё год назад решили пожениться...

Устал Костян от казённого притворства, от формулировок, казавшихся ему нарочито-издевательскими, от не сходящего сейчас с лица следователя выражения плохо скрытой насмешки. Не выдержал ровного тона. Сорвался:

– ...Или моё дутое дело вам нужно для хорошей отчётности? – спросил. – Чтоб отличиться и на повышение пойти?

– Значит, не доверяете нам, – мгновенно посуровел следователь, стерев с лица насмешку. – А мы вот вам доверяем – разрешаем гулять «под подпиской о невыезде». Хотя могли бы до суда отправить в изолятор временного содержания. На нары.

...Нет, никаких мстительных ноток в его голосе не прорезалось. Только строгость. Но и в строгости этой чудилось Костяну притворство.

12

Ну, почему, почему, спрашивал себя Костян, то, что у них с Зинкой случилось и должно было стать их общей драгоценной тайной, теперь будут трепать чужие люди, топтать и оплёвывать? Неужели законы придумывают для того, чтобы, используя их, испоганивать людям жизнь? Ну, не хватило им до Зинкиного совершеннолетия двух месяцев. Всего двух! Из-за этого тащить его в суд? Позорить? Пугать тюрьмой?

Нет, не может такого быть, чтобы суд не разобрался, обнадёживал себя Костян. Разберётся. Только бы Зинка не сплеховала. И как она могла сказать матери, что он «применил силу»?.. Да нет же, нет, не говорила она ничего такого, не могла, потому что это неправда. Видимо, Прасковья Семёновна неправильно её поняла. А у этих милицейских законников, к которым попало в руки её заявление, и других-то слов нету!.. Надо увидеться с Зинкой. Поговорить. Поддержать её. А то мамаша со своим настырным характером вконец измочалит ей душу.

Он проходил мимо Зинкиного дома, надеясь увидеть её во дворе, окликнуть, поговорить. Но в глубине

двора, в углу, отгороженном сеткой для кур, мелькала только Прасковья Семёновна, с ней Костян разговаривать не хотел. Он топтался у продуктовой лавки, ходил к автобусной остановке, бродил по берегу Клязьмы от лодочного причала к сосне и обратно, но нигде с Зинкой не пересёкся. Она сидит взаперти, догадался Костян. Откладывать же встречу никак нельзя. И он снова и снова ходил возле её дома, угваривая себя и не решаясь войти. Наконец открыл калитку, поднялся на крыльцо. Постучал.

Ему долго не открывали. Шевельнулась занавеска за стеклом террасы, на него посмотрели. Щёлкнула задвижка, приоткрылась дверь. Прасковья Семёновна в синем халате, повязанная платком – узлом на затылке, смотрела на него, ни слова не говоря, только губы её дрожали, казалось, она еле сдерживается, чтобы то ли не разрыдаться, то ли не закричать, проклиная пришельца.

– Я к Зине... И к вам... Поговорить... Очень нужно...

Слова застревают у него в горле – нужные слова о том, что она, Прасковья Семёновна, неправильно поняла свою дочь, что нужно опомниться, разобраться во всём по-доброму, по-матерински, иначе можно искалечить судьбу их обоих. Но произнести это всё он не мог, не умел, только переминался с ноги на ногу. И услышал в ответ.

– Как ты, паршивец, после всего, что натворил, смеешь ломиться в мой дом? Ведь я потребую отправить тебя в тюрьму, чтобы защитить меня и мою дочь!..

– Да мы ведь с Зиной, – ошарашенно пробормотал Костян, – пожениться хотели.

– Давно придумал? – повышая голос до крика, спросила Прасковья Семёновна. – Считаешь, это враньё спасёт тебя от заслуженного наказания? Ну, молодёжь пошла – блудить готова, а отвечать нет!

Она с треском захлопнула дверь, звякнув задвижкой, и Костян понял: увидеть Зинку ему не дадут.

Но мучительнее всего были разговоры с тёткой Валей, без конца глотавшей успокоительные капли. Она допытывалась, была ли Зинка обижена тем, что у них случилось, и если не обижена, если любит, почему не вырвется из дома, не поедет в милицию, не защитит его от бессовестного навета Прасковьи Семёновны. Валентина порывалась сама поехать в райцентр, обойти всех главных начальников, убедить их в том, что её племян Костик не совершил ничего незаконного, что его отношения с Зинаидой Журкиной самые что ни на есть любовные и их надо поженить, а не позорить судебным разбирательством. Костян тёткину затею осудил, объяснив, что начальники устроены не так, как обычные люди, думают и чувствуют по-другому. У них особые между собой запутанные расчёты и распри, и можно только себе навредить, если прийти к ним со своей бедой. Надежда только на суд. Только суд, если будет рассматривать дело честно, может снять с Костяна позорное обвинение и образумить Прасковью Журкину, ставшую поперёк жизненного пути своей дочери.

...А ещё через два дня участковый велел Костяну приехать в райотдел – на очную ставку с пострадавшей. И Костян обрадовался: наконец-то увидит Зинку и она скажет, как было на самом деле, и всё прояснится.

Но на завтра, оказавшись в кабинете следователя, он не сразу узнал её: бледное осунувшееся лицо с синевой тенью под глазами, волосы собраны в пучок и по старушечьи заколоты на затылке, одета в тёмную юбку и серый жакетик, в руках смятый носовой платок. И глаза какие-то неживые, будто её остекленевший взгляд навсегда остановился на чём-то таком, что недоступно другим.

Конечно, все эти дни Прасковья Семёновна готовила дочь к поездке в милицию, предположил Костян. Но он не догадывался, что, подавляя в Зинке волю к сопротивлению, внушая ей свою программу поведения, мамаша представляла себе близящееся судебное разбирательство, как всего лишь публичную проработку подсудимого. И повторяла рефреном: «Ничего твоему Костяну не будет, дадут год условно, просто это ему урок!.. Нельзя прощать такое своеволие!..»

И вот оно, свидание, которого Костян ждал: Зинаида видела, как он вошёл, как, подойдя к столу следователя, отдал повестку и сел напротив, недалеко, шагах в трёх от неё, но ничто в её лице не дрогнуло, словно она не узнала его. Отвечала на вопросы автоматически, тоном ученицы, давно выучившей урок, не вызывающий у неё никаких эмоций. Да, там, в лодке, она просила сидящего здесь Константина Кутепова не делать этого, но он не послушался. Да, она пыталась после этого отстирать в речной воде пятна на сарафане, но это ей не удалось.

И подавленный, изумлённый, растерявшийся Костян опять, как и в прошлое своё посещение милиции, почувствовал себя участником любительского спектакля, в котором все роли кем-то подробно написаны и никто не смеет отступить от заранее утверждённого текста.

– Опомнись, Зина, что ты говоришь, – услышал Костян собственный, надрывно-глухой, неузнаваемый голос, – ведь не насильничал же я!..

Ответная фраза прозвучала так, будто её воспроизводил бесчувственный магнитофон:

– Я просила тебя не делать этого, а ты не послушался.

А ведь действительно просила, вспомнил Костян, впадая в отчаяние и панику, но просила неискренно, потому что очень любила его и лаской своей на самом деле торопила его. Но как это всё объяснить сидящему за столом законнику, забывшему на своём лице брезгливую гримасу? Как разбудить в Зинке её прежнюю – порывистую, любящую, искреннюю? Ведь она сейчас губит их любовь, поддавшись внушению своей, близкой к умопомешательству, мамы!..

...Сама мамаша была тут же, молча сидела в углу кабинета, сжав губы в ниточку, и глаза её светились торжеством справедливости – той справедливости, которая должна восстановить утраченное Прасковьей Семёновной душевное равновесие.

13

Осталось у Костяна странное ощущение, будто приснилось ему всё это. И Зинка в том сне была не настоящая, а подменённая. Ну, будто это был такой следственный эксперимент. Может, даже там вовсе и не девушка (похожая на старушку) сидела, не живой человек, а биоробот. С жёсткой программой. С чужим дикторским голосом. А что с настоящей Зинкой? Неужели так и будет жить взаперти? Под надзором матери? Ну как ей помочь, как вытащить из этого капкана? Может, выкрасть?.. Увезти в какой-нибудь большой город и затеряться в нём, там рабочие руки позарез нужны... Но не любил Костян суету городов, бьющий по нервам шум, вечную толкотню и спешку.

Он выводил мотоцикл из сарая, надевал очки от ветра и выезжал за ворота. Мчался по деревне так, что с хрустом и треском летел гравий из-под колёс. Петлял по окрестным деревням, по берёзовым рощам, где раньше бывал с Зинкой. Останавливался, вслушивался. Всё так же звенели кузнечики и перекликались птицы, но не было рядом Зинки, некому было ахнуть и прошептать: «А ведь они разговаривают друг с другом!» И всё так же сидели на лавочках у ворот бабки, провожали его внимательными взглядами и, казалось, хотели спросить, где же та девушка, что сидела у него за спиной? Потерялась по дороге? Или кто другой увёз?

Возвращался в Ивлево. Притормаживал у старого осокоря, всё так же мелодично лопотавшего о чём-то на слабом ветру серебристыми листьями. Всмотривался, кто там, у автобусной остановки, маячит, не Зинка ли?

Сбавлял скорость возле дома Рыбачка. Останавливался, если видел его во дворе, у грядок – в за-трапезном «хозяйственном» пиджачке и неизменной приплюснутой кепке. Окликал. Дед Иван, скрипя протезом, подходил к забору, рассказывал обстоятельно про свои рыбацкие дела – на что сейчас рыба клюёт, а от чего отворачивается. Интересовался, почему Костяна на реке не видно. Дед, конечно, знал, что у него с Зинкиной матерью возник конфликт и приходится ему часто в райцентр мотаться (об этом говорила вся деревня), но лишний раз в подробности не вникал – из деликатности. Сказал лишь как-то, что «Петька-на-мопедьке» и его возил в райотдел милиции, там спрашивали про лодку – часто ли Костян ею пользовался и только ли для рыбалки. «От народ! – удивлялся дед Иван. – Чепухой-то занимаются, будто других забот нет!»

И переходил на другие темы. Интересовался переменами на «молочке» – чем, на взгляд Костяна, может обернуться для работников комплекса затеянное акционирование. Костян пересказывал то, что знал от тётки Вали. Дед Иван не верил его словам: как это доярка, получив бумажку под названием «акция», может стать ещё одним владельцем предприятия. Вспоминал послевоенные годы, когда, чтоб помочь государству, заставляли покупать облигации, которые потом обесценились.

– Людей тогда обобрали... Дак ведь и с нынешним делом не так ли обернётся-то?

– Здесь другая история, – растолковывал Костян. – Хотят, чтоб каждый чувствовал себя собственником. И работал, как на своём огороде. Честно.

– Да? А почему увольняться-то стали десятками?.. Мужики рукастые в города поехали сторожами устраиваться-то...

– Тётка говорит, начальство заинтересовано, чтоб малым числом работников дело вести. Так выгоднее.

– Ну-ну, поглядим, что сплетётся-то. Может – леска на удочку, а может – петля на шею...

Дед любил замысловатые сравнения.

...В ожидании суда Костян так извёлся, что был почти счастлив, когда пришёл наконец этот день. Ведь он снова увидит Зинку. Неужели и на этот раз она явится со старушечьим пучком на голове и во всём сером? Как бы с ней двумя-тремя словами перекинуться, шепнуть ей – «Только ты можешь спасти нас от позора!» Он почему-то верил, что его шёпот вернёт Зинке волю к правде, жажду правды и она непре-

менно откажется от слов, произнесённых на очной ставке.

На широком крыльце райсуда толпился народ, и Костян, стоявший поодаль с тёткой Валею, под старым клёном, наполовину порыжевшем на сентябрьском солнце, всматривался в знакомые лица. Это были односельчане-ивлевцы, дальние и близкие соседи, трое Зинкиных подружек – в ярких кофточках, в джинсах с драными коленками, они разговаривали, перебивая друг друга, и громко смеялись над чем-то. Маячил в толпе громоздкий, в форменном пиджаке и фуражке с красным околышем участковый Семенов с женой, одетой как на праздник – в пёстрый жакет и красную (под цвет мужниного околыша) юбку. Возле них томилась опирающаяся на палку с набалдашником щуплая фигура деда Ивана, он был всё в той же блинообразной кепке, но вместо заношенного пиджака на нём красовалась купленная бабкой спортивная куртка китайского производства с множеством карманов на молнии. Костян высматривал в толпе Зинку, но разглядел лишь Прасковью Семёновну, окружённую её, живущими в райцентре, родственниками. Тётка Валя рылась в сумочке, бормоча – «Ах ты, господи, таблетки от сердца дома забыла». И вдруг добавила со вздохом:

– Да не смотри ты так, нет её. Говорят, заболела и дома осталась.

Но как без неё? Отложат суд? Да ведь опять так ждать – замучаешься до смерти.

Суд не отложили. Судья была в чёрной мантии, оттеняющей мраморную белизну её крупного неподвижного лица. Её русые волосы, картинно расчёсанные на пробор, были заплетены в толстые, отливающие металлом, косицы, уложенные тяжёлым полукольцом под затылком. Осмотрев почти заполненный зал, она склонилась над папкой судебного дела и прочла – скороговоркой, будничным тоном – начало обвинительного заключения. Из него следовало, что Константин Кутепов обвиняется в «*преступлении против половой неприкосновенности и половой свободы личности*». Затем судья разъяснила, что такие судебные разбирательства проводятся в закрытом режиме («*чтобы избежать разглашения сведений интимного характера*»). И попросила покинуть зал всех, кроме участников дела.

– А на оглашение вводной и резолютивной части приговора я вас приглашу, – пообещала судья разочарованной публике, нехотя потянувшейся к выходу.

Из металлической клетки, куда вялым жестом пригласил Костяна хмурый человек в форменной одежде, даже не защёлкнувший за ним дверь на замок, почти опустевший зал выглядел странно. Будто затевался не сам суд, а лишь его репетиция. Судья же сквозь решётку казалась единовластной властительницей чужих судеб. Вернее – она хотела так выглядеть, подумал про неё Костян, по-прежнему ощущающий себя и всех вокруг персонажами какой-то пьесы. Он видел в широком окне зала колеблющийся водопад золотисто-красных кленовых листьев, чутко отзывавшихся на слабое дыхание ветра, и думал о том, как было бы замечательно оказаться сейчас с Зинкой в какой-нибудь берёзовой или осиновой роще, где они не раз бывали, снова послушать шум листвы и птичьи посвисты, чувствуя, как растворяешься в живописном осеннем мире, в котором всё настоящее, без вранья и притворства.

Порывшись в папке судебного дела, судья нашла вложенный туда, ещё не подшитый листок, и, поправив на лице очки в тонкой серебряной оправе, прочла текст медицинского заключения. В нём говорилось, что несовершеннолетней Зинаиде Журкиной не рекомендовано участие в судебном разбирательстве – «*ввиду обострённого психопатического состояния*». После чего судья объявила: достаточно присутствия законного представителя пострадавшей – матери Зинаиды, Прасковьи Семёновны Журкиной.

Именно она, Прасковья Семёновна, была первой, говорившей о случившемся в почти пустом зале. Вслушиваясь в её взволнованную, но складную речь о *губительной безответственности молодого поколения*, Костян удивлялся – надо же, она на суде, а говорит, как на собрании; да, конечно, думал он, этот спектакль закончится обвинительным приговором, ведь судят женщины, у них в запасе множество затаённых обид на мужчин. Вон обвинитель в прокурорском мундире – тоже женщина.

Единственная, кто с сочувствием к нему относится, это, конечно, тётка Валя. Вот она вышла – стоит перед судьями: в серой кофте, с повязанной на шее голубой косынкой, короткая стрижка всклокочена, взгляд тревожный. Как же она нервничает последние дни, бедная!.. Даже свои таблетки от сердца забыла... И говорит, путаясь, перескакивая, то о сиротском детстве своего племянника, то о его замечательной работе в гараже, то опять про детство.

Как жаль, что нет в зале Зинки, вот кто мог бы толком объяснить всё, но её, конечно же, специально в суд не пустили. Прасковья Семёновна, видимо, заранее с врачом договорилась, боясь, что дочь не выдержит, выйдет из роли, скажет наконец, как на самом деле было, и его, Костяна, минует обвинительный приговор. Теперь понятно – не минует.

А что хоть отчасти успокаивало Костяна, так это слова адвокатессы, крупной женщины с басистым

голосом и резкими мужскими жестами, беседовавшей с ним накануне, почти на ходу, в коридоре милиции, она куда-то очень спешила: «...Значит так, Кутепов, – распорядилась решительно, – надо покаяться, попросить прощения и всё обойдётся условным сроком. Обещаю!.. Понял?..».

Судья, поправляя очки на мраморном лице, склоняла над папкой красиво убранный голову, вычитывая строчки из характеристики на Константина Кутепова с места работы («Исполнителен...Трудолюбив... Бывает вспыльчив... Не всегда прислушивается к мнению старших...»). Из медицинского освидетельствования Зинаиды Журкиной («Впечатлительна... Внушаема...Чрезвычайно возбудима...»). Из протокола очной ставки подсудимого с пострадавшей («Я просила не делать этого...»).

Участковый Семенцов, оказавшийся в числе свидетелей, предстал перед судом хмурый, тяжело сопящим. Говорил о строптивом характере Константина Кутепова, о его пререканиях с людьми намного старше его, о поездках на мотоцикле с несовершеннолетней Журкиной, что и закончились преступлением. Правда – с применением другого вида транспорта.

– Я имею в виду лодку, – пояснил он, – где всё и случилось.

Из коридора в зал пригласили ещё одного свидетеля, владельца той самой лодки Ивана Сергеевича Никифорова. Дед Иван, скрипя протезом, прошёл, опираясь на палку с набалдашником, к стойке свидетеля, спохватившись, снял забытую было на голове кепку, обнажив сверкающую лысину. Отвечал на вопросы обстоятельно: да, давал лодку, потому что Костян, то есть Константин Кутепов, парень хозяйственный и надёжный; никаких других девчонок, кроме Зинаиды Журкиной, учительской дочери, на этой лодке не катал; да и не кататься они ездили, а за рыбой, в старицу, там клёв хороший.

– Ну что тут молотить языком без толку, – сердито кашлянув, заключил дед Иван, – любовь у них, вся деревня знает!..

– А насильничать ему кто позволил? – выкрикнула сидевшая в первом ряду Прасковья Семёновна.

– Да зачем ему насильничать-то, когда они почти год уже как женихаются!

Костян заметил, как заулыбалась тётка Валя, тоже сидевшая после своих показаний в первом ряду, неподалеку от Прасковьи Семёновны. И подумал: «Может, обойдётся без обвинительного?»

Но главное пережитое им потрясение наступило, когда суду был представлен в качестве вещественного доказательства сарафан, в котором Зинаида Журкина отправилась на рыбалку. Его рассматривали, развернув как в магазине. Все присутствующие в зале женщины оживились, даже мраморное лицо судьи порозовело, загоревшись особенным женским интересом. Костян смотрел, как обвинитель, маленькая женщина в неуклюжем прокурорском кителе, подняла сарафан за бретельки, как он упал подолом на пол, будто занавес, загородив её всю. И судебный зал (показалось Костяну) покачнулся, будто вдруг на мгновение стал той самой лодкой. И все шумы, шорохи, голоса заглушил шелест камыша – подвижные тени его стеблей, перемежаясь солнечными бликами, замелькали на возникшем у самой решётки Зинкином лице.

И, сжимая руками холодные прутья, чувствуя комок в горле, беззвучно шевеля губами, Костян прошептал ей:

– Ох, цапля моя, эти люди просто сошли с ума, ну, почему-почему так всё у нас получилось?

И услышал в ответ когда-то сказанные ею слова:

– Такое нам, видно, выпало испытание.

14

В прениях обвинитель говорила о распущенности современных нравов и, ссылаясь на протокол очной ставки подсудимого с пострадавшей, крикливо уличала Кутепова во лжи. Этого Костян вынести не смог, не удержавшись, перебил её:

– Вы сами здесь лжёте, потому что всё было совсем не так!..

На что судья, с демонстративным изумлением всмотревшись в подсудимого, предупредила, что его выведут из зала, если он будет мешать судебному следствию.

Адвокатесса же, вставшая из-за своего столика, возле клетки, спиной к Костяну, резко жестикулируя, говорила низким вибрирующим голосом о том, что совершеннолетие нельзя оценивать формально, по календарю, пострадавшая, судя по показанному здесь сарафану, девушка рослая, рано сформировавшаяся, а её утверждения на очной ставке о том, что всё произошло против её воли, могут быть объяснены естественной стеснительностью, которая, как всем женщинам известно, заставляет говорить одно, а стремиться к другому, прямо противоположному. Видимо, Кутепов внял не смыслу слов Журкиной, а смыслу её интонации, её душевному порыву.

– Сейчас он, насколько я понимаю, раскаивается в содеянном и готов просить прощения у отсутствующей здесь Журкиной и у её матери.

Тесно стало Костяну в клетке от этих слов. Хотелось отогнуть и расшвырять её прутья, выпрыгнуть в окно, в шумящую листву золотистого клёна, унести на мотоцикле куда-нибудь далеко-далеко, где не врут, хоть за полярный круг, но только с Зинкой. Потому что не может он врать ни себе самому, ни другим, и просить прощения за отсутствующую вину не будет. И когда ему дали последнее слово, он, встав у решётки, упрямо отчеканил, глядя в окно – в шевелящуюся на ветру золотую листву клёна, что ни у кого прощения просить не собирается и никогда в жизни не признает себя виновным, ведь то, что здесь говорилось о насилии – бессовестное враньё и сплошная ложь.

После короткого перерыва судья, как и обещала, огласила публике, втянувшейся из коридора в зал, итоговую часть приговора. Суд, учитывая опасность содеянного и упорство нераскаявшегося подсудимого, определил ему наказание в виде восьми лет лишения свободы, которые он должен отбыть в лагерях общего режима. Примечание о том, что наказание считается условным, не прозвучало.

Из клетки его выводили уже в наручниках.

...Ошеломлённая, не понявшая до конца всего того, что произошло, тётка Валя, торопливо семена следом за Костяном, которого уводили куда-то по длинному коленчатому коридору, спрашивала его в спину:

– И это уже всё? Да куда они тебя ведут, Костик? А поужинать домой не отпустят?

Во внутреннем дворе суда она видела, как её племянника усаживают в автозак, захлопывают дверь, как с визгом и скрежетом раздвигаются створки железных ворот и автомобиль уезжает.

Чувствуя невыносимую боль в сердце, путаясь в коленчатом коридоре, не зная, в какую сторону идти, она выбрела наконец на улицу и села на скамейку в соседнем сквере. Раскрыв сумку, стала рыться, надеясь найти куда-то запропастившиеся таблетки. Но боль охватила её всю, как пламя – его жёлтые языки плясали перед её глазами. Она пыталась крикнуть, кого-нибудь позвать, но услышала лишь свой горловой хрип, увидела, как тускнеет огонь, гаснет свет и тьма, цепко окутавшая её ноги, обутые в стоптанные туфли, поднимается выше и выше, обволакивая её всю, медленно сползающую со скамьи на посыпанную песком дорожку

Здесь, наткнувшись на лежавшую у скамьи женщину в серой кофте, с голубенькой, повязанной на шее, косынкой, и раскрытую сумку, валявшуюся рядом, пробежавшие мимо мальчишки остановились, любопытствуя: бомжиха? Пьяная? Один из них вытащил из кармана мобильник, позвонил в милицию – её здание было совсем рядом, в соседнем переулке. На звонок в райотделе отреагировали не сразу, мальчишечий голос не вызвал доверия. Но через какое-то время всё-таки решили проверить, отправив в соседний сквер постового.

Тело подобрали, когда оно стало остывать.

15

Отсутствие Валентины Зайцевой ивлевцы, толпой стоявшие на остановке, заметили только в маршрутном «Пазике», когда он, с лязгом закрыв западавшую дверь, тронулся, фырча и подпрыгивая на колдобинах разбитой шоссейки. И до самой деревни, все семь километров, односельчане решали, где тётка Валя запропастилась. Кто-то вспомнил, как Зайцева, сразу после приговора, кинулась к адвокатессе, нервно жестикулируя. Кто-то видел потом, как она мелким, суетным шагом неслась по коридору вслед за Костяном, которого рослые люди в форменной одежде уводили – уже в наручниках. Кому-то запомнилось её лицо с обезумевшим взглядом.

Тут не долго и с ума спятить, говорили в автобусе, ведь на твоих глазах близкого человека в тюрьму ведут. Подружки Зинки Журкиной, смешливые девчонки, тоже видевшие, как уводили Костяна, молчали, притихшие. Кто-то предположил: наверное, Зайцева сейчас обсуждает с адвокатессой, как побыстрее опротестовать этот нелепый приговор.

– Да почему нелепый-то? – сердился участковый Семенов, грузно восседавший с пышнотелой женой Мариной Ильиничной на переднем сиденье (ехать на мотоцикле с супругой в суд он счёл не солидным, а стоявший в гараже «форд» берёг). – Всё по закону. Конечно, восемь лет лагерей это чересчур, можно бы и одним-двумя годами обойтись. Или вообще – дать условно. Ведь главное – получить урок, и Костян Кутепов его получил.

– И не урок это вовсе, – скрипучим голосом возразил ему сидевший позади него дед Иван, – а форменное издевательство. Такого хозяйственного парня и – в тюрьму! И за что? За то, что свою без пяти минут жену пообнимал!

– А не надо было торопиться, – повернувшись к Рыбачку, не соглашался Семенцов. – И не грубить старшим!

– Вот мне, старшему, он почему-то ни разу не нагрубил, – горестно помотал головой дед Иван. – Эх, Семёновна, напрасно ты раскрутила это дело, грех на душу взяла!..

Прасковья Семёновна сидела в соседнем ряду, одна, пустовавшее рядом место никто из односельчан не занимал. Стояли, держась за поручни, словно боялись, сев рядом, чем-то от неё заразиться. Она молчала, не ввязываясь в спор, и судя по всему, была подавлена всем тем, что произошло. Восьмилетний срок, назначенный Костяну судом, и ей казался фантастически длинным. Как теперь объяснить случившееся дочери, ведь внушала же ей все последние дни, что суд будет не совсем настоящим, как бы показательным... А приговор – условным...

Автобус, ныряя из одной ложбины в другую, петляя меж берёзовых рощ, алевших в красках заката, удачно миновал железнодорожный переезд, успев шмыгнуть под опускавшийся шлагбаум, высадил в деревне Приречное тётку с сумками и двух рыбаков, обременённых рюкзаками и связками удочек. Не доезжая Ивлево, водитель, молодой парень в зелёной бейсболке с длинным вогнутым козырьком, полуобернувшись, крикнул:

– У «молочки» кто ходит?

– Кому надо, давно сошли, – откликнулся после паузы дед Иван, – дома чай пьют.

Дорога обогнула трёхэтажный куб – правление «молочки» – с причаленным у широкого крыльца директорским «бээмвэ», пронеслась мимо длинных ангаров-коровников, обнесённых бетонным забором, и вывернулась на взгорок, откуда видна была вся деревня Ивлево, с садами и огородами, сбегаящими к увёртливой, прячущейся в ивовых кустах Клязьме. На остановке, у старого осокоря, толпа ивлевцев, выбравшись из «пазика», стала разбредаться, расходясь по домам.

Бабки, сидевшие на лавочках у ворот, зашевелились, окликавая приехавших:

– Ну, что там, на суде-то, Костыку-то отпустили? Неужто – нет? Ах ты, господи, беда-то какая!

Открывая калитку, Прасковья Семёновна заметила на террасе мелькнувшую тень. Дочь высматривала её, а увидев, ушла в дом. Села с книгой в угол дивана. Молчала, не поднимая головы, не глядя на мать, снимавшую туфли и жакетку. Будто её здесь не было. На тумбочке работал с выключенным звуком телевизор. На его экране второй вечер подряд по разным программам показывали, резко осуждая, скандальную балерину Большого театра, разместившую в Интернете свои пляжные фотоснимки. Но осуждение почему-то не мешало операторам демонстрировать подробности её вальяжного тела.

– Опять эту корову показывают. Выключи!

– Я не смотрю, – ответила Зинка, – я читаю.

– Поросёнка кормила? Чаю хочется. Заваривала свежего?

И, помолчав, сообщила.

– В общем, считай, всё позади. Срок, конечно, большой, но там тётка Валя с адвокатом приговор собираются опротестовать...

– Сколько? – не глядя на мать, спросила Зинка.

– Судья, конечно, переборщила, но как ещё поступать с общественно опасными личностями... И в газетах пишут: нужно усилить борьбу с правонарушениями... И прокурор говорила, что нынешняя молодёжь совершенно не уважает закон...

– Сколько? – повторила свой вопрос Зинка.

– Пока – восемь, но приговор не вошёл в законную силу. Только через десять дней...

– Восемь – условно?

– Про «условно» не сказали... Да не вникай ты в это!.. Костян получил то, что заслужил. Если не пресечь его незаконные выходы сейчас, представляешь, что из него получится через несколько лет? Он даже там, на суде, на всех кричал... Обвинял нас во лжи... Не жалею о нём. Забудь.

– Но это же ужасно! – крикнула Зинка, отбросив книгу. – Ты говорила – суд будет показательным. Обманула, да?

– Зло должно быть наказано. А ты думай теперь о себе. Через год школу окончишь, в Москву поедешь, к отцу. Я надеюсь, он вспомнит свой отцовский долг и поможет тебе в вуз поступить. Там встретишь молодого обеспеченного москвича, будет семья, будут дети. И вся эта история забудется, доченька.

– Не называй меня доченькой! – Зинка вскочила с дивана, уронив на пол книгу. – Мне противно это слышать!

Голос её пресёкся рыданиями. Она кинулась в другую комнату, щёлкнула задвижкой, оставив Пра-

сковью Семёновну наедине со своим удивлением. Да, конечно, думала она, тем, кто хочет и пытается жить по правилам, всегда приходится трудно, особенно если общаешься с современными распущенными детками. Но чтобы собственная дочь вот так грубила матери, это просто чудовищно!.. И в то же время по телевизору показывают бестыжих женщин, их телеса, их самовлюблённое кривлянье – вот кого тоже надо сажать! Вместе с теми, кто их снимает!

Прасковья Семёновна выключила телевизор и, сев на диван, вдруг всхлипнула. Нет, она была стойкой женщиной, почти никогда не плакала. И собственные слёзы изумляли и озадачивали её, как и вся наша нынешняя непонятная жизнь.

...А пока в доме Журкиных мать и дочь бились в тенетах взаимного непонимания, супруги Семенцовы собирались ужинать. Марина Ильинична любовно покрикивала на сына (по прозвищу «Витька-Бомбовоз»), таскавшего из-под её рук, накрывавших на стол, ломти говяжьей колбасы («Ну, совсем оголодал, дикарёнок-то наш!»). Пётр Иванович, хлопнув дверцей холодильника, предвкушающе покряхтывая, достал мгновенно запотевшую бутылку. Он уже налил себе стопарь, уже опрокинул и закусил внушительным куском красной рыбы, когда в глубине его комнат пронзительно затрещал стационарный телефон. И вслед за ним мобильник, оставленный Семенцовым на холодильнике, разразился маршевой мелодией.

– Ну, начинается, – проворчал Семенцов, одновременно досадуя и сияя довольством человека, без которого не могут обойтись. – Как ночь, где-то что-то происходит.

Он включил мобильник, прислонил его к уху и пошёл с ним к другому телефону. Там, в комнатах слышался его гулкий бубнёж, перемежаемый восклицаниями: «В сквере, под скамьёй?! А документы-то при ней?.. Может, подкинули?.. Да и вдруг не она.. Ладно, еду!..»

Вернулся на кухню Пётр Иванович другим человеком, слегка даже насторожившем супругу Маргариту Ильиничну: угрюмо-озабоченным и каким-то пришибленно-суетным. Не садясь за стол, схватил вилкой ещё один рыбий ломоть и, жуя, стал собираться.

– Что опять стряслось-то? – поинтересовалась супруга.

– Из райотдела... На опознание зовут...

– Какое ещё опознание? – нахмурилась Маргарита Ильинична.

– Да подобрали там, в сквере, кого-то... Женщину... Без признаков жизни... Вроде из нашей деревни...

По документам...

– А фамилию-то назвали?

Не хотелось Семенцову называть фамилию. Влезая в тесноватый уже китель, надевая фуражку с красным околышем, он колебался, говорить ли. Наконец сказал:

– Фамилия – Зайцева Валентина. Похоже – Костянова тётка. Какого чёрта её после суда понесло в какой-то сквер?

И, уходя во двор, к мотоциклу, предупредил:

– Не вздумай кому сболтнуть раньше времени. Вдруг всё-таки не она?..

16

Хоронили доярку Валентину Зайцеву в погожий осенний день. По деревенской улице, усыпанной жёлтой листвой, мимо заборов, густо увитых цепким плющом, перекусившимся к концу сентября из зелёного в ярко-вишнёвый цвет, шестеро дюжих мужичков, присланных директором «молочки» Маменко, на длинных белых полотенцах несли открытый гроб. Следом шёл парень с крышкой гроба, шли двое парней с табуретками, подставляя их под гроб, когда уставших носильщиков сменяли другие, выходявшие из толпы. Толпа же (это были жители Ивлево и окрестных деревень) растянулась на четверть улицы.

Во главе процессии, посверкивая массивным золочёным крестом на груди, шёл высокий, в длинной ризе, с дымящимся кадилом, рыжеволосый священник райцентровской церкви отец Алексей, окормляющий жителей окрестных деревень. Впереди него рослый молодой детина, тоже присланный с «молочки», нёс на плече тяжёлый деревянный крест цвета морёного дуба, спешно изготовленный на деревообделочном комбинате по заказу того же Маменко.

Шли на кладбище, расположенное в двух километрах от Ивлево, близ деревеньки Трушино, в лоцине, покато сбегавшей к речке. Здесь, под громадными столетними вязами, высилась старинная церковь, когда-то славившаяся своей красотой и привлекавшая к себе прихожан со всей округи. О ней не раз писали в газетах, как о памятнике старины, требующем реставрации, но она по-прежнему зияла провалами окон, заделанных фигурными решётками, а на проржавевшей церковной крыше роняли жёлтую листву выросшие там молодые берёзки, волею судьбы и ветра вознесённые к небесам.

Перед тем как покинуть Ивлево, у крайнего дома процессия остановилась, гроб осторожно опустили на табуретки. Сменились носильщики, и по негромкой команде движение возобновилось. Отец Алексей, раскачивая кадило, пел псалмы, ему подпевали спешившие за ним деревенские бабушки, нарядившиеся в свои, лежавшие в пронафталиненных сундуках, тёмные наряды.

К кладбищу вели две дороги. Длинная, из гравия, петлёй огибала поле и рощицу. Короткая, просёлочная вела напрямик по золотистой стерне недавно убранного поля двумя пыльными колеями, и процессия растянулась по ней в длинную живую цепь. В её конце шла Зинка с подружками, ездившими в райцентр на суд, одетыми на этот раз в скромные платица не ярких расцветок. За ними, особняком, шагала, ни на кого не глядя, Прасковья Семёновна – тёмный платок соскальзывал с её головы, она, морщась, нервно его поправляла.

Замыкал процессию Рыбачок, сопровождаемый своей, самой крикливой в деревне, бабкой Раисой, на этот раз сурово молчавшей. Дед Иван шёл, скрипя протезом, тяжело припадая на палку, преодолевая этот скорбный путь с достоинством человека, вынесшего из трудных испытаний длинной жизни ничем непоколебимые убеждения. Он только что, на развилке дорог, у крайнего дома Ивлево, отказался от почётной привилегии – добраться до кладбища кружным путём – в коляске Семенцовского мотоцикла.

– А бабку куда я дену? За пазуху? – въедливо спросил участкового Рыбачок. – Да и провожать умерших-то надо пешком. Тогда, может, и нам с тобой, когда пойдём, окажут такую честь.

– Ну, как хочешь, а мне некогда, – поморщился Семенцов, недоумённо мотая головой. И, включив зажигание, вырвался на гравийную дорогу.

Этой же петливой дорогой воспользовался и спешивший директор «молочки» Николай Иванович Маменко. Когда процессия пересекла длинное поле, оказавшись у выщербленных кирпичных стен старой церкви, «бээмвэ» директора уже стоял под вязами. Тут же на обочине маячил мотоцикл участкового Семенцова. Сам директор, коренастый крепыш в чёрном костюме, нетерпеливо переминался с ноги на ногу возле своего автомобиля, озирался, осматривая высочённые вязы, обезглавленную церковь, лишённую маковок, выросшие берёзки на её крыше. Пройти сразу всем к приготовленной могиле на здешнем, тесном, старинном кладбище было невозможно, слишком узкими оказались проходы между оградями, поэтому прощались с дояркой Зайцевой у широкого крыльца, заросшего бурьяном, и церковных дверей, закрытых на большой висячий замок.

К открытому гробу, опущенному на табуретки, первым подошёл Маменко, и отец Алексей слегка отступил, как бы освобождая ему место. Николай Иванович тяжело вздохнул, нахмурившись, опустил голову, глядя на восковое лицо Валентины Зайцевой, обращённое к безоблачному, голубеющему сегодня небу, и вдруг воскликнул:

– Не вовремя ты ушла от нас, дорогая Валентина, лучшая наша доярка, человек большого сердца! Ведь мы только-только стали на ноги, появилась уверенность в завтрашнем дне, продукцию нашу берут два молокозавода... А какие планы на расширение производства появились!.. Вот к примеру...

Тут Николай Иванович осёкся, сделал паузу, почувствовав, что его заносит в привычную тематику производственного собрания. И продолжил, не спуская глаз с лица покойницы.

– Мы знаем, как трудна была твоя жизнь, знаем, что оборвалась она в тяжёлый момент. Мы скорбим и преклоняемся перед добротой твоего чуткого сердца, ведь оно разорвалось, не вместив в себя трагедии любимого твоего племянника...

И ещё одну паузу сделал Маменко, потому что спазм перехватил его горло. Он переждал, откашлялся и заключил.

– Ну а нам, дорогие мои работники и работницы нашего акционированного комплекса, жители всех окрестных деревень, надо жить дальше! Жить достойно и честно, как прожила свою жизнь труженица Валентина Зайцева!..

Низко поклонившись покойнице, вечно спешащий Маменко негромко поблагодарил батюшку, и тот, издали перекрестив его, идущего быстрым шагом к своему автомобилю, пробормотал вслед: «Спаси тебя Бог!»

Прощались долго. Выходили к гробу, говорили много и сбивчиво, с дрожью в голосах, неловко жестикулируя. Своей внезапностью смерть Зайцевой, никогда не обсуждавшей (вопреки деревенскому обычаю) свои недомогания, потрясла воображение: вроде только вчера шла по улице, улыбалась встречным, перекликалась с соседками, остановившись у забора, а сегодня лежит в гробу, сложив на груди недвижные руки... Все выступавшие говорили о её трудолюбии. О её душевности. О том, как растила осиротевшего племянника. Как бросалась на его защиту, стоило услышать неверное о нём слово.

– ...А вот сейчас некому его защитить! – сердито заявила вышедшая к гробу супруга Рыбачка, Раи-

са, грузная женщина, обладательница трубного голоса, которым привлекала на райцентровском рынке покупателей, распродавая пойманную дедом Иваном рыбу. – Всяческие неправды наплели на бедного Костяна бессовестные люди, не буду их называть, чтоб не ранить душу Валентины их именами. Ведь её душа сейчас с нами, всё слышит... И до самых сороковин будет с нами... А этих людей, погубивших Валентину и Костяна, накажет Бог!.. Обязательно накажет!..

Стали переглядываться в толпе, коситься на Прасковью Семёновну, на её дочь. Но – молча. И тут вклинился отец Алексей, сгладил ситуацию молитвой, произнесённой отчётливо и плавно, умиротворив всех музыкой старинных слов:

– Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшей рабе твоей Валентине и сотвори ей вечную память. Аминь.

После чего гроб понесли по узким проходам кладбища, в фамильную ограду, где покоились родители Константина Кутепова, к могиле, приготовленной для Валентины Зайцевой.

И снова прозвучала молитва, но уже над свеженасыпанным холмиком. И деревенские соседки Валентины щедро прикрыли его цветами, бормоча слова прощания, обещая приходить к ней, чтобы любоваться отсюда синими заречными далями, облаками, плывущими над речной поймой, и Клязьмой, посвёркивающей сквозь береговые заросли ивняка.

17

Обратно, через поле, светящееся золотистой стернёй, Зинка шла с матерью, на два шага позади неё. Обе молчали. Зинкины подружки, почему-то вдруг заторопившись, убежали вперёд. Прасковью Семёновну тяготило молчание дочери. Это длилось уже третий день, а началось с момента, когда по деревне пронеслась весть о внезапной смерти тётки Вали. Попытки Прасковьи Семёновны поговорить с дочерью наткнулись на её упрямую немоту. Она не отвечала ни на один вопрос, не смотрела на мать, вставала и уходила, когда та пыталась взять её за руку, заглянуть в глаза.

Так они и прошли по деревенской улице до самого дома – гуськом, и те, кто встречался им, отводили от них взгляд. Дома Прасковье Семёновне всё-таки удалось цепко схватить дочь за руку и развернуть её лицом к себе:

– Будем молчать? Или ты скажешь, что с тобой происходит?

Пытаясь выдернуть руку, Зинка ответила наконец:

– Это мы с тобой убили тётку Валу. И Костян в тюрьме из-за того, что я предала его. А на предательство толкнула меня ты.

Не было в её голосе истеричных интонаций. И надлома не было. Это был голос человека, что-то окончательно решившего для себя.

– Ты сошла с ума...Такое говоришь матери...

– А ты слепая! Неужели не видишь, что на нас смотрят, как на палачей?..

– Не преувеличивай!.. Мало ли кто, как и на кого смотрит...

Зинка выдернула наконец руку, вывернув её из ослабевшей материнской хватки, ушла в другую комнату, щёлкнув задвижкой.

Садясь ужинать, Прасковья Семёновна позвала её. Дочь не ответила. За три последних дня она ни разу не села с матерью за стол. Когда и что ела? «Кусочничала» по ночам? Вот уж чего не ждала бывшая учительница Журкина, что собственная её дочь станет для неё загадкой. Откуда такое упрямство? Ну, случилось всё это. Наслоилось. С наказанием Костяну судьяха перестаралась. И эта смерть тётки Вали – тоже перебор. Сердечницей была, но не признавалась, и вот финал. Так мы, что ли, с Зинкой виноваты? И что теперь – век горевать?.. Угнетали Прасковью Семёновну ещё и деревенские разговоры: мол-де, учительская семья, а такое творит. Ну, да, поговорят и перестанут, куда не денутся.

Ложась спать, она опять подошла к закрытой двери, попросила Зинку открыть: «Мне другую ночнушку надо взять». Нет, не открыла. Хоть бы кашлянула в ответ. Постелив себе на диване, Прасковья Семёновна вспомнила: и таблетки элениума, без которого она не засыпает теперь, остались в той комнате. Эту комнату, когда муж был в семье, называли «родительской», потому и защёлка в дверях, чтоб ребёнок не ворвался в ненужный момент. Ну да Бог с ним, с элениумом, авось удастся уснуть и так. С книжкой.

Привычными, лёгкими мазками она наложила на лицо крем, расчесала волосы, подумав – «Надо бы шестимесячную завивку сделать, что ли». Вздохнула – «А для кого?». И включила торшер. Книжка была тяжёлой, в твёрдом переплёте, давила на грудь, шрифт утомительно-мелкий, содержание досконально известно. Но классику положено перечитывать, и она каждый вечер, листая «Анну Каренину», вычитывала знакомые

места. Анна её чем-то всегда раздражала, чем – объяснить не могла, а вот её супругу, человеку предельно честному и справедливому, она сочувствовала, даже сострадала. А вот кто ей безоговорочно нравился, это Левин, деловой, толковый, в хозяйстве понимает, почти как директор их «молочки». Вспомнив директора, Прасковья Семёновна сама себе сказала: «Нет, пожалуй, наш Николай Иванович пошустрей будет».

Она уснула, не погасив торшер, рядом с толстым томом Льва Толстого, соскользнувшего с её груди на диван. Ей снились лошади, куда-то бегущие, потом они превращались в гончих псов. Кажется, это Левин выехал на свою дворянскую охоту, хотя, может, не Левин, а директор их молочно-товарной фермы Маменко. В сегодняшнем траурно-черном костюме он похож не столько на охотника, сколько на фазана, в которого вот только что кто-то выстрелил. И он упал. Стук упавшего тела был отчётливо слышен, и Прасковья Семёновна проснулась. Прислушалась. В закрытой комнате раздался стон. Или ей показалось? Она встала, нашарила ногами тёплые тапочки, подошла к запертой двери. За ней было тихо. Но вот снова – какой-то шум и стон.

– Зина, доченька, ты не спишь?

Не откликнулась доченька. И тут, как налетевший вихрь, Прасковье Семёновне вспомнилось сразу всё – её обречённый тон последнего разговора, отказ от ужина, забытый в бывшей родительской комнате элениум в тумбочке (три коробки, с запасом купила!). Неужели наглоталась? Стала стучать кулаком в дверь, кричать – «Открой немедленно!» Но слышался оттуда только хрип. Попробовала налечь плечом, но щеколда прочно держала дверь. «Господи, помрёт же!» – подумала мельком и, накинув халат, выскочила на террасу, а оттуда – на улицу.

Была ночь. Мерцали осенние звёзды. Кривое лезвие месяца угрожающе зависло над крышей Семеновского дома, к которому бежала в распахнутом махровом халате бывшая учительница Журкина. У металлической калитки она нажала кнопку звонка и не отпускала, пока в доме не загорелся свет.

Трубно, с подвывом лаял пёс, гремевший во дворе цепью. Отборными матерными словами исходил Семенов, появившийся на террасе в трусах. Запрыгивая поочерёдно ногами в штаны, он кричал:

– Ночь же, неужель до утра не терпит?!

– Не терпит! – кричала в ответ Журкина.

Она чуть не за руку притащила Петра Иваныча в дом, подвела к запертой двери, велела затаить дыхание. И Семенов тоже услышал хрип. Навалившись массивным плечом, он высадил треснувшую дверь. Включил свет. Зинки в постели не было. Она лежала на полу, в ночнушке, лицо отливало синевой, изо рта вырывался хрип. Тело её содрогалось в конвульсиях.

– Девочка моя! – плачущим голосом причитала Журкина, рухнув на пол, обняв голову дочери. – Ну зачем, зачем ты это сделала?

– Семёновна, дай ей воды, больше воды, чтоб стошнило! – кричал Семенов, набирая по мобильнику номер райцентрской «скорой». – А стенать будешь потом!

...Скорая приехала, когда Зинка, залив пол тем, что из неё вылилось, пришла в себя. Она отказывалась ехать в больницу, но её всё-таки увезли. На столе остался лежать незамеченный в суматохе листок, вырванный из ученической тетрадки. На нём каллиграфически ровным почерком отличницы и аккуратистки был выведен такой текст:

«Прасковье Семёновне Журкиной. Ты любишь только себя. Тогда зачем тебе я?»

Твоя бывшая дочь.

Константину Кутепову. Костик, прости меня, если сможешь.

Твоя Цапля»

18

Дожди и ветры сорвали последнюю листву с осокоря, сторожившего на автобусной остановке деревню Ивлево. И всё чаще стал напоздать из-за реки, из глухих лесных зарослей, густой туман. Он кутал дома, заборы, улицу в молочно-белую, липкую пелену, заставлял проходящие здесь автобусы двигаться почти ощупью, с включёнными фарами. Ивлевцы из-за непогоды старались реже ездить в райцентр, остановка у осокоря пустовала, но каждую субботу, дождь ли, ветер ли, там появлялась женщина в плаще и с зонтиком. Когда под навесом остановки ей случалось столкнуться с кем-то из односельчан, то, сдержанно поздоровавшись, она отходила в сторону, всматриваясь в дорожный изгиб, утонувший в туманной мгле. И – молчала. Да её никто ни о чём и не спрашивал – в деревне знали о её сегодняшней жизни всё. Или – почти всё.

Это была бывшая учительница Журкина, а ездила она по выходным дням в райцентровскую церковь, к отцу Алексию. На исповедь. Кому-то надо было рассказывать о душевных муках, нещадно терзавших её после попытки дочери уйти из жизни, жаловаться на то, как изменилась она, вернувшись из больницы: стала властной, нетерпимой, резкой. А сама Прасковья Семёновна, будто поменявшись с дочерью ролями, притихла, появились в голосе просительные интонации, слёзы (надо же, презренные слёзы!) стали вдруг, беспричинно, набегать на глаза. И за что бы ни бралась – кур покормить, поросёнку варево отнести – неотвязная возникала мысль о Костяне: а что он сейчас там ест?.. Господи Боже, одёргивала сама себя, ну что он там может есть кроме баланды?!.. И промокала влажным уже платком мокрые глаза, закусывала губу до крови, пытаясь остановить подкативший к горлу ком.

Совсем измучившись, она пошла к Семенцову. Умоляла помочь. Предлагала написать в прокуратуру, что и она, и дочь отказываются от своих обвинений, что написаны они в «состоянии помутнения рассудка», и потому Константина Кутепова нужно освободить... Немедленно!..

Семенцов морщился, матерился шёпотом. Объяснял:

– Ты, Семёновна, совсем обезумела, такую чушь несёшь! Да если вы с Зинкой сейчас откажетесь от тех показаний и приговор отменят, то вас обеих должны судить за лжесвидетельство. Есть такая статья в уголовном кодексе, понимаешь? Хочешь с Зинкой на казённых харчах пожить? За колючей проволокой?

И досадливо мотал головой:

– Ну, народ!.. То требует строгости, то умоляет простить! Как с таким народом порядок наводить?.. Ты же, Семёновна, знаешь: адвокат похлопотала, приговор скостили на целых два года. Из шести Костян отсидит три, полсрока, и условно-досрочно его освободят. Если, конечно, там не набедокурит!

Легче от этого разговора ей не стало. Три года думать о том, чем там Костяна кормят и мучиться от осознания своей вины?! Да так недолго и с ума сойти!.. Как-то сказала дочери, что хотела бы написать Костяну письмо.

– Ты же всё равно ему пишешь. Вложишь и мой листок в конверт?

– Зачем? – не глядя на мать, спросила Зинка. – Прощение выпросить? Его заслужить надо!

Всматриваясь в дочь, Прасковья Семёновна со страхом узнавала в ней свои черты. Ведь я такой была, думала она. Непримиримой. Жёсткой. Неужели у неё это навсегда?.. И прежней Зинки, смешливой, покладистой, нежной, сострадательной, нет и не будет? И вспоминала её записку, оставленную перед тем, как выпить смертельную дозу таблеток: *«Ты любишь только себя. Тогда зачем тебе я?»* Ведь в конце концов случилось именно то, что она тогда задумала: *она перестала быть ей дочерью, её как бы нет.* Да разве я была ей хорошей матерью, каялась Прасковья Семёновна. Толком поговорить, понежничать – некогда!.. Моталась каждый день в райцентр, в школу, раздражалась, одёргивая шумливых учеников, тяжёлые кипы тетрадок с собой таскала. А дома по хозяйству – одна Зинка. Командовала ею, кричала на неё. Но неужели же я одна виновата в том, что стала такой – орущей и всем недовольной?.. И такой прожила вот уже скоро пятьдесят лет – спрашивала себя Прасковья Семёновна, со злостью вспоминая мужа, ушедшего навсегда из дома, кляня всю свою жизнь, состоявшую из бесконечных преодолений каких-то трудностей, ожесточивших её характер. *«Я одна виновата? Да ведь вся наша действительность сделала меня такой!.. И не одну меня!..»*

Но эта мысль успокаивала её не надолго. Как-то, в будний день, в райцентре, куда, озаботившись состоянием своего здоровья, стала часто ездить в поликлинику, она проходила мимо церкви. Взглянула на голубые купола, на берёзки в ограде, усыпавшие золотой листвой дорожку и сбитые ступеньки церковного крыльца, вспомнила, каким величаво-спокойным был отец Алексей на похоронах доярки Зайцевой, какой добротой и сочувствием лучились его глаза. И решила зайти – посмотреть на него.

Отец Алексей, статный, в тёмно-коричневой рясе, с кудрявящейся шевелюрой, ниспадающей на плечи, и такой же ухоженной рыжеватой бородой, в зарослях которой шевелились крупные губы, как раз вышел на церковное крыльцо, громко разговаривая по мобильнику. Тут же, у ступенек, пирамидой высились какие-то ящики, банки с краской, обрезки досок. Не решаясь войти, Прасковья Семёновна задержала шаг, и батюшка, заметив это, прибавил громкости в голосе, объясняя своему собеседнику:

– Вот и прихожане мои пугаются, видя строительные ваши материалы, не понимая, в храм они пришли или в столярную мастерскую!.. Так когда же вы мой ремонт завершите?..

Закончив разговор, он сунул мобильник в глубокий карман рясы, поздоровался с Прасковьей Семёновной, как с давнишней знакомой, и с улыбкой, разбегающейся рыжим отсветом по бороде и шевелюре, пошутил:

– Так много хозяйственных дел, что порой не знаю, кто я – священник или прораб.

И прибавил, проникательно всматриваясь.

– Я вас помню, вы из Ивлево, были на похоронах Валентины Зайцевой. Мне говорили про вас, и я предполагал, что вы придёте к нам. Хотите поговорить?

– Да. Очень! Если можно.

– Нужно, если душа просит.

Он не уточнял, верующая ли она, скорее всего, догадывался, что – нет. Но по тому, как она стояла и как смотрела, было ясно – она из тех, кто окончательно запутался в этой жизни. Он повёл её в пустой сейчас, гулкий храм (его высокие своды, заметила Прасковья Семёновна, успевшая накинуть косынку на голову, шелушились от старой, лупившейся краски), подвёл к аналою, на котором лежал массивный крест с раскрытым Новым заветом, сказал быстрой скороговоркой:

– Вы, если вам тяжело, можете не рассказывать подробно, а только назовите грех, в котором раскаиваетесь.

Замялась Прасковья Семёновна.

– Грехи бывают трёх типов, – подсказал ей отец Алексей, – против Бога, против ближних, против себя самого.

– У меня – против ближних, – призналась она, не поднимая глаз.

– Чтобы вам легче было, я их назову, а вы кивайте в знак подтверждения: насмешливость? Вспыльчивость? Высокомерие? Лжесвидетельство? Мечь?

Она кивала, чувствуя, как жгут ей глаза горячие слёзы, как на её склонённую голову, накрытую епитрахилью, ложится большая тёплая рука батюшки, отчего Прасковья Семёновна вдруг ощутила себя провинившимся ребёнком, с которым говорит отец, любящий и всепрощающий.

Рокочущий голос отца Алексия обволакивал и, казалось, пел, выговаривая слова разрешительной молитвы:

– ... И аз недостойный иерей Его властью мне данную прощаю и разрешаю тя, Прасковья, от всех грехов твоих, во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Она вышла из храма медленно, словно боясь уронить то, что несла в себе. Постояла в церковной ограде под берёзками, глядя сквозь обнажившиеся ветви на тяжело и низко ползущие дождевые тучи. Подумала: «А ведь за этими тучами светят звёзды, и хотя мы их днём никогда не видим, они же всё равно там есть... Как та Невидимая Сила, которая воздаёт нам всем по заслугам нашим... Только не все это понимают...» В полупустом автобусе, глядя в запотевшее окно на бегущие мимо придорожные кустарники, голые рощи, огни деревень, светящиеся в предвечернем сумраке, она дивилась позднему своему зрению, сжимая в руках книжицу в гибком переплёте – Евангелие, подаренное ей отцом Алексием.

Сойдя на своей остановке, она взглянула на осокорь, молчаливо стоявший на обочине, утопив обнажённую крону в густеющий туман, и чуть было вслух не поздоровалась с ним, как с близким существом, по которому успела соскучиться. И в дом свой она вошла с ощущением чего-то нового, что случилось в её жизни. Но Зинка на её – «Здравствуй, доченька!» – лишь только буркнула что-то в ответ, уйдя в свою комнату.

По совету отца Алексия Прасковья Семёновна, включив торшер, долго читала перед сном Евангелие. Это успокоило её, и она уснула. Но во сне ею овладело странное, давно не переживаемое томление. Она увидела себя в высоких зарослях какой-то душистой травы. Кто-то рядом шевелился, сверкая улыбкой, протягивая руку, похожий на уехавшего мужа в молодости – так он улыбался, когда в доме было много гостей. Но вот в сумраке шевелившейся травы его улыбка погасла, трава порыжела, завилась кольцами, как борода и кудри отца Алексия. Его глаза заблестели совсем рядом, здесь, на подушке, они сияли, они звали куда-то, а кудри ожили, змеисто обвили голову, шею, плечи, грудь Прасковьи Семёновны. Она отбрасывала их от себя, но они снова стискивали её, а глаза батюшки смеялись, и что-то неразборчивое шептали его крупные губы, утонувшие в рыжих зарослях бороды.

Ей стало душно и страшно, она закричала и тут же от своего крика проснулась. Затаившись, прислушалась, не разбудила ли дочь. Но в соседней комнате было тихо, и Прасковья Семёновна стала вспоминать сон, стыдясь его, понимая, что порождён он тоской по мужской ласке, по родственной близости.

И вдруг подумала с ужасом, открывая самой себе долго таившуюся истину: «Меня же никто не любит... Совсем – никто!...».

Письма из колонии, где отбывал свой срок Константин Кутепов, приносила Журкиным деревенская почтальонша Манька, разбитная деваха с тяжёлой сумкой на длинном ремне, в резиновых сапогах и в

старом, гремящем как жесть плаще. Она обычно барабанила в дверь терраски с шутивно громоподобным восклицанием:

– Письмо ждёте? Быстрей берите, а то ведь унесу!

И, вручая плотный конверт Зинке, спрашивала, заговорщицки понижая голос:

– Ну как он там? Скоро отпустят?

Советовала:

– Посылочку будешь собирать, про печенье не забудь. Они там печеньем похрустеть любят.

У Маньки старший брат, водитель самосвала, год назад врезавшийся на перекрёстке в автобус, отбыл срок в колонии, поэтому она считала себя обязанной делиться опытом помощи со всеми, известными в окрестных деревнях родственниками «сидельцев». Зинка кивала, торопясь распрощаться с почтальоншей, уйти в комнату, запереться, чтоб мать не отвлекла, и распечатать наконец конверт. Манька не обижалась, понимала. Напутствовала:

– Ну, иди-иди, читай. Будешь писать, привет ему от почтовых работников!

Сев у окна в старое скрипучее кресло, Зинка осторожно вскрывала ножницами тугой конверт, выпрастывала сложенные вдвое листки и расправляла их на коленке. Почерк у Костяна был разборчивым, каждая буква как бы отдельно выписана, любимые им восклицательные знаки везде, где только можно, расставлены. И стоило развернуть листок, чтобы тут же в комнате зазвучал его голос – ровный, глуховатый, таящий в себе то, что словами не высказать, а можно лишь намекнуть интонацией и восклицательными знаками. Почти каждое предложение Зинка перечитывала с бьющимся сердцем, задыхаясь от наступавшего вдруг удушья. Отрывала взгляд от письма, смотрела в окно, на ноябрьский мокрый снег, облепывавший забор, голые кусты сирени, зелёную траву на обочине – он летел наискосок из низких туч на незамёрзшие ещё лужицы посреди белёсой гравийной дороги. И, отдышавшись, читала дальше.

«Здравствуй, Цапля моя! Получил от тебя хорошее письмо. Я читал, и снова у меня было видение: вначале я, конечно, услышал шорох камыша. Потом увидел близко твоё лицо, а по нему бегут-качаются тени от камышовых стеблей!.. И солнечные пятна!.. Как тогда, в старице!!! Это такое счастье – видеть твоё лицо хоть и в воображении!.. Хоть и в бараке!.. Представь картину: в ушах у меня шелест камыша, вижу твои глаза близко-близко, а рядом копошатся на своих двухэтажных шконках, почти сто человек! И Сергей, сосед с верхней шконки, что надо мной, свешивает голову и просит: «Почитай вслух». Я ему не отказываю. Говорю – «потом». И он ждёт. Я дочитываю твоё письмо до конца, выбираю из него описания нашей природы и деревни и читаю ему вслух. Ты молодец, описываешь хорошо.

...Здесь природа совсем другая, одни только ели да сосны. Причём у нас ёлки лапами вниз, а здесь – лапами вверх! То ли сорт такой, то ли ёлки с соснами перемешались, и получилось новое дерево. И птицы здесь странные, с кривыми клювами. Зовут их – клесты. Они чуть меньше скворцов, с красным оперением. Гнёзда вьют высоко, вплотную к стволу, чтоб, значит, не видно было за ветвями. А птенцов выводят в середине зимы – в самый мороз! Причём самец вышелушивает семена из шишек, перетирает их в своём зобе и кормит ими самку и птенцов! Вот что значит – Север!

...А народ здесь из разных мест. И с кем ни заговоришь, натыкаешься на одно и то же: почти все считают, что осудили их несправедливо. Например, мой сосед Сергей, фельдшер на «скорой помощи», поругался с начальником, и ему, Сергею, когда он был на выезде, сунули в карман меченые деньги; оперативники почему-то оказались поблизости, и Сергея арестовали, а потом осудили как взяточника. Говорят, сейчас это такой способ расправы. Потому и народу в лагерях – под завязку.

...Кстати: ты опять, Цапля моя, в последнем письме пишешь о том, что тебе тяжело вспоминать «своё предательство». И я опять прошу тебя: не мучай себя!.. Не доводи себя, как это с тобой уже случилось, до края, когда хочется уйти из жизни. Ты меня не предавала! То была не ты, а только твоё подобие. А оно выполняло команды твоей мамы. И маму не мучай! У неё было затмение, и сейчас ей, наверное, тяжелее, чем нам с тобой. Прости ей всё. Жальче всего, конечно, тётку Валю, не выдержало её сердце этой истории. Прошу тебя, не забудь, сходи на её могилку, пошепчи ей от меня хорошие слова.

... Ты спрашиваешь, не тяжело ли здесь работать. Вначале было тяжело. Но не физически, а душевно. А потом всё выправилось. Да и сама жизнь здесь, несмотря на климатические условия, налажена неплохо...»

Эта фраза в письме, конечно, была рассчитана на кого-то третьего, контролирующего переписку заключённых. Поэтому Костян и не обременял свою Зинку ненужными подробностями, которые, как он недавно стал понимать, и не дошли бы до неё, замазанные жирным чёрным фломастером. Всем зекам здесь было известно – их письма вскрывают и внимательно читают специальные сотрудники. Особо примечательные передают заместителю начальника колонии. Тому самому, отвечающему за воспитательную

работу. Рассказывали: он, упитанный, сизоносый, с насмешливо-пристальным взглядом крупных на выкате глаз, вызывал к себе в кабинет автора возмутительного письма, тряс перед его носом исчерканным листком с вымаранными строчками, кричал:

- Ну ты, писатель вонючий, не дорожишь, значит, честью нашей колонии? Позоришь её? А она на данный момент – твоя Главная Родина! И если ты не её патриот, то ты её враг! И место твоё в карцере!
- Я же не нарушал режима, гражданин начальник, – бубнил провинившийся, – за что в карцер?
- За то, что чернишь нашу здешнюю жизнь...

Письма, не прошедшие через пухлые волосатые руки «начальника-воспитателя», всё равно, окольными путями, за большую приплату сменным охранникам, уходили «на волю»; факты рукоприкладства, вымогательства и пьянства работников колонии просачивались в прессу, но приезжавшие комиссии чаще всего не находили им подтверждения. Потому что каждому заключённому хотелось дожить до конца срока. В карцере, куда отправляли упрямых «писателей», дожидаться конца срока было почти невозможно.

Узнал обо всём этом Костян довольно быстро, побывав в кабинете «начальника-воспитателя», в руках которого увидел своё исчерканное письмо.

Сергей, сосед с верхней шконки, потом объяснил:

- В первый раз он в карцер не сажает. А вот во второй раз – обязательно.

И добавил со смехом:

- Главное правило нашей жизни знаешь? Я тоже не знал, а теперь стал учёный: с начальством спорить нельзя, его можно только обманывать. Усёк?

Не писал про это своей Зинке заключённый Кутепов, а про работу свою рассказывал так, будто был отправлен в командировку на расположенное далеко от его деревни предприятие. Всех тех, с кем работал, он называл – «наш хозотряд». В колонии без конца что-то ломалось, и им приходилось заниматься срочной починкой. Они меняли прохудившиеся трубы отопления, ставили новые окна и двери. А до хозотряда он, по его словам, «командовал швейной машинкой» – шил рукавицы, брезентовые куртки, автомобильные тенты и чехлы. Всё хорошо, если бы не монотонность, из-за чего он и попросился в хозотряд. А про «кормёжку» писал сдержанно.

«...Кормят нормально, но, правда, однообразно. Ты спрашиваешь про посылки. Узнал: я имею право в течение года получить шесть посылок. Но если это чересчур хлопотно, то не надо. Обойдусь.

...А как идёт твоя учёба? Ты правильно решила закончить десятый класс экстерном. После той шумихи с судом лучше раз в неделю приезжать из Ивлево в райцентр и сдавать зачёты, чем торчать в классе под любопытными взглядами желторотых мальчишек.

...С опозданием поздравляю тебя, Цапелька моя, с наступившим наконец-то шестнадцатилетием. Поторопиться бы ему всего на два месяца, и не пришлось бы мне быть от тебя так далеко!

...И вот ещё что. Если вдруг наберёшься сил и смелости и очень захочешь повидаться, то знай – здесь правило такое: жёнам, официально зарегистрировавшим брак, дают свидание с мужем сроком надвое полных(!) суток. А жёнам гражданским – на один час!!! Ты не забыла, что год назад на берегу нашей любимой речки Клязьмы, в шалаше, где мы – помнишь? – прятались от дождя, я тебе сделал предложение?! Оно остаётся в силе!!! А зарегистрировать брак можно прямо в колонии, здесь такое уже бывало.

Подумай и реши, Цапля моя! Жду письма!!!»

...Снег за окном шёл, не переставая. Зинка смотрела, как он преобразует всё вокруг, выбеливая дома, улицу, деревья, и снова перечитывала письмо. И представляла себе, как садится в поезд, долго-долго едет с незнакомыми людьми на сумрачный Север, как гремят железные засовы и в открывшихся наконец-то дверях она видит своего Костяна, но не узнаёт сразу, потому что у него нет привычно взъерошенного чуба – он наголо стрижен и одет в серую мешковатую робу. А спустя мгновение бросается к нему, обнимая и целуя его, и ещё через несколько секунд радостно шепчет ему на ухо самую главную новость в его и её жизни:

- У нас будет ребёнок! Представляешь? Я, оказывается, беременна!

Деревня Ивлево, укрытая снегом, хранила в своей зимней дремоте сказочную тишину. Чуть где скрипит калитка, слышно во всех дворах. Хруст шагов звучал музыкально, со стеклянным звоном и шорохом потревоженной наледи. Звонко перекликались стайки снегирей, перелетавших из одного сада в другой, тревожа сон опушённых инеем деревьев. А снилось им, конечно же, синее небо весны... Снились зеркала мартовских луж, усыпавших влажную землю осколками отражённого солнца... Неукротимого солнца,

зовущего к жизни шумно-зелёную листву, спящую сейчас в сердцевине почки и не знающую пока о неизбежном своём рождении...

Таким деревом, его веткой, его почкой, таившей новую жизнь, чувствовала себя Зинка. Она теперь всё делала медленно, плавно, часто задумывалась, прислушиваясь к себе, к тому, что происходило в глубине её естества. И без конца нащёптывала тому, кто уже толкался в ней, все самые нежные слова, все стихотворные строчки, какие помнила, потому что вычитала в каком-то журнале, что с не рождёнными уже можно и нужно разговаривать, они всё слышат и на всё откликаются. И напевала ему любимую свою песенку:

*В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дороженьке троечка мчится...*

К ней теперь часто стали приходиться любопытствующие, стрекочушие, как сороки, девчонки. Зинка для них оказалась – в чём они, смеясь, признавались сами – учебным пособием, по которому нужно готовиться к взрослой жизни.

– Ты больше творога ешь, – делились они почёрпнутыми из женских разговоров сведениями. – Там кальция много.

– Музыку слушай. Только не «тяжёлый металл», а что-нибудь спокойное.

– И двигаться надо больше, – встревала в разговор угощавшая гостей чаем Прасковья Семёновна, успевшая свыкнуться с мыслью о том, что скоро станет бабушкой. – А то ты, доченька, сегодня совсем мало гуляла.

Как-то, ближе к вечеру, стуча протезом по ступенькам крыльца, пришёл Рыбачок, принёс в плетёной корзинке кучку мёрзлой рыбы, выловленной утром в Клязьме из подо льда, и велел Прасковье Семёновне немедленно её приготовить, так как она, свежая, «очень полезительна молодым мамам». А пышнотелая супруга участкового Семенцова, Марина Ильинична, любительница свежей выпечки, прислала с сыном Витькой тяжёлый свёрток с горячими пирожками, упакованными в хрустящую промасленную бумагу. И, видимо, по отцовскому наущению спросил: «Может, по хозяйству чего-нито помочь?» Растрогалась Прасковья Семёновна чуть не до слёз, послала его в дровяной сарай за поленьями. Он принёс их целую гору, с грохотом ссыпав в кухне у печки, и был собой очень доволен. Уходя, сказал: «Зовите, когда чё надо».

«Ещё не родила, – удивляясь и подсмеиваясь над собой, думала Зинка, – а помогают, будто я мать-одиночка». И садилась писать очередной отчёт о своей жизни Костяну, которому, не дожидаясь своей поездки, уже сообщила, что ждёт ребёнка.

«Цапля моя, спасибо тебе за новость о ребёночке, если, конечно, ты меня не разыгрываешь, – писал ей Костян. – Но учти – этим не шутят! И значит, так – если я скоро стану отцом, то вот моя родительская воля: собирай все необходимые справки, приезжай ко мне, и мы здесь, в колонии, регистрируемся. У ребёнка должна быть семья – ты со мной согласна?»

Она была согласна. Она давно уже бредила этой поездкой, но не знала, как быть с деревенским хозяйством. Ехать одной боязно, а если с Прасковьей Семёновной, то на кого оставлять кур и поросёнка? На соседку Клаву? Вроде бы тётка отзывчивая, должна согласиться. Посоветовалась с матерью. Та подхватила, заволновавшись, побежала к соседке. Вернулась, раскрасневшаяся: «Договорилась, присмотрит!»

Все справки вместе с родовым сертификатом Зинке выдали без волокиты – так впечатляюще действовал на всех «столоничальниц», ведавших различными бланками и служебными печатями, выпуклый Зинкин живот. В райцентр, на электричку, их отвёз на своём «Форде» участковый Семенцов, которому почему-то вдруг понадобилось именно на «Форде» и именно в день их отъезда быть в райотделе.

...В Москве, на Ярославском вокзале, погрузившись в поезд, мать и дочь Журкины оказались в одном купе с попутчиками, живущими в Архангельской области. Под стук колёс и бормотанье вагонного радио разговорились за чаем, угощая друг друга дорожной снедью. Проплывали за окном занесённые снегом леса и рощи, станции и пристанционные посёлки. Разговор петлял от пожаров, спаливших прошлым летом в этих местах строевой лес, о чём газеты и телевизор почему-то умолчали, до городских хилых деток, непонятно как растущих. Попутчики, муж и жена, пожилые, уставшие, оказывается, ездили в Рязань, проводывали дочь и внуков. И, рассказывая о их странном житье-бытье, удивлялись – как это можно нынешним детям чуть не с утра до ночи сидеть у компьютера, не гулять хотя бы по парку, раз леса рядом нет, не слушать пения птиц, не знать, как называются травы, по которым ходят их ноги. Так ведь жизнь можно прожить, не поняв, на какой земле жил.

– Наш посёлок в тайге, – рассказывала попутчица, – речка рядом, красота! Зовём молодёжь к себе жить – не хотят. Скучно – говорят. А в городской-то суете разве не скучно? Шум-гам, толкотня. А у нас

зимой птицы поют – заслушаешься! Клесты в январе свадьбу справляют – такой концерт!..

– Это птицы с красным оперением? – спросила Зинка, вспомнив письмо Костяна. – И клювы у них кривые, да?

– Да-да, они самые! – обрадовалась попутчица. – Слышали про них? И что интересно – клювы у птенцов при рождении прямые, но через три недели скривливаются. Как у взрослых птиц.

– Тут скривилась в такой обстановке, – вмешался в разговор попутчик. – Они же из шишек семена добывают, кривыми клювами это удобнее... Ты вот что, мать, раз уж разговорилась, достань там, из сумки, шкалик, а то, что за дорога без выпивки.

Качало вагон. Стучали колёса на стыках. На столике позвякивали стаканы в подстаканниках. Плывущие за окном леса погружались в сумерки, мерцали огоньки далёких деревьев. Зинка прислушивалась к рассказам попутчиков, к репликам Прасковьи Семёновны о неправильном воспитании детей и пыталась представить себе нынешнего Костяна, высокого, плечистого, живущего в почти сказочной таёжной глуши, под пение красноперых клестов, у которых птенцы растут в гнёздах, несмотря на лютую стужу. «Такое им, значит, выпадает испытание» – думала о клестах Зинка.

Может, переехать сюда жить – поближе к Костяну, мечтала она... Продать дом в Ивлево и купить здесь... Но об этом – потом, сейчас о другом думать надо... О регистрации... Долго они с Прасковьей Семёновной решали, во что одеться на эту процедуру. Зинке, конечно, хотелось нарядиться в свадебное платье. Но вдруг в тамошнем районном загсе суровые правила, под стать климату, и в пышном белом платье будешь выглядеть смешно. В брючном костюме с таким животом тоже – нелепо. В стёганке, что ли, идти расписываться? *«Наверное, в том, – предположила Прасковья Семёновна, – в чем всегда ходишь. (Она теперь в разговорах с дочерью ни на чём не настаивала, только советовала). Может быть, у них, в колонии, регистрация – дело будничное...»*

А как Зинка мечтала в детстве увидеть себя в ослепительно белом одеянии!.. Как пристально всматривалась в туалеты невест, мелькавших на телевизионном экране!.. Прасковья Семёновна, заметив это в дочке-второкласснице, вначале посмеивалась, потом и сама увлеклась: вместе обсуждали свадебные фасоны, прикидывали, в какую сумму может наряд обойтись. Такая у них одно время была забава. А завершилась она однажды пожеланием Прасковьи Семёновны:

– Ну, на платье мы денег соберём, а колье с бриллиантами тебе жених сам подарит.

– Мама! – испуганно вскрикнула искушённая уже в ценах Зинка. – Да ведь оно, с бриллиантами, наверное, миллион рублей стоит!

– Вот и ищи себе миллионера!

– Где? Здесь, в деревне? – возмущённо уточнила маленькая Зинка.

– Ну, может, и здесь, если среди дачников какой-нибудь богач окажется. Или во Владимире. А может, и в Москве.

Шутила Прасковья Семёновна, но как же и в самом деле хотелось ей денежной прочности в жизни, основательного мужского присутствия.

21

На свою станцию Журкины приехали ранним утром. Ночь прошла почти без сна – вагон болтало, что-то под ним скрипело и лязгало, на узловых станциях звучали грохочущие динамики, сообщавшие о приходе-отходе поездов. Какой тут сон. На этой станции их поезд стоял три минуты. Выгружались в спешке, толком не попрощавшись с сонными попутчиками. Сошли в основном женщины, с тяжёлыми рюкзаками и сумками, одетые громоздко – в тёплые пальто и полушубки, закутанные платками. Громко стучали шаги по деревянной платформе. Была оттепель, и руки без перчаток, вопреки ожиданиям, не очень зябли. Возле платформы темнело в утреннем сумраке небольшое зданье вокзала. Качался фонарь над его дверьми, пронзительно скрипевшими, когда их открывали. В тесном полутёмном зале дремало несколько фигур, согбённых у своих сумок. В окошечке кассы, у заспанной дежурной, удалось выпросить: до исправительно-трудовой колонии N7 ходит маршрутный автобус под таким же номером, зовётся «Семёркой». В нём-то и оказались все те женщины, что сошли с поезда.

Автобус долго петлял по узким улицам, мимо двухэтажных домов купеческой постройки (каменный низ, деревянный верх), мимо скучных панельных пятиэтажек с тускло освещёнными магазинными витринами. Зинка всматривалась в жидкий сумрак незнакомого городка, разглядывала редких прохожих, неторопливо пересекающих перекрёсток на красный свет – ждала, когда автобус окажется в сказочно-красивой тайге, огороженной колючим забором (пусть – забором, раз так положено), остановится под

громкими соснами, у высоких бревенчатых домов, напоминающих древнерусские терема, и Костян с его здешними сидельцами будет выносить их тяжёлые рюкзаки и сумки. Но водитель почему-то не объявлял остановки, и беспокойная Прасковья Семёновна, измученная бессонной ночью, боясь проехать мимо, громко спросила, когда им сходить, чтобы попасть в колонию.

– Да не пропустите вы её, – вяло откликнулся водитель, – там конечная, все сходят.

И по тому, что нигде никто не сходил, Прасковья Семёновна догадалась: все сидящие здесь женщины едут туда же. Наклонилась через ряд к пожилой женщине, повязанной клетчатым платком, спросила: «Вы тоже в колонию?» Оказалось – тоже. И не первый раз. Сын у неё там, третий год. Сама из Чебоксар. Сыну продукты и тёплые вещи везёт. «А сгущёнку тоже везёте? – поинтересовалась с заднего сиденья молодая, в шапке-ушанке. – У меня в прошлый раз сгущёнку не пропустили». – «Боятся, что наркоту привезём», – сказала женщина из Чебоксар.

За окном потянулись приземистые бревенчатые дома городской окраины, с палисадниками и обширными огородами, присыпанными снегом, возник просторный пустырь, за ним – высокий забор из бетонных плит с клубками колючей проволоки поверху. Автобус медленно шёл вдоль этого нескончаемо длинного забора, меланхолично переваливаясь из одной колдобины в другую, и Прасковье Семёновне казалось, что ни этому забору, ни этой дороге не будет конца. Но вот прорисовались впереди силуэты двух, похожих на скворечники, вышек с потушенными сейчас прожекторами, сверкнули влажно отблёскивающие металлические ворота, обозначился рядом с ними, под козырьком, освещённый яркой лампочкой вход. И приехавшие потянулись к нему, неуклюже выгружаясь из автобуса со своими неподъёмными рюкзаками и сумками.

В длинном помещении, перегородженном несколькими пустыми столами, они, по команде человека в форменной одежде, стали распаковывать свой багаж. Охранники, стоявшие по другую сторону столов, с выражением снисходительно-брезгливого интереса копались в рюкзаках и сумках, выкладывая и потроша свёртки с тёплой одеждой, пакеты с продуктами, скороговоркой задавали всем одни и те же вопросы: «Наркотики, алкоголь есть? Острые предметы? Мобильники? Симкарты?» Называлось это – досмотром. Вскрывали тюбики с зубной пастой и кремом для бритья, недоверчиво нюхали. Упаковки с печеньем прокалывали шилом. И почему-то откладывали в сторону консервы. Прасковья Семёновна, обескураженная и возмущённая их бесцеремонностью, спросила:

– А консервы, что, тоже нельзя? Это же еда, а не алкоголь!

Старший, назвавшийся Владиславом Егоровичем, под чьим наблюдением происходил досмотр, объяснил:

– Недавно обнаружили: мобильник был запаян в одной такой консервной коробке. Из-за неё наш сотрудник чуть должности не лишился.

Когда наконец досмотр и проверка документов были окончены, их провели, открыв звякнувшую решётчатую дверь, на территорию колонии, и Зинка даже приостановилась, поражённая: вместо намечавшихся ей сказочно-бревенчатых домов под гигантскими соснами она увидела ряды панельных корпусов с прогулочными возле них дворами, огороженными колючей проволокой. И – ни одной сосны! Зато на каждом здании атели транспаранты с бьющим по глазам текстом: «Закон суров, но справедлив», «А ты стал на путь исправления?» Невдалеке, от одного корпуса к другому, промаршировала колонна заключённых – одинаково одетые, в серых куртках с белой полосой на спине и в кепках с длинными козырьками, они все казались на одно лицо, и Зинка испуганно подумала: «А вдруг Костик так изменился, что я его не узнаю?!»

Приехавших вели по асфальтовым, лишённым снега дорожкам к Дому свиданий, так называлась здешняя гостиница. Проходили мимо корпуса, огороженного необычно высоким забором из колючей проволоки, вдоль которого носились с хрипло-простуженным лаем лохматые псы. В их яростную разногласицу вплетались неожиданные здесь громкие звуки фортепьянного концерта, исходившие непонятно откуда: из зарешечённых окон этого здания? Из дверных щелей? Казалось, собаки и музыка пытаются перекричать друг друга. Сопровождавший их Владислав Егорович, словно гид, ведущий туристов по экзотическим местам, приостановился и пояснил: это особо строгий корпус, в нём – одиночные камеры карцера, куда сажают отъявленных нарушителей режима. Во всех коридорах здания установлены динамики, по которым, по приказу заместителя начальника, ведающего вопросами воспитания, и транслируют классическую музыку. Для самообразования и самоуспокоения.

– Такое у нас ноу-хау, – добавил он, широко улыбаясь.

– Но ведь это издевательство и над собаками, и над людьми, – не удержалась Прасковья Семёновна.

– Такое слушать – пытка! О каком воспитании вы говорите?

– Вы не горячитесь, гражданка Журкина Прасковья Семёновна, – Владислав Егорович, как оказалось, уже помнил всех приехавших по фамилиям и именам. – Здесь находятся особые люди, с особой психикой, им полезны встряски, в том числе и – музыкой. Ведь у некоторых, прытких, сидящих в камерах-одиночках, возникает мысль о побеге. Собаки эту мысль отгоняют – лаем. А музыка утихомиривает.

Не согласна была Прасковья Семёновна с таким объяснением, но спорить уже не могла. Уставшая от бессонной дороги и необычных впечатлений, она чувствовала, как подступают к глазам предательские слёзы, с трудом удерживала их, отворачиваясь от дочери, стесняясь своей слабости.

Небольшой плотной толпой шли они дальше, и вслед им звучал Первый концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром, заглушаемый визгливым собачьим лаем.

22

Регистрация проходила там же, в Доме свиданий. В широкой квадратной комнате приехавшая из городского загса ведущая – невзрачная женщина в очках, в потёртом пиджачке, с рыжевато-пегой шестимесячной завивкой – за обычным канцелярским столом листала бумаги с печатями, хмуро посматривая на сидевших у стен женщин, затаённо молчащих. Над ними, во всю длину стены висел транспарант (красным по синему), обращённый к отсутствующим пока здесь обитателям колонии: «Мы ждём вас дома». Намеченная первой регистрацией Журкиной и Кутепова задерживалась, и ответственный за церемонию Владислав Егорович нервничал. Приоткрыв дверь, он выглядывал в коридор, сердито бормоча:

– Опять у них там что-то не срастается.

Наконец сообщил:

– Идут.

И, выйдя в коридор, громко спросил:

– Кутепов, почему опаздываешь? Что у вас там?

– В пятом корпусе трубу прорвало. Пришлось всё перекрывать.

– А свидетелем у тебя Сергей Рябухин? Давайте быстрее, народ ждёт... Ну, куда вас несёт в стёганках?!.. Киньте их здесь, на подоконник, никуда не денутся.

Сергей Рябухин, фельдшер «скорой помощи», был тот самый сосед Костяна, любивший слушать пейзажные отрывки из писем Зинки. Войдя, они, растерянно помявшись, подошли к столу. Назвались. Ведущая всё так же хмуро что-то отметила в своих бумагах, повернулась, тяжело вздохнув, к женщинам у стены. Выкликнула:

– Журкина Зинаида! Подойдите!

Не шелохнулась Зинка, словно не слышала. Сидевшая рядом Прасковья Семёновна нервно сжала её руку, прошептала: «Дочка, тебя!» Но она и в самом деле не слышала. Ошеломлённо всматриваясь в того, что повыше – стриженного наголо, с обветренным широким лицом, в серой робе, с крупными руками, торчавшими из коротких рукавов, она спрашивала себя: да не ошибка ли? Неужели это Костян? Ну, да, без чуба, обычно воинственно торчавшего, к этому Зинка была готова, их же здесь всех стригут наголо, но лицо-то, лицо совсем другое! Очень-очень взрослое! Будто ему не двадцать лет, а два раза по двадцать.

– Журкина, я жду!

Тяжело поднялась Зинка, одёрнула на выпуклом животе просторную юбку, застегнула кофту на все пуговицы и, стуча сапогами по деревянному полу, подошла к столу.

– Свидетель ваш где?

– Здесь. Прасковья Семёновна Журкина, вон она. Мама моя.

– Очень хорошо, что – мама. Журкина Прасковья, подойдите. Так. Кутепов, станьте рядом с невестой.

Свидетели, отступите на шаг.

«А ведь он тоже меня не узнаёт», – вдруг подумала Зинка, заметив, как стоящий рядом Костян искоса оглядывает её всю – от новой причёски (она стала стричься коротко) и серёжек, которые он ей однажды купил в райцентре, до торчавшего живота и финских сапог китайского пошива. И тут же услышала его быстрый шёпот: «Где твои косички, Цапля моя?» И, радостно вздрогнув, узнав наконец его, ощутив его рядом, спросила в ответ: «А где твой замечательный чуб, Костик мой?!»

– Шептаться будем потом, – сурово пресекла их общение ведущая, поднимаясь, держа в руке листочки с речью. Откашлялась в кулачок. И, встряхивая рыжевато-пегую завивку, стала произносить текст, звучащий во всех загсах и Дворцах бракосочетания страны.

– Уважаемые невеста и жених! Сегодня самое прекрасное и незабываемое событие в вашей жизни.

Создание семьи – это начало доброго союза двух любящих сердец. С этого дня вы пойдёте по жизни рука об руку, вместе переживая и радость счастливых дней, и огорчения...

«Хорошо, что не в свадебном платье! – твердила себе Прасковья Семёновна, придирчиво осматривая дочь. – И без него вся эта церемония выглядит издевательством!» Она скользнула взглядом по рослой фигуре Костяна, одетого, (впрочем, как и его свидетель) во что-то непонятно серое, убогое, с какой-то белой полосой на спинах обоих, вспомнила, как шли мимо корпуса, звучащего дикой смесью собачьего лая и концерта Чайковского, как мучительно долго длился досмотр багажа, и своё остро пережитое чувство унижения и – свои прошлые тайные мечты о будущей дочкиной свадьбе, о богатом, успешном женихе-горожанине, приезжающем в их деревню на белом «Мерседесе». И, вспомнив всё это, почувствовала ком в горле.

– Создавая семью, – звучал трескучий голос ведущей, – вы добровольно приняли на себя великий долг друг перед другом и перед будущим ваших детей. Перед началом регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами искренним, взаимным и свободным? Прошу ответить вас, невеста.

– Да, конечно, – произнесла Зинка, кивнув, и подумала – что за нелепость, а иначе зачем было ехать в такую даль.

– Теперь прошу ответить вас, жених, – упорствовала ведущая, и Костян тоже кивнул.

– Ну, разумеется, да.

Женщины у стены, понимая, что оказались невольными зрителями нелепого спектакля, сидели молча. Та, что из Чебоксар, угрюмо смотрела в пол. Молодая, мявшая в руках шапку-ушанку, следила за церемонией с недоумённой усмешкой.

«И это регистрация? Это свадьба? Это начало новой жизни? – терзала себя безысходными вопросами Прасковья Семёновна. – Доченька моя, да разве о такой судьбе мы мечтали?..» И тут, словно споткнувшись, она вспомнила, как прогнала Костяна, пришедшего к ней домой – объяснить. Ведь тогда, до суда, ещё не поздно было, опомнившись, остановить события. Да-да, конечно, это она, Прасковья Семёновна, виновата, она своими руками сотворила беду, звучащую сейчас в её душе той самой, услышанной сегодня, страшной музыкой, разрываемой свирепым собачьим лаем... Как быть с этой бедой?! И – обидой, которую Костяну трудно будет забыть?! Ведь ему здесь, среди уголовников, жить ещё два с половиной года!..

– С вашего взаимного согласия, выраженного в присутствии свидетелей, – крикливо провозгласила наконец ведущая, – ваш брак регистрируется. Подойдите к столу и своими подписями скрепите ваш семейный союз.

Неуклюже склонились они над столом, Зинка и Костян, вписывая в указанную графу свои имена, и Прасковья Семёновна, глядя на них, твердила себе: «Нет, не будет мне жизни – хоть с ними, хоть без них, если не покаюсь. Публично... Как все грешники – в старину... Да, виновата, да, надо покаяться. Надо!» И, дождавшись, когда Костян с Зинкой повернутся к ней лицом, она кинулась к ним навстречу, упала на колени, выкрикнув лишь два слова: «Простите меня!»

Её стали поднимать. Костяну с Зинкой помогали свидетель Сергей Рябухин, подбежавшая женщина из Чебоксар, кинувшийся к ним Владислав Егорович, надзиравший за порядком, но Прасковья Семёновна выскальзывала из их рук, снова падая на пол, повторяя – «Простите меня!», дав волю слезам, накопившимся за эти нескончаемо длинные, осенне-зимние дни.

23

...И снова Клязьма вышла из берегов. Синее небо весны дохнуло тёплым ветром на затопленный плавневый лес, и золотая рябь побежала, мигая, по широкому плёсу к деревенским огородам. Обрушивались подмытые половодьем крутые берега, меняя рисунок русла. Уносило течение ивовые кусты и старые деревья, падавшие в воду с тревожно-торжественным всплеском. И снова, как в прошлый год, спрашивал Костян в своих письмах про сосну, стоящую на самом краешке высокого берега, – ту самую, под которой река образовала вымоину, откуда удобно было забрасывать удочки в самую сердцевину сверкающего водоворота и таскать ершей и плотвичек... Стоит ли та сосна?.. Не накренилась ли?.. Нет, не накренилась, отвечала ему Зинка и, ссылаясь на самое компетентное в деревне Ивлево мнение деда Ивана (по прозвищу Рыбачок), объясняла: оставшиеся не подмытыми корни этой сосны такой длины и крепости, что она ещё сто лет простоит.

И минула ещё одна весна, и Костян наконец расстался со своим сумрачным Севером, потому что вечно спешащая адвокатесса (с мужским голосом и резкими жестами) добилась всё-таки пересмотра дела,

снабдив его новыми свидетельскими показаниями Прасковьи Степановны и Зинки. И однажды ивлевцы увидели на своей единственной улице высокого, плечистого человека, чем-то напоминающего Костяна. Это и был Костян, медленно идущий по деревне с ребёнком на руках, всем кивающий, что-то тихо бормочущий мальчишке, который, удобно устроившись на сгибе отцовского локтя, дёргал его то за ухо, то за нос, заливаясь звонким (Зинкиным!) смехом.

Работать Костян стал слесарем-наладчиком, на «молочке», у Николая Ивановича Маменко, и с первой же зарплаты заказал и поставил на могиле тётки Вали, у креста, небольшую мраморную доску с видной издали позолоченной гравировкой – её фамилией и словами: «Помним. Любим. Грустим». В выходные дни он зачем-то мотался на своём старом мотоцикле (больше двух лет дожидавшимся его в сарае) по окрестным деревням. Вскоре выяснилось: из безработных мужичков, ещё не успевших уехать в близлежащие города, он сколотил плотницкую бригаду, стал рубить дачникам бани и обновлять дома и оказался так популярен, что у него образовалась очередь заказчиков.

А ещё через год Зинка родила двойню, мальчика и девочку. Хлопот Кутеповым прибавилось, но всем их детсадом (Зинкино выражение) умело управляла Прасковья Семёновна, вывесившая в обоих домах (своём и Костяновом, доставшемся ему от тётки Вали) распорядок дня, неукоснительно соблюдавшийся. В райцентровской церкви, у отца Алексия, Прасковья Семёновна теперь бывала всё реже, а, исповедуясь, вспоминала за собой лишь один грех, о котором говорила с улыбкой: «Вчера на старшенького, Митеньку, вдруг рассердилась, но не надолго, минутки на три, кажется. Подвижный он у нас очень, не уследишь».

Митеньку (его дома звали – Митян) отец уже брал с собой на рыбалку. Они шли к сосне, спускались в глинистую выемку, под нависающие, подсохшие, древесные корни, Костян забрасывал удочки, рассказывая сыну про колючих ершей, серебристых плотвичек и длинноногую цаплю, которая на мелководье ловит зазевавшихся уклеек, а, поймав, несёт добычу своим цаплятам.

Приходила проведать их Зинка. Она шла легко и бесшумно, высокая, гибкая, не успевшая расползнуться, останавливалась под сосной, в кружевной тени прозрачной кроны, молча, затаившись, наблюдала сверху за мужем и сыном – за тем, как они тихо переговариваются друг с другом, глядя на поплавки. Костян, почувствовав её взгляд, поворачивался, подняв голову, смотрел на неё. Улыбался. Он не уставал смотреть на неё – на то, как она одёргивала новый, только что сшитый сарафан («К нему надо привыкнуть...»), как причёсывалась у зеркала (она теперь была с короткой стрижкой, говорила – с короткой практичнее), как задумывалась или смеялась, сердилась, сдвинув брови, или рассуждала о чём-нибудь, плавно жестикулируя.

– Здравствуй, цапля моя! – говорил он ей. – Ты нам, наверное, поесть принесла?

– Принесла, – осторожно спускаясь к ним с крутого откоса, признавалась Зинка. И, расстегнув брезентовую сумку, извлекала оттуда промасленный пакет. – Вот вам сколько Прасковья Семёновна оладьев напекла. Митян, ты проголодался?

-- Оголодался, – эхом откликнулся Митенька, отряхивая ладони от налипших соринки.

– Нет, руки и у тебя, и у отца не очень чистые, поэтому я вас покормлю сама, – строго говорила Зинка, и, смеясь, совала куски оладьев в их разинутые рты. И отец с сыном тоже смеялись, заражённые её смехом. Потом Зинка спохватывалась – «Малышня моя бабушку Прасковью, наверное, совсем задёргала!» и убегала домой, к близнецам.

Мимо на плоскодонке, из устья старицы сплавлялся по течению неумолимый дед Иван, совсем уже старей, но жилистый, спрашивал:

– Ну, что, мужики, клюёт? Если нет, приходите ко мне на уху, я с уловом!

– Пока клюёт, – откликнулся Костян, – привет бабе Рае.

А чуть погодя слышались наверху, под сосной, тяжёлые шаги и сиплое дыхание. Громоздкий человек в шляпе и пятнистой куртке, со связкой удочек, остановившись, восклицал, хрипло похохатывая:

– Костян, годы идут, а ты опять здесь! Я тут лещей прикормил, а ты место занял.

Это был всё тот же Семенцов Пётр Иванович, теперь уже бывший участковый, с рюкзаком на широкой спине, так он экипировался, когда шёл на вечернюю рыбалку. Оказавшись на пенсии как раз в тот момент, когда милицию переименовывали в полицию, он всем объяснял, что милиционером быть готов всегда, а полицейским – никогда. Не нравилось ему такое название. Хотя все в деревне знали, что он попался на взятке, и срочно ушёл из милиции, чтобы замаять скандал.

– Кто раньше пришёл, того и место, – привычно откликнулся Костян. – К тому же нас двое, а ты, Пётр Иванович, один. И по закону, и по справедливости место за нами.

– Ты всё про закон и справедливость, – Семенцов снимал рюкзак, клал в траву рядом с удочками, и,

достав портсигар, гремел спичечным коробком, закуривая. – Зло на меня не держишь? Ну, ошибка вышла, когда тебя сажали, формально-то вроде по закону, а на самом деле – глупость. Ведь потом, когда тебя уже этапировали, а Зинка пыталась руки на себя наложить, я ходил к своему начальству, предлагал отыграть всё назад. На меня так орали! Отчётность портить не хотели. Говорили, что небольшой срок тебе на пользу.

Присев на корточки, он затягивался, выпуская дым кольцами, любуясь ими.

– На эту пользу я в колонии насмотрелся, – сумрачно усмехался Костян. – Половина народу сидит там ни за что. Просто кто-то кому-то помешал крутить свои делишки, и ему подстроили взятку, наркоту сунули в карман, обвинив в распространении. Судьи, как у меня было, просто переписывали обвинительное заключение, называя его приговором, и человека – за колючку! Сколько я этих историй наслушался за два с половиной года!

– Да, прав ты, Костян, прав, я уж и не спорю, но есть такая порода людей, их осаживать надо. Иначе разнесут государство в клочья.

– Эти люди там становятся убеждёнными преступниками, только более хитрыми и изворотливыми. Меня там учили: с начальством спорить нельзя, начальство можно только обманывать.

– Ну и что ты предлагаешь?

– Перестать врать. Жить по правде. Всем – и начальству, и нам с тобой.

– Да разве такое возможно?! – смеялся Семенов, закидывая рюкзак за спину. – Мечтатель ты, Костян, и колония тебя не исправила. Но устроился ты хорошо: жена- красавица, детей уже куча, бригаду плотницкую собрал, деньги, конечно же, лопатой гребёшь... Вот только с них налоги государству, наверное, не платишь...Так?

На любимую свою тему Семенов выбредал по привычке, помимо своей воли.

– Ну теперь, Пётр Иванович, это не твоё дело. Отдыхай на своей милицейско-полицейской пенсии, а с государством нашим я разберусь сам.

– Да ладно тебе, не сердись, я ведь шучу, – примирительно хмыкал Семенов. – Пойду дальше, там у меня тоже место припасено.

Разговоры эти с бывшим участковым повторялись, смешили и злили Костяна, и всякий раз, спохватившись, он наклонялся к Митеньке, трепал его по макушке, бормоча: «Каких только глупостей ни услышишь на рыбалке, когда приходят такие вот дядьки, да?!»

...А омут у их ног неумоимо крутил свою плоскую сверкающую чашу, и кобчики летали над водой, вскрикивая хищно и жалобно, и сосна, осенявшая здешний берег прозрачной кружевной тенью, продолжала вращать оставшимися живыми корнями в родную травянистую землю, держась изо всех сил, чтобы не упасть.

Деревня Погост, что на Клязьме - Москва.

Никита НИКОЛАЕНКО

Борьба за акции

Рассказ

Какие там акции к чертовой бабушке! Звучит просто красиво – борьба за акции, потому и применил это название. Не за акции я тогда боролся, а за возможность вести прежний размеренный образ жизни, за спокойствие близких мне людей, за то, чтобы не оказаться ненароком на улице. Впрочем, без акций не обошлось...

Необходимость достать где-то крупную сумму денег возникла, как всегда, неожиданно. Беда всегда приходит неожиданно-негаданно. Нет, заблаговременно я готовился к подобному развитию событий, и все же долгожданное известие прозвучало как гром среди ясного неба. «Ваш брат желает продать свою долю в квартире, – вежливо, но безапелляционно объявил специально нанятый для этого дела адвокат. – Будете ее выкупать?» «Конечно!» – последовал короткий ответ, и я прервал разговор. Надо подумать! Не нахамить ли ему, если еще раз позвонит? Хотя, что тут думать! Все «за» и «против» были взвешены заранее.

Требуемая сумма, почти полтора миллиона рублей, у меня имелась. Откуда? Отец оставил наследство. Старик много занимался акциями, к его делам подключился и я, и часть акций мы успели продать. Деньги я берег, как зеницу ока, понимал, что пригодятся. Вернее сказать, необходимая сумма почти имелась. Не хватало каких-то ста пятидесяти тысяч. Пустяк, словом! Так думал я тогда, но как быстро выяснилось, сто пятьдесят тысяч – совсем не пустяк, а очень даже приличная сумма! Конечно, все относительно!

Уместно еще заметить, что в наше время и в нашей стране лишь немногие писатели могли позволить себе излишества. Вот я, например – не мог! А потому озадачился.

Закончив разговор – а дело было на улице, в парке, – я приблизился к деревьям для подпитки энергии и, дотронувшись ладонями до шершавой коры, прикинул дальнейшие шаги. Итак, выбор у меня не большой. С чего начать? Время! Время пошло!

Быстро перебрал в уме возможные варианты. Занять? Не у кого! Преподавание венгерского языка? На это потребуется время, да и не факт, что ученики появятся. Переводы?хлопотно, да и деньги не те! Нет, все не то! Подобные варианты обогащения рисовались блеклыми тонами. Зато потенциальные траты – нотариусу, адвокатам и прочее, обозначались весьма отчетливо. Деньги! Нужны деньги, много и сразу! Продать акции? Акции, доставшиеся в наследство от старика? Да, пожалуй! Других вариантов не нашлось. Стоили они немалые деньги, и если быстро управиться, то как раз хватило бы залатать прорехи. Впритык, правда. Только вот, управлюсь ли к сроку? Деньги понадобятся ох как скоро, ждать никто не собирается! А мороки с акциями предстоит много. Ох, слабо представлял я тогда, сколько сил потребуются для движения к цели! Однако делать нечего! Вздохнув и вспомнив старую русскую пословицу – глаза боятся, а руки делают, я приступил к делу.

Однако скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пока еще суд да дело! Пока открыл наследное дело... Полгода пролетело незаметно. Теплилась еще надежда – не одумается ли родственник? Да где там! Звонок адвоката напомнил о главном. Тут-то все и началось.

И первым делом потребовалось разобраться – а что же досталось мне в наследство? Разобраться оказалось непросто. Я, конечно, имел представление о предмете, поскольку активно помогал старику, пока он был жив. Но одно дело – иметь представление, и совсем другое – вникнуть во все тонкости и заниматься продажей самостоятельно.

Мне повезло в жизни. В том плане, что учился целых двенадцать лет! Техникум, институт, аспирантура. Вот, полученные навыки игодились. Очень скоро я стал рассматривать свою деятельность как проект, который следует начать, продолжить и закончить. А это я умел хорошо делать. Всё же кандидат наук!

Сразу выделились приоритеты. Три пакета акций позволяли набрать недостающую сумму, впритык, правда. Вывод последовал простой – на них и следует сосредоточить все усилия. Для пользы дела подбрал и подходящее сравнение, примерно следующее.

Когда корабль получает пробоину, важнее всего остановить поступление забортной воды, поставить временный пластырь. Потом, переведя дух и собравшись силами, без запарки можно провести и серьезные работы по устранению течи. Только вот, время! Иногда даже казалось, что над ухом раздается противное и монотонное тиканье часов.

Хорошо, со стоимостью определился, но тут же возник следующий вопрос. А кому продать акции? Кто

их купит? Не идти же на улицу и предлагать прохожим – купите акции по дешевке! Деньги срочно нужны! Да люди просто шарахаться будут, чего доброго и милицию вызовут! Мало ли коробейников бродит по московским улицам!

Однако вперед! На ходу приходилось осваивать новые правила неизвестной доселе игры. Не хотелось играть в эти игры, не по мне они, но недаром говорится в народе – нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет.

Обзвонив десяток компаний, торгующих акциями на биржах, в общих чертах я уяснил ситуацию. Она оказалась непростая. Продать акции быстро будет трудно, мои проблемы со временем никого не волнуют. Найдутся покупатели – приводите, мы оформим, а нет – ждите, – примерно такой ответ озвучили все собеседники. Уяснив, что с чего-то начинать все равно придется, я выбрал контору недалеко от дома, на Тульской улице, и направился туда бодрыми шагами. Кстати вспомнилась и пословица – доброе начало полдела откачалось! Подпитываю себя пословицами да прибаутками.

Но начало оказалось совсем не добрым. Контора произвела двойственное впечатление. С одной стороны – любезный персонал, привычный офисный антураж – стекло и пластик, но все смотрелось солидно. А вот с другой стороны! Насторожило почти полное отсутствие посетителей. То есть кроме меня зашел еще какой-то крупный дядька и громко принялся рассказывать сказки о своей фирме с десятью миллионами месячного оборота. Слушать было забавно.

Ну хорошо. Поговорив с любезным менеджером, я направился к регистратору. Как выяснилось, это основное лицо на сцене, где мне предстояло сыграть свою роль. Регистратор задал вопросы, и, желая уточнить детали, я набрал номер конторы, которую недавно покинул. Тут-то и ждало разочарование! Они и понятия не имели о предмете! Я загрустил – такой антураж, а в итоге... Если так бездарно буду терять время, то не успею к сроку!

Не давая себе расслабиться, продолжил поиски и нашел то, что искал. Контора, куда обратился, выглядела попроще, зато ситуацией там владели полностью и на меня свои заботы не перекладывали. Там я познакомился с новыми людьми – ах, как интересно! И первым человеком оказался ходивший за мной по пятам по этажам высотки представитель фирмы. Как быстро выяснилось, он был действующим сотрудником милиции. Здоровенный детина, моложе меня лет на десять, смотрелся солидно. Разговорились. «Как служба идет?» – поинтересовался я, желая скоротать время. «Да увольняюсь скоро! – беспечно махнул он рукой. – Жду место охранника неподалеку, как освободится, так и уволюсь. А жилье мне уже дали».

Мы сидели в приемной у нотариуса в хорошем здании в центре города. «Место охранника! – и это говорил капитан милиции! Болеет общество, лечит пора», – мелькнула мимолетная мысль, но зацикливаться на ней не стал, едва успевал за событиями. Доверенности, подписи, сверка документов. Ошибиться нельзя!

Вскоре бумаги были оформлены, и мы вернулись в контору уже за деньгами. Пока суд да дело, мне предложили подождать в приемной с двумя девушками-секретаршами. Еще одно знакомство! Я скромно устроился на диванчике и принялся изучать глянцевого журнала с картинками. Тем временем одна из девушек говорила по телефону со своим парнем, нимало не смущаясь того, что незнакомый мужчина сидел рядом. Поневоле вникал в разговор.

«Значит, ходим сначала на выставку, а потом поедим к тебе, и я останусь у тебя на ночь, – предлагала девица. – Согласен?» Тот, видимо, не возражал. Закончив разговор, девица свысока, как показалось, посмотрела на свою подругу. Похоже, ту охватила тоска зеленая. Растерянным взглядом она обвела помещение, скользнув и по мне.

– В аквапарк сходить, что ли? – произнесла она, обращаясь в пустоту.

Подруга ничего не ответила, лишь, бросив на ходу «я пошла», упорхнула из комнаты. Помолчали. Какой журнальчик интересный! Девушка, которая осталась, вышла из-за стойки, продефилировала по комнате и вернулась на рабочее место. Она была высокая и с такими длинными ногами, что я невольно сравнил ее с жирафом. Из-за ног, наверное.

Я говорю, в аквапарк новый сходить, что ли? – громко повторила она с таким отчаянием, что не отреагировать было невозможно. Будь, что будет! Наверное, билет туда рублей четыреста стоит? – осторожно высказал предположение. Ха-ха! – усмехнулась девица. Самый дешевый билет – две с половиной тысячи! – Неужели! После этой реплики разговор затих сам по себе. Я уткнулся в картинки, а девушка, по-видимому, решив, что день потерян, потянулась к служебному телефону. Вскоре пригласили и меня, за расчетом.

Деньги, сорок тысяч отсчитал сам директор на удивление легко и быстро и предложил заходить еще,

с акциями, разумеется. На том мы и расстались, довольные друг другом. Умеют работать, когда хотят, - похвалил я работников. Не то, что в той гадкой конторе, куда обратился поначалу! Но, все хорошо, что хорошо заканчивается. Окрыленный успехом, я направился дальше. Девушка в приемной проводила равнодушным взглядом. Не беда – переживу! Только не расслабляться – рано! Снова привычный круг – нотариус, регистраторы, оценщики. Бесконечная беготня утомляла. Одно радовало – погода стояла хорошая.

Как же повезло с погодой в ту весну! А может быть, ничего особенного и не было, просто дело шло, вот и радовался. И, все же! Приближалось лето, и денечки стояли все больше солнечные да ясные. Жаль только, что наслаждаться погодой удавалось лишь в перерывах между забегами, зато положительные эмоции впитывал в себя полностью, без остатка.

По наивности считал, что стреляного воробья не удивить, но как выяснилось, ошибался. Директорство охранным предприятием осталось далеко позади, а за те годы, что занимался творчеством, многое изменилось в Москве, в стране, да и в мире тоже. Навязанные обществу победившим классом новые правила выделялись на привычном фоне. И дело не только в мчащихся по улицам кортежей из сверкающих иномарок. Обстановка стала другая. Передвигаясь перебежками по центру города, я открывал для себя новое на каждом шагу. Охранники в каждом здании, строительство, приезжие. Это раньше я часами бродил без дела. Теперь – только по делу, и то недолго.

В роскошных зданиях обосновались новые организации, те самые Регистраторы акций. Поневоле, удивлялся. Значит, сами предприятия где-то на Севере, а регистраторы – вот они, на центральных улицах. Полюбуйся со стороны, если акций нет. Войти не получится. А в это время где-то далеко, в забоях и шахтах работали люди, не озадачиваясь тем, что их судьбы вершатся в Москве. Кто-то скупает акции, кто-то их продает, а за этим может последовать и смена профиля предприятия. Примеров масса. Керамический завод, на котором я работал когда-то начальником цеха, превратили в досуговый центр. На роликах теперь там катаются. Да, ладно! В своей вотчине – хозяин барин! А персонал, какой вышколенный! Как будто, и другой жизни и не знали. Ну, дела! Впрочем, удивляться мне было некогда – поспеть бы к сроку!

Для поднятия духа, опять подобрал подходящее сравнение. Люблю эпитеты! Я представлял себя отважным альпинистом. Чтобы продвинуться на шаг вверх, необходимо вырубить ледовую ступеньку, за ней – другую. И работать придется быстро. Надвигается буря! Непогодой сметет со скалы в одночасье, и никакая веревка не удержит. Вперед! Отдохну потом, заодно и оценку дам событиям.

Контора, в которой располагался основной по моим меркам Регистратор, поразила своей фешенебельностью. Отметил удачное расположение огромных залов, а людей в них раз-два и обчелся... Все двери закрыты, мерцают красные и зеленые огоньки, везде код доступа. Незванный гость не пройдет. Не сразу конечно, но и мои бумаги были готовы и, в который раз пройдя через охрану, я направился к лифту по привычному уже маршруту. Со мной в лифт зашла высокая девушка в черной короткой юбке, и с длинными ногами, очень похожая на мою знакомую любительницу аквапарка. Она тоже напомнила жирафа. Нарочно их подбирают, что ли!

Хорошо, наверное, здесь работать? – обратился я к девушке. Хорошо! – без затей подтвердила она. Везет же людям! Две любезные женщины в отделе передали необходимые бумаги. Хорошо, наверное, здесь работать? – поинтересовался на этот раз у них. Неплохо! – согласились они. За бумаги, конечно спасибо, теперь продать бы их поскорее, - с надеждой я посмотрел на собеседниц. – Продать? – нерешительно ответила одна из них. Ну, если Вам срочно нужны деньги, мы можем посоветовать одну организацию. Потеряете в деньгах, правда. Тут же появился и листок с телефоном. Только мы здесь не причем! – напомнила одна из них – Конечно! Кто бы сомневался! На такой ответ я и рассчитывал.

Тут же появился и телефон. Сколько у Вас акций? – спросили на другом конце провода. – Четыре тысячи! Бегу, - последовал ответ. Минут через двадцать в помещение ввалился тяжело дышавший крупный мужчина. Спешил, голубчик! – порадовался я про себя. Впрочем, я и сам был готов бежать ему навстречу. Тут же появились бланки, приступили к заполнению. У меня попросили паспорт. На деньги хотелось бы посмотреть, - мягко напомнил я о главном. - Ах, да! Покупатель сразу отсчитал требуемую сумму пяти тысячными купюрами, мятыми и грязными, правда, и положил деньги на стол. На душе заметно полегчало. По идее, я должен был быть благодарен мужчине, но на деле испытывал неприязнь – бегают тут, суетится, скупает акции. К чему бы это?

Еще одно дело было сделано. Еще на шаг приблизился к цели. Теперь не хватало каких-то двадцати пяти тысяч, но еще теплилась надежда сыграть на курсе доллара, поскольку основные накопления хранились в валюте. На волне энтузиазма решил попробовать оприходовать и оставшиеся акции, и снова помчался за удачей. Рассчитывать только на курс доллара показалось рискованно.

Чего с избытком тогда хватало, так это впечатлений. Дело-то новое, потому и много новых открытий сделал для себя. Одна картина сменяла другую, беготни меньше не стало, а дело застопорилось. Двадцати пяти тысяч по-прежнему не хватало. Поиски продолжались.

В то, бог весть какое по счету учреждение с блестящим интерьером и вежливым персоналом я отправился с утра пораньше. Лето в Москве набирало обороты, установилась жара, девушки в легких платьях гуляли по улицам. Мне же было не до прогулок. Дела! Место было знакомое, забирал оттуда запрос для нотариуса, теперь вот, пришел с ответом. На входе встретился сам начальник охраны – степенный мужчина моих лет, кавказец, в строгом синем костюме.

Вы по какому вопросу? – обратился он ко мне. Да вот, бумажку недавно забирал, – последовал туманный ответ. Забирали, а теперь обратно привезли, – сообразил солидный мужчина. – Ага! Тогда проходите, – пригласил он и, нажав на кнопку автомата, любезно выдал листок с номером очереди. Поблагодарив, я направился в зал, на ходу высматривая место, где бы устроиться поудобнее. Людей в зале оказалось мало, но это ничего не значило. По опыту уже было известно, что двухчасовое ожидание гарантировано. Не испытывая особого волнения, поскольку благоразумно запасся свежей прессой, я выбрал место в углу так, чтобы держать в поле зрения весь зал и, закинув ногу на ногу, углубился в изучение новостей. Как интересно!

В зале появился молодец из охранников и, покачиваясь на лакированных туфлях, принялся обозревать подведомственную территорию. Хоть какое-то развлечение! Вскоре он исчез, и его сменил другой молодец. Сколько же их? На большом экране мелькали соблазнительные цифры, означавшие котировки акций, время текло незаметно. Изучив прессу, я отложил газеты в сторону и осмотрелся вокруг – чем бы еще заняться? Посетителей оставалось всего-то пять человек! Одолевала дрема.

Желая подогнать время, я переместился поближе к стойке, и скоро от моей сонливости не осталось и следа. Внимание привлекли две женщины. Одна из них была старуха, а другой на вид – лет сорок. В зале возникло оживление. Засуетилась охрана, зашевелился сонный до этого персонал за стойкой. Что за новшество? Не без интереса я посмотрел на женщин. Одеты они были более чем скромно, а та, что помоложе, держала в руках две большие хозяйственные сумки и на пол их ставить, похоже, не собиралась. Так надежнее. Что за напасть? Может быть, эти ударники капиталистического труда решили показательно обслужить рядовых граждан? Верилось с трудом. Тогда что же? Интерес возрос, внимание усилилось.

Сюда проходите, сюда! – суетился между тем охранник, сопровождаая женщин от одной стойки к другой. Сюда? – женщины послушно перемещались за ним. Что-то новенькое! Посидите пока! – предложил им охранник, пошептавшись с менеджером. Возникла пауза.

Старуха живо устроилась на стульчике рядом и уставилась на меня как баран на новые ворота. Минута-другая. Ничего не поменялось. Я заерзал на стуле. От этого немигающего взгляда становилось не по себе, всему есть предел! Хоть бы на кого другого посмотрела, что ли! Какая гадкая и бесстыжая старуха! Скоро всему нашлось объяснение. Женщин снова пригласили к стойке, и разговор с ними разносился по залу.

– Итак, как будете делить деньги – пополам? – громко поинтересовался молодой человек в униформе. Женщины посмотрели друг на друга и закивали головами. – Пополам! Значит, сорок шесть миллионов делим пополам, итого выходит по двадцать три миллиона каждой! – подытожил менеджер, для блезира постучав пальцами по клавиатуре. Сорок шесть миллионов, по двадцать три миллиона каждой! Я замер на стуле. Тетка стояла в двух шагах и сумок на пол так и не поставила.

– Посидите пока! – прозвучало предложение.

Бабка снова плюхнулась рядом и снова уставилась немигающим взглядом. Но тут и я посмотрел на нее другими глазами. Передо мной сидела пожилая женщина в брюках, в блузке, высокая и худая.

А бабушка-то еще ничего, моложавая, подтянутая такая! – сразу нашлись и положительные стороны в ее облике. Почему бы не погулять с ней в парке, под ручку, подышали бы свежим воздухом! А там и в Венгрию можно было бы съездить, в термальных ваннах оздоровиться. Лечебные воды так полезны! Заодно и финансовые вопросы решились бы! Тут поневоле я изобразил подобие улыбки. Воображение разыгралось. Давненько не доводилось плескаться в термальных ваннах, пить сладкую грушевую Палинку, гулять по улицам Будапешта! Ой! Стоп! – приказал я себе и, резко поднявшись, прошелся по залу, стараясь не смотреть на бабушку. Нельзя расслабляться, рано! Вернулся на привычное место в углу.

Еще через час подошла и моя очередь. Отдав бумажку – дел-то оказалось на две минуты, я покинул образцовое капиталистическое учреждение. Женщины со своими миллионами ушли еще раньше. И бог с ними!

Время шло. Беготня продолжалась, но я уже уверенно продвигался в нужном направлении. Сколько

контор пришлось обойти, сколько бумаг подготовить – не сосчитать! Перемещался то на машине, то на метро, то пешком, и того адвоката возил с собой, по надобности. Хождения принесли свои плоды – необходимые документы были подготовлены. Теперь меня ждало самое сложное дело – сделка по купле-продаже. Никак нельзя ошибиться! Сколько бомжей бродило вокруг, примеров достаточно. Недалеко от дома в овраге у них целое общежитие! Осталось еще поменять доллары, больше тянуть не имело смысла.

Доллары я берег до самого последнего момента, все надеялся выгадать на обмене, но нет, не удалось, не выгадал! Срок мне назначили конкретный. Вот если бы неделей раньше или неделей позже... Если бы, да кабы!

Когда я стоял у обменного пункта, сзади подошли два кавказца и молча встали рядом. Ну, началось! Вот и пригодятся мои боксерские навыки! Пистолета еще не достали? Мельком я взглянул на крепких мужчин. Нет, ни ножа, ни пистолета не было видно. Мужчины спокойно стояли и ждали, когда я отойду от кассы. Опасения оказались напрасными. Пронесло на этот раз.

Как я ни считал все деньги тем вечером, ни перекладывал пачки с места на место, ничего не поменялось. Двадцати пяти тысяч по-прежнему не хватало. Хорошо иметь надежных друзей! Были у меня такие, Лена и Саша. Выслушав просьбу, Лена тут же привезла деньги. Вернуть не забудь, – напомнила только. Конечно! – последовал наивный ответ. До сих пор возвращаю.

На следующий день, расставив деньги по карманам, я направился в банк закладывать их в ячейку. Банк находился в центре города. То еще оказалось приключение! Я даже не решился брать свою старую Волгу, припарковаться в центре Москвы – большая проблема! Отправился на метро, и карманы легких белых брюк оттопыривались от рублевых пачек. Полтора миллиона – не шутка! Рисковал, конечно. Не подготовился как следовало бы. Даже ножа не взял с собой, не в руках же его нести. В сумку можно было бы положить, так пока достанешь!

Я стоял в вагоне метро в легких брюках и рубашке с короткими рукавами и озирался по сторонам. Для бывалого человека с оружием – я легкая добыча. А сколько лихих людей с оружием бродили тогда по Москве?! Достаточно, надо полагать. Но обошлось. До банка добрался без происшествий. Накаченные охранники, привычный любезный персонал, прохлада внутри отделанного зеленым мрамором помещения, машинка для счета денег. Пересчитали, заложили. Нотариус, адвокат, все по правилам. Очередное звено из длинной цепи пройдено! Сколько звеньев уже прошел, и сколько еще ждет впереди! Из банка я вышел налегке, потеря денег уже не грозила. Я сам положил их в ячейку, добровольно оставил под надежной охраной. Солнце по-прежнему жарко светило над Москвой.

Потом продолжились хождения по инстанциям, и положительный исход дела становился очевиднее с каждым днем. Наконец все бумаги подготовили, и при их оформлении обогатился очередными впечатлениями.

И первое впечатление произвела девушка в коротком черном платье, обтягивающем ее стройную фигуру, с белыми до плеч волосами. Она часто выходила во двор покурить, где прогуливался и я, дожидаясь очереди. Пригласить ее разве что прогуляться, пока жена на даче? Вдвоем веселее! Но задумку пришлось оставить после того, как увидел, что девушка села в свою машину. Большой и блестящий «Мерседес» смотрелся солидно. Нет, не сядет она в мою старую Волгу, не сядет!

В помещении девушка доставала из сумки леденец на палочке и клала его в рот. К ней без слов подходила сопровождавшая ее мамаша и вынимала леденец изо рта. Так продолжалось несколько раз. Юрист занимался ее вопросами, девушка только подписывала документы. Хорошая машина, адвокат – есть кому о ней позаботиться!

Еще в памяти остались посетители. Они заходили в зал с бумагами и обращались к охраннику примерно с одним и тем же вопросом: «У меня на руках постановление суда о доле в квартире, куда следует обратиться?» «Туда!» – отвечал охранник, показывая на одно из окошек. Люди шли один за другим. Да, не много бы выгадал времени, не прояви я гибкости! – только и оставалось констатировать очевидный факт.

Но все хорошее когда-то заканчивается. Подошла очередь, и все бумаги оформили как надо. Покинув контору, я задержался во дворе и посмотрел на желтое солнце. Оно по-прежнему светило ярким светом, но на этот раз уже точно мне. Неужели все позади! Свободен! Я вздохнул полной грудью – теперь точно, свободен! По-человечески попрощался с адвокатом, которому раньше хотел нахамить. Хорошо что сдержался! Не знал тогда, что впереди ждали новые испытания, к которым, уместно заметить, я стал уже привыкать. Но тогда! Небольшую передышку я охотно использовал для привычного загара у старого московского пруда. Надо бы отдельный текст посвятить этой теме. Может быть, напишу еще. Дело сделано! Остался, правда, без копейки в кармане, но поначалу это казалось небольшой бедой. Как же я ошибался!

Минуло немного времени, и с кондачка я попробовал продать и оставшиеся акции, да не тут-то было! То, что удалось сделать с деньгами, при их отсутствии стало невозможно, и никакой энтузиазм не помог. И хотя основное наследство старика – квартиру удалось сохранить, разобраться с оставшимися акциями мне оказалось не по силам.

Некоторое время спустя, уже на трезвую голову подвел итог своей бурной деятельности. Поставленную задачу удалось решить – жилье осталось за мной. Выселение на улицу уже не грозило. Оглядываясь назад, оцениваю пройденный путь. Нелегким он оказался! Набегался, навоевался. У меня, здорового еще мужчины, едва хватило сил и терпения. Каково же приходилось старику? Легко представить себе картину, как он, опираясь на палку, ковылял от одного учреждения к другому, часами просиживал в очередях, тратил деньги на каждом шагу, играл в навязанные ему игры. Игры! Правила пора менять, – понятие этого решения крепло во мне день ото дня. Следует установить другие правила! Все эти многочисленные конторы, с которыми пришлось столкнуться, не смогут до бесконечности перекачивать воздух из пустого в порожнее. Не получится!

Жалею ли о том, что не все сумел сделать, не все акции оприходовал? Да, конечно! Обогатиться за счет системы не удалось. И то! Куда там честному труженику состязаться с ними! Как пел Володя Высоцкий, «...как школьнику драться с отборной шпаной...». Впрочем, еще не все потеряно.

С очередной напастью мне удалось справиться. Однако на смену ей пришла другая напасть. Теперь ждало полное безденежье, скудное питание, неустроенный быт, проблемы в семье. Но я упорно продвигался к цели, стараясь не сворачивать с выбранной дороги. Старые раны давали знать о себе, появлялись новые. Я стал вегетарианцем поневоле. Испытания лишь подтвердили то, о чем и сам догадывался раньше – передышки не будет! Меня ждет непрерывная борьба, и о тех преградах, которые встречались на пути и которые удалось преодолеть, еще поведаю, бог даст. Но это будет уже другая история.

Иван КАТКОВ

Родился в 1986 году в Казахстане в семье офицера. Учился в Нижегородском госуниверситете им. Лобачевского (фил-фак). Публиковался в журналах «Нева», «Урал», «Белый ворон», «Идель», «Великороссь», «Слово-Word», «Пролог», «Наше поколение», «Русский переплет», «Сетевая словесность», «Ликбез», «Гостиная», «Петровский мост» и др. В настоящее время живет в городе Дзержинске Нижегородской области.

Над гнездом синицы

Большее двух месяцев я сидел без работы. Каждое утро просыпался от недовольного бормотания жены:

– У всех мужики как мужики, – доносился ее сонный голос из кухни, – один этот, дармоед несчастный.

Я не обижался. Она была права. Я нигде не задерживался больше чем на полгода. Шесть месяцев – это мой предел. Нормальная история для дебошира, прогульщика или пьяницы. Но я не прогуливал, выпивал редко, а уж дебошир был совсем никудышный. Я пережил сокращение штата, служебное несоответствие, истечение срока договора. Много чего, всего и не упомнишь.

– Всё, хватит ляжки тянуть, – однажды заявила Маринка.

Она недобро приблизилась ко мне и кинула на стол огрызок тетрадного листа с телефонным номером.

– Что это? – спросил я.

– Чтобы завтра с утра позвонил. Компания «Синицы». Они мясом торгуют и пельмени производят. Им вроде как пиарщик нужен...

* * *

Через пару дней меня пригласили на собеседование. Я сел в маршрутку и доехал до площади Революции. Затем прошел вниз по улице и оказался у синего двухэтажного здания, огороженного кирпичным забором. Из ворот выезжала «ГАЗель» с надписью «ООО Синицы» на фургоне-холодильнике.

– Куда? – спросил толстый охранник на проходной.

– На собеседование, – нагнувшись к стеклянному окошку, ответил я.

– Паспорт.

Он быстро записал мои данные в потрепанный журнал.

– Второй этаж, – охранник вернул паспорт и открыл турникет.

Поднявшись по крутой металлической лестнице, я отыскал отдел кадров. Красотка в голубых джинсах всучила мне какие-то листки и усадила за столик в коридоре. Это оказался тест на IQ.

– Отвечайте, через полчаса подойду.

Я полистал сшитые степлером страницы. Сорок заданий. Одно веселей другого. Особенно порадовало: «Если бы я мог жить нормальной половой жизнью, то...» или «если бы я не страдал психическими отклонениями, то...»

Наспех ответив, я отложил тест.

У двери отдела кадров увидел плакат, неумело нарисованный акварелью. Желтобрюхая синица на заснеженной еловой ветке. Символ компании. Креативно.

Подошла девушка.

– Вы закончили?

– Да. Вот, возьмите, – я протянул листы.

– Хорошо. Теперь пройдите прямо по коридору и подождите директора в приемной.

В приемной на облезлом кожаном диване сидели двое. Молодой парень с жидкой бородкой и полная женщина лет сорока. Пигалица – секретарша сновала из приемной в коридор с трубкой радиотелефона в руке. Я присел на стул у двери директорского кабинета.

Начальница явилась только через час. Высокая, с широкими мужскими плечами и короткой стрижкой. На ней были сиреневые лосины, вязаный балахон до колен и меховая горжетка на плечах. По-моему, именно так должна была выглядеть Салтычиха. Помещица-садистка, убившая в восемнадцатом веке несколько десятков крепостных. Я вошел в кабинет. Ольга Викторовна сидела в высоком кресле за длинным Т-образным столом. Я устроился слева от нее.

– Интересное у вас резюме, Кирилл, – сказала она, разглядывая листы.

Я молчал.

– Очень интересное... Значит, вы работали экскурсоводом, помощником токаря, курьером, журналистом, та-а-ак, что еще... продавцом, почтальоном, копирайтером... Господи, даже уборщиком поработали?

– Да, мыл унитазы в спортклубе.

Мысленно я уже вернулся домой и получил от Марины по шапке.

– Ну ладно, – директриса отложила мое резюме, – мы вам позвоним.

Я раскланялся и вышел из кабинета.

* * *

На следующей неделе в понедельник я был в офисе. Он оказался довольно просторным. Пластиковые жалюзи, компьютеры, сканеры-принтеры, на шкафчике микроволновка с электрическим чайником, под потолком кондиционер.

В офисе работали трое. Невзрачный мужичок лет сорока, блондинка в прозрачной блузке и парень с бородкой.

– Ребята, знакомьтесь, – сказала секретарша, – это наш новый пиар-менеджер Кирилл.

– Очень приятно, – вяло отозвались мужичок и блондинка.

Парень откупился коротким кивком.

Секретарша подошла к столу блондинки:

– Наш менеджер по закупкам Анна, а Сергей Олегович и Дмитрий – менеджеры по продажам. Кстати, у Димы сегодня тоже первый день.

Парень равнодушно глянул на меня поверх монитора.

* * *

Прошла неделя. Я писал статьи и пресс-релизы. Темы получал от начальницы по электронной почте. Вообще, Салтычиха редко появлялась в офисе, предпочитая контролировать нас удаленно. Ежедневно мы строчили отчеты о проделанной работе, расписанные едва ли не поминутно. В конце дня каждый работник был обязан предоставить свою рукопись секретарше. А та опускала бумажку в небольшой пластиковый контейнер. Вижу, как жадно вытряхивала Ольга Викторовна внутренности пластикового сосуда на свой стол.

Однако самое подлое, что нам приходилось делать, так это стучать на своих коллег. Доносы друг на друга всячески поощрялись, а уклонистов ждал выговор. Чтобы избежать вызова на ковер, я не закладывал сослуживцев, а сочинял невинные байки. Например: «Сергей Олегович забыл прикрыть дверь в офис, и сквозняком мне надуло спину».

* * *

Я стал общаться с Димой. С другими сотрудниками держал дистанцию. Да и они не страдали от недостатка моего внимания. Дима только отслужил в армии, занимался тяжелой атлетикой и, несмотря на молодые годы, уже успел развестись. Я рассказывал ему о Хармсе, а он называл меня дрищем и тянул в тренажерный зал.

В пятницу, после обеда, в офис заглянула секретарша.

– Для всех напоминаю – в пять собрание, – сказала она.

– Зашибись, – вполголоса проговорил Дима.

На собрании присутствовали мастера производства, главный инженер по фамилии Зяблик, девчонки из бухгалтерии и наш офис. Все расселись за круглым столом и тихо переговаривались. Аня раскрыла косметичку и стала подкрашивать ресницы. Пришла Ольга Викторовна. На плечах горжетка, на согнутом локте – кожаная сумочка. Салтычиха вынула из сумочки небольшую бронзовую статуэтку синицы, трижды поцеловала в клюв и поставила на стол. После этого опустила в кресло.

– Этим я, по-вашему, должна заниматься? Да, Павел Алексеич?

- Виноват, – пробубнил Зяблик.
- Чтобы в следующий раз тотем был на месте!
- Хорошо, Ольга Викторовна.

Мы с Димой удивленно переглянулись.

Сначала все было нормально. Говорили о делах компании. Салтычиха давала наставления мастерам и менеджерам. Отчитывала Сергея Олеговича за низкие продажи. Потом начался дурдом. Ольга Викторовна поднялась, взяла статуэтку и на ладонях подняла ее над головой. Закатив глаза, она монотонно запричитала:

*Птица-синица,
К небу лети.
Птица-синица,
Продажи подними.*

*Птица-синица,
Долги заberi.
Птица-синица,
Врагов прогони.*

Опустив головы, паства глухо повторяла заклинание. Зяблик отбивал ритм ладонью по столу. Голос Ольги Викторовны становился все громче и громче. Темп ускорился, вскоре нельзя было разобрать слов.

Спрятав лицо в ладонях, Дима еле сдерживался от смеха. Я пожалел, что так далеко сел от выхода.

Потом все стихло, секретарша взяла со стола пульт и направила на проигрыватель в углу. Заиграла странная музыка. Это были индийские мотивы с электронными сэмплами. Работники постепенно выходили из транса, открывали глаза. Ольга Викторовна стала приближаться к своим адептам и прикладывать статуэтку к их головам. Затем бронзовая синица касалась левого и правого плеча. Когда дошла очередь до Димы, он попытался увернуться.

- Не нарушайте гармонию, юноша! – строго проговорила начальница.

После ритуала все громко аплодировали. А секретарша ходила с тубиком и чем-то вонючим мазала лбы сотрудников.

– Диман, – сказал я на улице, вытирая лоб носовым платком, – что за херня здесь происходит?! Блин, да они же все конченные психи! Валить надо отсюда!

– Что поделаеть, – усмехнулся он, – корпоративная шиза. И такое бывает. Давай до зарплаты дотянем, а там видно будет.

Дима потер лоб и поднес пальцы к носу:

- Слушай, а тебе не кажется, что нас измазали птичьим дерьмом?

* * *

Подкралось время аванса.

- Ну что, обмоем? – сказал Дима, выходя из бухгалтерии.

– Да я, в обще-то, не пью.

– Я, что ли, пью. Пузырек раздавим и разбежимся.

Зашли в супермаркет, купили водки и закуски. Расположились на лавочке в соседнем дворе.

Я быстро напился. Пытаясь закурить, то и дело ронял сигареты на асфальт. Коллега мой тоже захмелел, но еще держался.

Когда стемнело, Дима вызвал такси, и мы, рассудку вопреки, наперекор стихиям, отправились к нему. Жил он в другом конце города, в спальном районе. Притормозили у подвальчика с сияющей вывеской «Грог». Дима выбрался из такси, забежал в магазин. Вернулся через минуту с четырьмя бутылками водки и трехлитровым снарядом пива.

- Куда? – простонал я.

– Не хочешь – не пей. Поехали, шеф.

Втиснулись в крохотную хрущевскую кухню. Газовая колонка советских времен с выцветшими наклейками от жвачки, грязные тарелки в пожелтевшей раковине, на плите закоптившаяся кастрюля. Пахло чем-то протухшим. Я открыл форточку и присел на табурет. Дима уговорил меня выпить пару стопок.

– Ты единственный адекватный человек в офисе, – говорил он, вливая в себя огонь-воду, – все остальные либо сволочи, либо на голову присевшие. Анька – дура набитая, Сергей Олегович – тюфяк, о Зяблике я вообще молчу. Все выслуживаются, друг на друга стучат. Короче, мрак. Да еще и ритуалы эти шизоидные...

Я прошел в комнату и завалился на диван. Но уснуть удалось только под утро. Ночью у Димы малость съехала фуражка.

- Отойдите!!! Умоляю, отойдите!!! Я сам!!! Я сам!!! – раздавался его пьяный рев.

Потом он стал звать кого-то на помощь, ползая по-пластунски в коридоре.

– Подъем, боец, на работу пора! – услышал я с утра бодрый армейский клич.

По телевизору шла программа «НТВ утром». Рыжая ведущая с идиотской улыбкой рассказывала о том, какие трудности поджидают сегодня «водолеев». В комнате был только диван, телевизор, напольные весы и две гири.

Дима оделся, убрал недопитую бутылку в спортивную сумку и вызвал такси. Затем глотнул пива из баллона и тоже спрятал в сумку.

* * *

В офис прибыли на час раньше. Охранник на проходной долго и недоверчиво всматривался в наши лица, но пропустил.

– Время еще есть, в переговорной зависнем, – сказал Дима, поднимаясь по лестнице. В сумке колыхались бутылки.

Мы вошли в зал переговоров и сели за стол. Дима достал водку и хлебнул из горлышка.

– Будешь?

– Не, неохота.

– Ну и зря.

В переговорную заглянула секретарша. Дима успел спрятать бутылку под стол.

– А че это вы тут делаете в такую рань? – улыбаясь, спросила она.

– Заходи, Наташ, не стесняйся, – привстал Дима, – давай, иди ко мне, я твою попку помну.

– Вот придурки, – фыркнула секретарша и захлопнула дверь.

– Шалава! – широко размахнувшись, Дима бросил в дверь водочную крышку.

– Ну все, – сказал я, – спалились. Наташка сто пудов сдаст.

– Пусть попробует, я ей ноги вырву.

– Уволят.

– Меня? Ага, щас. Ну уволят, а кто тогда их вонючий фарш продавать будет?! Олегыч, что ли? Этот балбес? Не смейся.

Потом Дима спустился на производство и стал обниматься с перепуганными обвальщиками. Предлагал выпить на брудершафт главному инженеру. Расцеловал уборщицу тетю Инну. Та покраснела и раскудаhtалась:

– Ух ты, бог мой! Ух ты, бог мой!

До проходной нас довел начальник службы безопасности. Худощавый усатый дядька, майор в отставке.

– Сучья кровь, – процедил Дима, когда мы оказались за воротами. – Ну ладно, хрен с ними, с уродами, пойдём выпьем.

– Ты вообще нормальный, нет?! Какого хрена ты на производство-то поперся?! Черт, что я теперь Маринке скажу?

– Скажи, что послал эту шарагу на хер.

– Мудак!

Я закурил и пошел к автобусной остановке. Как раз подъезжала моя маршрутка. Опустившись на заднее сиденье, я заплатил за проезд. В окно увидел, как Дима перебежал дорогу и нетвердо зашагал в сторону супермаркета. Заметив меня, он поднял руку и показал знак «виктори».

* * *

Дома я осушил литровую банку молока, разделся, лег на кровать и сразу уснул. Вечером, когда Марина вернулась с работы, был скандал. Новость о моем увольнении привела ее в ярость.

– Урод! Скотина! Даже месяца не продержался, падла! – кричала она, бросив в прихожей пакет с продуктами.

* * *

На следующее утро я проснулся от телефонного звонка. Глянул на экран, звонил Дима.

– Кирилл, привет. Мне сейчас Ольга Викторовна звонила. Короче, к двум нам нужно в офис подъехать.

– О как, – поднялся с кровати я, – а зачем?

– Огреть будем, вот зачем.

Вошли в приемную.

– Наташ, – сказал Дима, – прошу прощения за вчерашнее.

Секретарша промолчала.

Ждали минут десять. Дима нервно теребил металлический браслет на часах. Из кабинета начальницы вышел Сергей Олегович. Улыбнувшись, он поздоровался с нами за руку.

– Можете заходить, – разрешила Наташа.

Поднялись с дивана и прошли в кабинет. Выслушав наши корявые объяснения, Ольга Викторовна спросила:

– Вы, что, алкоголики?

– Нет, – ответил я, – ни в коем случае.

– Просто так вышло. Случайно, – добавил мой собутыльник.

Она вздохнула, сняла телефонную трубку и нажала на кнопку:

– Наташ, через пять минут собери всех в переговорной.

«Сейчас устроит публичную расправу», – подумал я.

Ольга Викторовна вернула трубку на «базу» и проговорила:

– Просите прощения у коллектива, и мы все дружно забываем о вчерашнем дне.

Я облегченно выдохнул.

– Я же говорил, не уволят, – сказал Дима в коридоре, – а ты уже и в штаны навалил.

* * *

Суровые будни затянули свою скучную балладу. Я в поте лица «пиарил», Дима продавал, Аня доламывала оргтехнику. Ритуалы с бронзовой синицей проводились каждую пятницу. Но я привык. Скажу больше, я втянулся. С нетерпением ждал конца недели, чтобы снова погрузиться в коллективный транс. Это расслабляло и наполняло энергией. Внутри поднималась волна счастья. Как в детстве. Я даже придумал свое фирменное движение. Сцепив руки за головой, вращал корпусом вправо-влево. Для меня это было что-то вроде релаксирующей игры. Но сотрудники, я думаю, относились к ритуалу со всей серьезностью. Только Дима все никак не въезжал. Сидел и, опустив голову, бормотал заклинание. Даже не бормотал, а беззвучно шевелил губами.

* * *

После новогодних праздников мне предстояло съездить в Питер на трехдневный семинар. Семинар назывался «Основы практического пиара». Вести его должен был модный «пиараст» по фамилии Мигин. Денег выдали в обрез. Чтобы сэкономить на гостинице, я решил остановиться у старшего брата. Отыскал его номер, позвонил.

– Конечно, приучу, братишка! – радостно кричал он в трубку, – ё-мое, как я рад тебя слышать!

Я доехал до вокзала и купил билет на проходящий поезд из Уфы.

* * *

В плацкарте было душно и воняло чем-то прелым. Я загнал сумку под нижнюю полку, снял куртку и потянулся к форточке. Но тут же услышал недовольные женские возгласы. В вагоне ехали дети, они могли простудиться. Напротив меня, с книгой в руках, сидел молодой парень. Ежик черных волос, широкие скулы, маленькие с прищуром глаза. Представился Русланом. Он ехал к своей возлюбленной в Ярославль. Позже выяснилось, что Руслан религиозный фанатик. Когда я отправился покурить в тамбур, Руслан покачал головой и погрозил пальцем:

– Бросал бы ты это дело. Когда выпускаешь дым, становишься похожим на дьявола.

«Ну все, – подумал я, – началась плацкартная проповедь».

Покурив, я вернулся в натопленный до одурения вагон.

– Сексуальные связи до брака – это блуд, – заявил мой попутчик, увидев в журнале на столике полуголую девицу, – а блуд от дьявола.

Мимо прошел высокий, голый по торс парень с вафельным полотенцем на шее.

– А сам-то ты женат? – спросил я, глотнув минералки из пластиковой бутылки.

– Пока что нет, но хочу сделать предложение, – радостно сообщил он, – мы с Ириной долго общались в сети, на православном форуме.

– Так ты не видел ее, что ли?

– Почему не видел, фотки присылала. Мы хоть и верующие, но не ретрограды, идем в ногу со временем.

– А, ну тогда молодцы, поздравляю.

Проползли мимо какого-то полустанка с кирпичной постройкой и ржавым покосившимся ограждением.

Руслан признался, что раньше был мусульманином, но отрекся от веры. О причинах умолчал, ловко соскочив на другую тему. Взахлеб рассказывал о боге и христианском смирении. Потом стал впаривать

какие-то брошюры. Чтобы отвязался, я не глядя сунул их в карман и забрался на верхнюю полку. Несмотря на это, Руслан продолжил свою проповедь. Говорил он теперь сам с собой, обращаясь в пространство.

Раздался громкий смех пожилого башкира. Он снова обыграл свою жену в карты.

Прибыли в Ярославль в одиннадцать вечера. Слышались протяжные гудки. Из вокзального громкоговорителя вещал сдавленный женский голос. На платформе суетились редкие встречающие.

- Ну что, попутчик, будем прощаться? – проповедник убрал сланцы в сумку-тележку и надел куртку.
- Счастливо, невесте привет, – я пожал его ладонь.
- У тебя все будет хорошо, – пообещал Руслан, – только не забывай молиться.

Волоча за собой сумку, он стал протискиваться к выходу.

Минут через десять поезд тронулся. Свет от фонарей заскользил по стеклам. Вагон мягко покачивался, слышался размеренный перестук колес. Меня сморило в сон.

Снилась мне Ольга Викторовна. Она была в образе библейского пророка Моисея. С растрепанной седой бородой, с посохом, в длинном сером хитоне и кожаных сандалиях. Высоко поднимая колени, она скакала вокруг огромной золотой статуи синицы посреди пустыни. Рядом стоял на коленях Зяблик. Он рыдал и хлестал по своей спине плетью с металлическими наконечниками. Спина была лилового цвета, многочисленные сеченые раны кровоточили.

* * *

Брат встретил меня на перроне. Падал мокрый снег. Часы на здании вокзала показывали десять тридцать утра. Люди то и дело задевали меня тяжелыми сумками.

Женя изменился. Пополнел, светлые волосы на макушке заметно поредели. Мы обнялись, и он перехватил у меня сумку.

- Ну чё, – улыбнулся брат, – шмотьё закинем и прогуляемся? Сколько ты уже в Питере-то не был?
- Мне бы душ принять, а то провонял весь в этом скотовозе.
- Ну это само собой.

Квартира была просторная, с высокими потолками. Под ногами стелился потертый линолеум с еле различимыми витиеватыми узорами.

Брат что-то бросил в микроволновку и поставил таймер. Я принял ванную, переоделся, прошел в кухню, сел за стол.

На обитой вагонкой стене висел небольшой ЖК телевизор. Показывали «Ежика в тумане». Любимый декадентский мультфильм моего детства.

Я отыскал в сумке «цифровик», и мы с братом вышли из дома.

На Дворцовой площади к нам подбежал запыхавшийся толстяк в белом парике под 18-й век и лоснящемся камзоле красного бархата. На груди висел бэйджик с надписью «Григорий Орлов». За триста рублей граф предложил сфотографироваться со своей знаменитой спутницей. Екатерина Алексеевна курила в сторонке. На ней была короткая облезлая шубейка и серебристое платье с необъятным подолом. Екатерина улыбнулась нам, хихикнула и швырнула окурков на сырую брусчатку. Мне показалось, что императрица была пьяна.

– Ну так как? – приставал дотошный самозванец. – Всего триста рублей, два снимка за пятьсот, не пожалеете! Не хотите со мной, сфоткайтесь с Екатериной!

- Отвали, – рявкнул брат, – мы коммунисты.
- Понял, – привычноотреагировал граф и поспешил к следующей жертве.

Моложавый азиат в очках снимал на «планшет» Зимний дворец.

Побывали в Кунсткамере, в Михайловском дворце, доехали до Исаакиевского собора.

Брат то и дело меня торопил, нервно поглядывая на часы.

- Ну что, в Эрмитаж? – сказал я, листая фотографии на фотоаппарате.
- Хм, наивный, да туда не пробьешься. Это надо было с утра очередь занимать.
- Хорошо, твои предложения.
- Да есть одна мыслишка...

Подойдя к остановке, Женя вытянул руку.

Остановилась грязно-белая «десятка». За рулем сидел мужчина, лет шестидесяти, в вязаном свитере с высоким горлом. Брат занял место рядом с водителем, я устроился на заднем сиденье. В салоне было накурено, по «Авторадио» передавали новости.

– Нет, – покачал седой головой водитель, – никогда в этой стране порядка не будет без нормального мужика у штурвала.

– А у вас и кандидат припасен? – язвительно спросил брат.

– Да какой, нахрен, кандидат! Ты только посмотри на эти хари, сынок! Ворье на ворье кругом. Вот в той же Белоруссии, например, порядок. Что уж они, лучше нас, что ли? Нет, те же славяне, братья. А все потому, что там батька, хозяин. Если кто рыпнется, тут же по лбу получит. Его боятся и уважают. А у нас развели бардак. Свободы захотели, мать их!

Приехали на Невский. Женька расплатился, и мы выбрались на холодную промозглую улицу. Где-то в районе Мойки брат заглянул в винный погребок и купил две пластиковые бутылочки белого разливного вина. Одну протянул мне.

– Красное не пью, – объяснил он, – давление.

Отвинтил крышку, слегка стукнул донышком по моей бутылке и сделал большой глоток.

Достал сигареты, закурил.

– Есть тут неподалеку одно местечко душевное, – сказал он, – пиво чешское, живая музыка, зайдём?

– Ну если ненадолго, у меня семинар завтра с утра.

– Как скажешь. Идем.

* * *

Бар уютно гудел. Под потолком лениво вращались лопасти вентилятора. В углу стоял бутафорский байк с логотипом «Harley-Davidson» на бензобаке. На низкой сцене выступали музыканты. Один, с длинными волосами, перебирал струны полуакустической гитары. Другой, бритый наголо и с татуировкой на шее, стоял за диджейским пультом. Получался неплохой синтез электроники и гитарной лирики.

Мы расположились у барной стойки. Бармен в черной майке «Ramones» придвинул к нам два бокала светлого пива и блюдо с соленым арахисом, поменял пепельницу. Мы стукнулись бокалами и сделали по длинному глотку. Я забросил в рот орешек.

– Валишь тебе надо, Кирюх, из своей клоаки, – сказал Женя, закуривая, – у вас перспектив – ноль. Вот ты сколько получаешь? Если не секрет, конечно.

– Пятнадцать тысяч, – ответил я, вытянув из пачки сигарету.

– Да ты че! У нас вообще таких зарплат нет! Даже бармен вон, и тот, я думаю, тридцатку имеет, и это как минимум. Как ты живешь на эти гроши?

Я пожал плечами. Прикурил от протянутой зажигалки:

– По кабакам не хожу.

– Ой, да при чем здесь кабаки, – вздохнул Женя, – ты вообще в курсе, что у нас галимый грузчик и тот больше зарабатывает. Гастерам больше платят. А ты в своей деревне копейки считаешь... Разве тебе не обидно? Ты это, давай мозги не трахай, – он хлопнул меня по плечу, – бери свою Маруню, и приезжайте в Питер. Первое время можете у нас пожить, все равно одна комната пустует.

– Хорошо, Жень, я подумаю.

– Хм, подумает он. Да че тут думать, ноги в руки – и вперед!

Брат вкрутил окуроч в пепельницу и заказал еще два пива.

Музыканты заиграли «Linkin Park» песню «Numb». Вокалист довольно сносно вытягивал припев.

Женька отправился в туалет, прихватив с собой недопитую бутылочку вина. Я глотнул из бокала, докурил сигарету.

Гитарист дернул струны и что-то завыл на английском.

Вернулся Женя. На его лице сияла довольная ухмылка.

– Видел бы ты сейчас рожу того парня в туалете. Короче, заходит он поссать и видит, как я допиваю вино из бутылки.

– И что? – не понял я.

– Да оно же по цвету моча-мочой. Я сразу понял, че он палит, и говорю ему: не обращай внимания, чувак, это уринотерапия, врачи прописали от гастрита. А он испугался чего-то, стоит у писсуара с расстегнутой ширинкой, расслабиться не может. Ну я быстрее вышел, чтоб его не смущать.

Выпили еще по пиву, и брат сказал:

– Че-то скучно здесь, может, в клуб рванем?

– А пойдём, – махнул рукой я. Пиво все-таки дало о себе знать.

Вышли из бара. На улице стемнело. В свете фонарей различался падающий снег. Шагали по узкому тротуару. Улица уходила вниз. У металлической двери с мигающей бордовой вывеской «Cherry love club» нас остановила девушка. Высокая блондинка с длинными волосами. Симпатичная, хотя и заметно потасканная.

От холода она приплясывала и прятала подбородок в вязаный шарф, свисающий до колен.

– Добрый вечер, молодые люди. Приглашаем посетить «Черри лав клуб». Вас ждет зажигательное

выступление наших лучших танцовщиц, а также...

– Так что же еще нас ждет, красавица? – Женя обнял девушку за талию.

– Много чего, – заулыбалась блондинка.

– Прекрасно. А как зовут красоту?

– Катя, – хихикнула она.

– Вот что, милая Катя, – сказал брат наигранно-серьезным тоном, – мы с удовольствием посетим ваш клуб, но при условии, что вы составите нам компанию.

– Хорошо.

Она высвободилась из Жениных объятий, шагнула к двери и нажала на кнопку звонка. Дверь открыл высокий человек в черном костюме.

– Только я попозже подойду, где-то через полчаса, ладно? – сказала Катя.

– Уговорик, красавица, будем ждать.

Мы вошли внутрь. Двухметровый охранник, гардеробщик по совместительству, принял у нас куртки и скрылся в гардеробе. Через секунду он вышел и закрыл входную дверь на ключ.

– Жень, – сказал я, – может, двинем отсюда, здесь как-то стремно.

– Да не ссы ты.

В клубе мы были единственными посетителями.

К нам приблизилась девушка в блузке с глубоким декольте и строгой черной юбке до колен.

– Добрый вечер! Рады вас видеть в «Черри лав клуб»!

– Давайте, показывайте, где тут у вас можно культурно отдохнуть? – потер ладони Женя.

– Пожалуйста, проходите в зал, – улыбаясь, официантка указала на дверной проем со свисающими пластиковыми цепочками.

Отдернули позвякивающую завесу и шагнули в залитое красным светом помещение. Играло приглушенное «RnB». В центре, на небольшом возвышении, обнимая крепкими бедрами блестящий шест, извивалась девушка со смуглой кожей и красивой высокой грудью. Танцовщица проделывала на шесте нереальные акробатические пируэты, однако смазливое личико ее оставалось спокойным и сосредоточенным.

Мы уселись на кожаный диван, рядом с низким стеклянным столиком.

– Меню, пожалуйста, – официантка вручила нам папки и, не переставая улыбаться, скороговоркой произнесла:

– Делаете заказ и получаете в подарок графинчик водки, и, если хотите, наши девушки могут составить вам компанию.

– Конечно, хотим, – Женя бросил меню на столик, – значит так, девушка. Принесите нам винца. Белого, полусладкого, но не слишком дорогого. Что еще... шоколад, ну и фруктов каких-нибудь.

– Хорошо, – кивнула официантка и поплыла в сторону бара.

– И графинчик не забудьте, – крикнул Женя.

Смуглянку на шесте сменила худенькая танцовщица, лет семнадцати на вид. Девушка то и дело оступалась на своих высоченных пластиковых каблуках-ходулях.

– Ну ты че приуныл? – закурил брат и положил ногу на ногу, – ты только посмотри, какие веревки перед тобой пляшут.

– Это, конечно, все круто, – ответил я, разглядывая ламинированные страницы меню, – вот только цены здесь адские. Смотри, самая дешевая бутылка вина – четыре штукаря, офигеть!

– Сколько? Они чё там, вообще с дубу рухнули?! Кирюх, не в службу, а в дружбу, сходи, отмени заказ, а?

Но не успел я подняться, как появилась официантка и, чуть согнув ноги в коленях, стала ловко перемещать вино и фрукты с подноса на столик.

– Девушка, девушка, одну минуту, не торопитесь, – сказал Женя, поднимаясь, – просим прощения, но вы можете все уносить обратно. Мы уходим. Пойдем, Кирюх.

С пухлого лица официантки моментально слетела казенная улыбка.

– Заказ сначала оплатите, уходят они. С вас шесть четыреста, – отчеканила она визгливым провинциальным говорком.

– Эй, але, притормози, родная, – сказал Женька, – мы ничего не трогали.

– Какая разница, вино-то я уже открыла, – официантка чуть отступила, прижала поднос к груди, словно закрывалась щитом.

– Аривидерчи, – сказал брат и зашагал к выходу. Я за ним.

Охранник, увидев нас, лениво поднялся со стула и прошел в гардероб.

– Артур, – выскочила из-за стойки барменша, – не выпускай их, они счет не оплатили.

Громила вернулся и встал в проходе, скрестив руки на груди.

- Ребят, если вам не нужны проблемы – лучше заплатите, – посоветовала официантка.
- Это у вас будут проблемы, если ваш бык не откроет эту гребаную дверь! – наступал Женя.
- Ты за базаром следи, – прогремел вышибала.
- Платите шесть четыреста и свободны, – сказала официантка.
- Да ну! А тебе не завернуть?! – злобно расхохотался брат.
- Ну ладно, сами напросились, – пригрозила официантка и решительно зашагала прочь.

Из соседнего помещения вышли двое парней. Коротко стриженные, бандитского вида. Один высокий, в синих джинсах и черной майке, другой пониже, в серой камуфляжной форме.

- Че за дела? – спросил «камуфляжный».
- Клиенты в отказ идут, – насмешливо объяснила официантка, – платить не хотят.

Выбежали танцовщицы. Резко пахнуло сладким запахом духов. Чулочки в сеточку, яркая помада, раскрасневшиеся лица в блестках. Поддерживая друг дружку за локотки, девчонки с любопытством наблюдали за происходящим и перешептывались.

- Пацаны, вы не правы, – сказал «камуфляжный».
- Если не правы, вызывайте мусоров, – пафосно прикурнул брат, – денег нет.
- Пускай тогда друган твой за бабосами съездит, а ты останешься, – сказал бритый, в синих джинсах.
- Правильно, – ткнула в меня пальцем официантка, – пусть бородастый за деньгами сгоняет.
- А вы ниче не попутали, ребята?
- Слышь, ты ваще штоль не догоняешь?! – заорал «камуфляжный», подойдя к Женьке вплотную, – я же щас тя убью, дурак!

Обстановку разрядила внезапно пришедшая блондинка-зазывала. Та самая, которую брат клеил у входа. Женька расцвел. Сразу же отыскалась банковская карточка, и злополучный заказ был оплачен. Бойцы заползли в свою подсобку, а мы с братом, с блондинкой Катей и двумя стриптизершами сели за столик. Официантка засияла прежней улыбкой и принесла графинчик водки. Вино, шоколад и фрукты быстро употребили девушки. Брат налегал на водку. Я тоже выпил рюмку, успокоил нервы. «Семнадцатилетняя» стриптизерша, накручивая на палец светлый локон, откинулась на спинку дивана и забросила свои худые, гладкие ножки мне на колени. Попросила у брата сигарету.

На столике появились пять стопок текилы, тарелочка с дольками лайма и блюдец с солью. Все дружно чокнулись. Брат выпил с блондинкой «на брудершафт» и поцеловал ее взапас.

Потом они отправились в VIP-комнату, поплескаться в джакузи. А я со стриптизершами переместился в бар. Барменша по имени Алина угостила нас водкой.

- За счет заведения, – приговаривала она, наполняя составленные в ряд стопки.

Алина вела себя странно. То и дело забегала в VIP-комнату, но быстро возвращалась и наливала снова.

Пьяный, я сидел рядом со смуглянкой, упираясь локтем в барную стойку. Поглаживал круглое колено девушки и нес какую-то ахинею про Сонечку Мармеладову.

- А можно узнать ваш номер телефона? – растягивая слова, невнятно пробормотал я.
- Мой номер стоит пять тысяч рублей, – ответила танцовщица, прикуривая тонкую сигарету.
- Вот что и требовалось доказать, – чему-то обрадовался я.

Алина придвинула к нам два фирменных коктейля – ром с вишневым соком. Опять за счет заведения. После коктейля мне совсем захорошело. Рома барменша явно не пожалела.

Пришел в себя я только на улице. Раннее утро, холод, свет витрин и вывесок, редкие автомобили. Женя стал ловить частника.

- Слушай, у тебя деньги есть?
- Да рублей четыреста осталось, – ответил я.
- Хорошо, доехать хватит. Ты представляешь, меня на сорок рубэнов обули. Барменша, сука, заваливает в джакузи и говорит: «там ваш друг кое-что заказал, расплатиться бы». И это в самый неподходящий момент! Ну ты понимаешь. Короче, отдал ей карточку, чтоб она быстрее свалила, еще и код сказал, дурак.

Притормозила «Дэу Нексия», мы загрузились в машину.

* * *

Уснул я в шесть утра, а уже в девять, жадно глотая минералку, ехал на семинар. Тошнило, болела голова. Мой батя съедал с бодуна сразу две упаковки аскорбиновой кислоты с глюкозой. Мне надо было срочно найти какой-нибудь аптечный киоск и воспользоваться отцовским опытом. Маршрутка была пере-

полнена, но я успел занять освободившееся место. Передо мной восседали две женщины в одинаковых меховых шапках.

– Нет, я вообще не понимаю, как она живет, – сокрушалась сидящая у окна, – ведь трое детей и ни одного мужа.

В небольшую аудиторию коммерческого института набилось человек тридцать. Люди самых разных формаций и возрастов. От модно-небрежных очкастых хипстеров до солидных лысеющих дядек в белых рубашках и пиджаках. Я сел за третью с конца парту, дожеввал аскорбинку, запил купленным в холле кофе. Мой сосед, парень в серой толстовке с капюшоном, снимал на смартфон выступление гуру.

Я достал блокнот с ручкой.

– Зачетный дядька. Харизматичный, правда? – сказал парень и посмотрел на меня.

Я кивнул.

Мигин рисовал маркером на доске хитрые схемы и делал корявые пометки. Это был невысокий, лет сорока-сорока пяти мужчина, с легкой небритостью и густой седеющей шевелюрой. Говорил он медленно и обстоятельно, словно обдумывал каждое слово. На меня это действовало усыпляюще. Я выскользнул из аудитории и прошел в туалет. Поплескал на лицо холодной водой. Затем спустился в холл и купил в автомате кофе.

Когда я поднимался по лестнице, позвонил Дима. Судя по голосу, пьяный.

– Затрахали меня эти «Синицы»! – кричал он в трубку, – все, нахер, увольняюсь!

– Что там у вас еще произошло? – поморщившись от громкого голоса, спросил я.

– Викторевна вообще с башкой не дружит! Отправила меня в командировку, в Тулу, а командировочных нихера не дала. Даже водитель, прикинь, без бабла поехал. «ГАЗелька» поломалась в дороге, еле выкрутились. – Дима на секунду смолк, коротко выдохнул и что-то проглотил. – Хорошо у меня своего налика было немного, – продолжил он, – а то вообще была бы жопа... Да, плюс ко всему, эта дура отравила заказчику образцы с тухлым фаршем! Ну это же ваще финиш! И кто после этого с нами работать станет!

Связь прервалась. Я допил кофе, выбросил стаканчик в пластиковую урну и вернулся в аудиторию.

* * *

Теорию Мигин читал во вторник и среду, а в четверг, в последний день семинара, провел практические занятия. Разбившись на группы по три человека, мы придумывали пиар-акции и устраивали презентации. Мигин выставял нам оценки, как в школе. После занятий все собрались в актовом зале. Под торжественную музыку наш гуру вручил каждому свидетельство о прохождении курса «Практический PR». Это была бумага из плотного глянца формата А4 с золочеными буквами и размашистой росписью. Подобную грамоту я однажды получил летнем лагере, когда занял третье место в соревнованиях по прыжкам в длину. Помощница Мигина, суетливая девушка с рыжими волосами, раздавала книги в мягком переплете. Я взглянул на яркую обложку: Рон Харбор «Самопознание». Отличное дополнение к подаренным моим попутчиком брошюрам «Бог в твоём сердце» и «Тайники души».

* * *

До Московского вокзала доехали на такси. Поезд отходил в двадцать один сорок пять.

– Дяде Саше с тетей Верой привет передавай, и супруге кланяйся, – Женька затащил мою сумку в тамбур и вернулся на перрон.

– Хорошо, – ответил я, прикурив сигарету.

– Ребят, давайте поживей, поезд отправляется, – сказала проводница в синей форме и в пилотке с кокардой.

– Сейчас-сейчас, – махнул рукой брат.

Мы обнялись, и я шагнул в вагон. Проводница закрыла дверцу.

Рядом со мной сидел парень с длинными волосами. На нем были черные джинсы и майка «Immortal». На запястье я заметил татуировку в виде пентограммы. Парень стучал по клавишам ноутбука. Полку напротив заняли полный мужчина в клетчатой рубашке и интеллигентного вида девушка в роговых очках. Покурив в тамбуре, я вернулся на свое место. Раскрыл Харбора, но меня потянуло в сон.

Я захлопнул книгу, встал, разложил на верхней полке свернутый матрас и расправил простынь. Затем бросил подушку к стенке, снял кроссовки и взобрался наверх.

В вагоне приглушили общий свет. Я быстро уснул.

* * *

Дима и вправду уволился. Секретарша рассказала, что он получил зарплату и сразу написал заявление. Но на следующий день, пьяный в хлам, хотел прорваться в офис.

– Суки! Пропустите меня, ублюдки! – кричал он, – твари, я все равно до вас доберусь!

Охранники на проходной с ним не справились, пришлось вызывать ментов. Зяблик посоветовал заодно вызвать дурку.

С Димой мы больше не виделись. Несколько раз я пытался до него дозвониться, но телефон был отключен.

Как-то раз в курилке я разговорился с Зябликом. Он рассказал по секрету, что ритуальные заморочки у начальницы начались около пяти лет назад. Были проблемы с бизнесом, висела куча кредитов, предприятие разваливалось. Салтычиха впала в депрессию. Ни с кем не разговаривала, стала выпивать. Муж даже хотел показать ее психиатру. Но потом ее вдруг осенило. Она поняла, что на ней – порча. Знакомая посоветовала ей съездить в какую-то глухую деревню под Владимиром к бабке-ведунье. И Салтычиха поехала. Бабка поводила свечкой над ее головой и подтвердила опасения начальницы. На ней была порча. За некоторую сумму деревянных порчу ведунья сняла. А потом сказала: «чтобы дела шли хорошо, надо назвать фирму в честь какой-либо птицы (раньше компания называлась «Сударыня»), смастерить тотем-оберег и раз в неделю читать заклинание». Ольга Викторовна все сделала так, как было велено, и бизнес действительно пошел в гору.

Каждый месяц Салтычиха ездит к бабке в деревню. Карму почистить да совет добрый выслушать. Оставляет там немалые деньги. Еще Зяблик признался, что сотрудники в эту пятничную ахинею не верят, а только подыгрывают. Каждый дорожит своим местом, ведь работу сейчас найти трудно.

* * *

В прошлом месяце Ольга Викторовна заплатила мне только половину оклада.

– А ты что думал, – сказала она, когда я зашел в ее кабинет, – поездку в Питер надо как-то компенсировать.

– Я туда не напрашивался, – буркнул я.

– А это не важно. Вот договор с твоей подписью, – она порылась в столе и протянула распечатанный на принтере лист бумаги.

Под мелким текстом действительно значилась моя корявая детская завитушка. Хотя я не помнил, чтобы где-то расписывался.

– Убедился? – Салтычиха убрала лист в ящик стола, – кстати, твое обучение мне встало в шестьдесят тысяч рублей. Все понятно? Деньги я буду вычитать из твоего оклада. Иди работай.

Февральской зарплатой мне хватило только на сигареты. Ольга Викторовна предложила подработку. После работы и по выходным я был ростовой куклой. Облаченный в поролоновую синицу с пластиковым клювом, раздавал прохожим рекламные листовки с фирменными пельменями и котлетами. Чтобы дело спорилось, я, по совету начальницы, бормотал заклинание:

*Птица-синица,
К небу лети.
Птица-синица,
Продажи подними.*

*Птица-синица,
Долги заberi.
Птица-синица,
Врагов прогони.*

Однако люди неохотно брали глянецевые бумажки, а если и случалось, то выбрасывали в ближайшую урну.

«Ничего, – мечтал я, подсказывая от холода у торгового центра, – к лету отдам долг, и уж тогда заживу. Я ведь теперь специалист...»

Владимир КОЛЕСНИКОВ

Родился 27 июня 1918 года в селе Оскольское Новооскольского уезда Курской губернии. В 1938 году окончил педучилище, работал учителем математики в селе Тростенец. Война для рядового Колесникова началась в 4 часа утра 22 июня 1941 года. 3 июля, находясь в окружении, был ранен и попал в плен. Прошёл четыре концлагеря – в Литве, Польше, Восточной Пруссии, под номером 31 44. Без отрыва от педагогической работы окончил два факультета – исторический и естественно-географический Старооскольского государственного учительского института. Всю жизнь проработал учителем и посвятил себя изучению родного края. А главное, всем сердцем отдавал свою любовь к родине подрастающему поколению.

Визитная карточка редакции

С биографией Владимира Илларионовича Колесникова я познакомился позже, а сначала прочёл его произведения – несколько небольших художественных очерков. Читая их, я словно бродил по местам о которых повествовал автор, проникаясь, пропитываясь вкусом и колористикой народного быта. Читая эти произведения, я ловил себя на мысли, что если бы мне довелось рассказывать о том времени, то я порекомендовал бы очерки Владимира Илларионовича Колесникова. Лучше чем он не скажешь, лучше чем он не передашь ту атмосферу современности, в которой жил автор. Что же это за человек? – задавался я вопросом, который мог так сочно, я бы даже сказал, так вкусно написать? Какова его судьба? Несколько страничек ужатой канцелярской записки, посвящённой биографии Владимира Илларионовича, раскрыли тяжёлую, но интересную судьбу личности педагога Колесникова, посвятившего всю свою жизнь просвещению молодёжи, воспитанию в них любви к родине, отчему дому. Наверно, по масштабам нашей советской страны учитель Колесников один из тысяч достойных педагогов, как говорится, педагогов от бога, но дело, которое делал этот человецище – великое дело! Достойное поклонения.

Георгий Каюров.

Философия Холковских пещер

Мои объяснения истокам, вернее предпосылкам, сооружения и сохранности уникальных подземных Холковских пещер основаны не столько на исторических аналогах, сколько на историко-философских корнях нашего народа.

Наиболее древнее, а точнее, самое древнее сооружение, дошедшее до наших дней. Сохранность пещер можно объяснить, во-первых, стечением исторических обстоятельств, не позволивших их разрушить, а во-вторых, в конструкциях этих сооружений присутствует только один-единственный материал-меловые отложения. Причём эти отложения остались в естественном состоянии, а не перерабатывались человеком в отличие от других материалов, используемых древними в иных сооружениях, что полностью исключило временной процесс разрушения, и, конечно же, восьмиметровая толща над сооружениями.

Истоки рождения этого уникального творения уходят к беспокойному времени, когда граница «Дикого поля» (а наша местность и была условной границей «Дикого поля» с Русским государством) постоянно давала суровые испытания нашим предкам.

Как свидетельствуют исторические источники, период, предшествующий основанию монастыря-пещеры, полностью совпадает с интенсивным усилением походов-набегов кочевых народов на земли нашего края. Начало XVII века было наиболее опустошительным из-за возобновившихся и возросших в количестве вторжений кочевников. Эти сведения мы находим, в частности, в трудах историков В.О. Ключевского и С.М. Соловьёва.

Пещеры – не что иное, как укрытие от набегов кочевников. А так как набег были регулярными и

непредсказуемыми, то сооружение должно было отвечать требованиям постоянной надёжности. Показательным является факт ориентации этих подземных сооружений. Основной вход расположен с северной стороны склона. Склона, который является тылом при обороне со стороны южных степей, откуда шла постоянная угроза набегов. Вся история нашего государства свидетельствует: философия русского военного искусства основана на оборонительной доктрине. Что хорошо и убедительно прослеживается в цели и истории возникновения поселений нашего края.

История утверждает, когда перед человеком стоит вопрос о выживании, то человеческая мысль находит реализацию решения не в сиюминутном, временном своём сохранении, а в том, чтобы максимально, навсегда отвести угрозу своему существованию. Цивилизация хорошо это иллюстрирует дошедшими историческими памятниками мировой культуры. А Холковские пещеры смело можно отнести к фрагментам мировой культуры, её неотъемлемой части.

Учитывая, что у нашего народа высокое духовное стремление к религии (корни этого стремления уходят к язычеству), то и объект сохранения, естественно, культовый – подземная церковь, подземный монастырь.

Подземные пещерные монастыри в нашей истории имеют устойчивое системное явление. И также имевших оборонный характер. Подземный монастырь Киево-Печерской лавры (от укр. печера – пещера) 1051 года расположен на крутом правом берегу Днепра. Святогорский монастырь в подземных меловых кручах правого берега Северского Донца, основанный в 1624 году монахами Киево-Печерской лавры – одно из укреплений Московского государства. Холковский монастырь Николая Чудотворца 1620 года на крутых меловых склонах, также правого берега Оскола, основанный монахом Геласеем. А располагавшийся не-вдалеке, в верховьях реки Холка, Холковский «сторож» указывает на оборонную суть сооружения.

Дата основания монастыря – ещё не время сооружения пещерного комплекса. Возник он несколько раньше. Ещё предстоит исследование, уточняющие период начала его сооружения.

Просуществовавший полтора века со дня основания монастырь, а вместе с ним и пещеры, были преданы забвению. В начале 20-х годов XX века, когда местность пришла в полное запустение, жители перестали использовать склоны не только в духовном плане, но и для выпаса скота. Сохраняет мирскую духовность здесь только сельский погост.

Влияние таинственных объёмов пещер на человека, увидевшего их – живое дыхание истории в хорошо сохранившемся древнем сооружении.

Дети-краеведы, так же, как и во время многодневных походов вдоль «Турецкого вала», наполняются здесь ощущением серьезности и значимости своих действий в области исторического познания. Грандиозность этого исторического объекта нашего края (несмотря на пониженную температуру интерьера) оказывает сильное благопристойное психологическое воздействие на юные сердца и умы, формируя патриотическую философию их души, духовное обогащение, преемственность философии бытия. Русский отшельник Геласей, основавший здесь обитель – пример философии никем не познанной загадочной русской души.

Холковские пещеры. Оскол рядом. Склоны характерны для Среднерусской возвышенности. Сама природа позаботилась о создании исторического и природного заповедника степной зоны, щедро наделив эти земли растительным многотравием, сохранив не только исторический объект, но и уникальные реликтовые виды меловой флоры.

г. Новый Оскол. 1962 г.

Плетёные орнаменты

Крестьянский быт всегда вызывает изумление своей изысканностью и простотой оформления. Изгородь, выполненная из плетёных деревянных прутьев – плетень – одно из этих проявлений. Утилитарная и на первый взгляд обыденная конструкция несёт в себе определенный потенциал нашего быта, нашей материальной истории.

В Курской областной библиотеке есть интересная книга о нашем районе. На 77-й странице «Сборника статистических сведений Курской губернии. Новооскольский уезд», изданного в 1886 году, находим следующие строки: «Луга находятся в частном подворном владении отдельных домохозяев, причём подворные участки огорожены каждым домохозяином особым плетнём». Вот так. Не просто плетнём, а «особым плетнём». В понятие «особым» входила не только высота сооружения, но и декоративность его исполнения. Хотя эти строки относятся конкретно к моему родному селу Оскольское (старое название – Осколец), плетнём оплетён был весь наш край. Есть слова о плетнях нашего края и в географическом

очерке 1927 года А. Арсеньева «Центральный чернозёмный район», где на 11-й странице автор «знакомит» нас с «неизвестными на севере плетнями».

Плетень определял социальный и имущественный уровень сельских жителей.

Конечно, его нельзя рассматривать только как утилитарное бытовое сооружение. Во всё, что творит народ, вкладывается эстетика и тепло воображения.

В моей небольшой коллекции есть почтовая открытка начала века, где хорошо просматривается малороссийский плетёный орнамент, излучающий мягкость и естественность, столь характерную украинскому этносу. В основном обезлесенная территория украинских степей, имеющая густые, кустарниковые заросли по влажным балкам и устьям многочисленных рек и ручьев, способствовала культивированию этого вида ограждения. Как любой другой вид хозяйственного ремесла, плетень выполнялся с большой фантазией и изобретательностью. Хозяйственная (бытовая) конструкция была принесена в наш край украинцами одновременно с их переселением на земли «Дикого поля».

Для изготовления плетней применяется преимущественно молодая поросль орешника или ольхи. При заготовке строительного материала учитывается время года. Это июнь. Когда побеги, набравшись весенней влаги, закрепили структуру клетчатки древесины минеральными веществами, но, ещё не затвердев, имеют эластичность. Заготовленные вязанки хвороста укладываются в тени и используются в течение трех-пяти дней, пока в них сохраняется природная гибкость. Топор – единственный инструмент, которым пользуются во время работы мастера для подгонки необходимого размера прутика.

Плетёное ограждение – не только обозначение территории. Доступная и удобная в исполнении, ограждающая конструкция нашла своё применение при сооружении хозяйственных построек – сараев, клунь, ворков. Стены, выполненные из плетёных деревянных прутьев, обмазанные перемешанной с соломой глиной, не один десяток лет крепко выполняют своё хозяйственное назначение.

Наиболее красивые плетёные изгороди можно видеть в селениях Боровое, Старая Безинка, Серебрянка, Чубаровка. Здесь есть уникальные образцы, где параллельно пять прутиков пластично обнимают, причудливо извиваясь, вертикальные, полутораметровые деревянные столбики изгороди приусадебных огородов. С начала пятидесятых годов уже не попадались на глаза новые плетни. Им на смену чаще начали приходиться ограждения из жердей. Дощатые встречаются очень редко.

Не каждый крестьянин владеет искусством этого мастерства, малочисленные умельцы с уважением почитаются односельчанами. С любовью выполненные плетёные орнаменты – воплощение красоты и уюта наших земляков, умеющих добротой основывать свой быт.

с. Боровое. 1954 г.

Труд мельника

Изумрудный ковёр прибрежной зелени, сверкая искрами утренней росы, излучает прозрачную свежесть. Местное гидротехническое сооружение на малой реке края Усердец в селе Боровое. Деревянная загость плотины. Деревянный шлюз. Деревянное мельничное колесо. Деревянный сруб здания мельницы. Скрипит открываемая дверь. Мельник на извечно благородном посту мукомола начинает ежедневный труд вместе с утренней зарёй. Мудро, неспешно и ровно, как шум воды в мельничном колесе, многие годы ведёт своё хозяйство.

Добрая слава мастера известна окрест. На берегу, у мельницы, всегда можно увидеть пару конных подвод с мешками, заполненными зерном. Получить из натруженных рук Акима Афанасьевича Горбатовского хорошую вальцовку (самый тонкий помол муки) с удовольствием приезжают селяне из Зубовки, Редкодуба, Семёновки, Уточки и других близких и дальних сёл. Умельца и его работу хорошо знают в окрестности.

Зеркало небольшого пруда перед деревянной мельничной плотиной блестит в золотистых лучах солнца, вздрагивая изредка всплесками играющей рыбы. Высокие тенистые вербы густо обступают рубленную деревянную мельницу. И летняя полуденная прохлада этого чудного уголка нашей природы вызывает щемящее чувство родного края. Честный труд местного мельника – воплощение щедрости нашей русской земли. Популярность Акима Афанасьевича, заслуженная спокойным, многолетним трудом, в селе вне конкуренции.

Вечерняя заря успокаивает село. Звонкие напевы речных лягушек возвещают заход солнца. Останавливается водяное мельничное колесо. Белоснежная хлебная пудра всегда в конце дня плотно покрывает густые брови труженика. Приветливая улыбка скрывает хроническую усталость.

Подобные водяные мельницы, ещё сохранившиеся в районе, доживают свой век. Мельницы, может, и доживают свой век, а вот труд мельника извечен, как извечно течение спокойной речной воды.

с. Боровое. 1954 г.

Меловая флора

Меловые отложения мезозойской эры, имеющие возраст в двести миллионов лет, своими мощными выходами на поверхность нарекли наш край Белогорьем. Русло реки Оскол, врезанное в меловые породы, естественный природный заповедник меловой флоры. Уникальность этой флоры в том, что её ареал очень ограничен и свойственен только определенной местности.

Растения, относящиеся к меловой флоре, отличаются от иных видов тем, что в основном имеют сильно разветвленную надземную часть с твёрдым древоподобным основанием. Крепкий стержневой корень на несколько метров пронзает меловую толщу. Эта форма характерна для высокогорных растений, так называемых альпийских типов.

Большинство склонов правого берега реки Оскол сохранило типичных представителей мелового разнотравья и меловых полукустарников. Наиболее насыщены этим разнотравьем в нашем районе склоны Холковских пещер, сёл Голубино и Слоновка.

Самые представительные виды – чабрец меловой и иссоп меловой. Надземная часть полукустарника чабреца мелового разветвленная, покрыта множеством мелких листочков, не опадающих даже на зиму. Розовые, с чудным ароматом цветы сплошным ковром покрывают обезлесенные склоны. Крупный, достигающий шестидесяти сантиметров полукустарник иссоп меловой имеет стержневой корень, уходящий в толщину мела на глубину до семи метров. Иссоп цветёт в конце июля-начале августа. Его колосовидные соцветия из мелких сине-фиолетовых цветков гроздьями свисают из трещин меловых скал.

В мае меловые склоны природа наделяет желтыми, розовыми и белыми цветами.

Желтый цвет излучает лён украинский. Его надземная часть густо покрыта крупными жёлтыми цветами.

Розовый цвет вместе с чабрецом создает истод меловой и василёк Маршалла, крупные розетки которого с серыми опущенными листьями лежат на чистом меле.

Снежно-белый покров расстилает проломник Коза-Полянского зонтикообразными соцветиями. Каждый цветок имеет белый пятилепестковый венчик с розовым пятном в центре. Названный в честь выдающегося ботаника и географа Б.М. Коза-Полянского – исследователя меловой и реликтовой флоры Среднерусской возвышенности, который в 20-е годы нашего века образно назвал, за древность происхождения, меловую флору «страной живых ископаемых».

Пион тонколистый воронец мне встретился только один раз на меловом склоне ниже села Ниновка. Большой ярко-красный цветок весьма соблазнителен для букета.

Полынь меловая, шлемник меловой, бодронец камнелюбивый, горичвет весенний, льнянка меловая, норичник меловой, ясенник сероплодный... Меловая флора приосколья включает в себя свыше трёхсотпятидесяти видов. Участки меловой растительности наиболее уязвимы в период выпаса скота. Если учесть, что добрая половина этой природной коллекции на грани исчезновения, то есть повод задуматься о создании местной заповедной зоны.

г. Новый Оскол. 1969 г.

Жестовая гора

Отступившее окончательно в конце третичного периода, около двадцати пяти миллионов лет назад, море представило нам тот природный ландшафт (рельеф), который мы можем сейчас видеть. Местность наша – южные склоны Среднерусской возвышенности – имеет отметку в среднем 200 метров над уровнем моря (за абсолютную отметку уровня моря принят уровень Балтийского моря). Наивысшая отметка Новооскольского междуреченного плато составляет 243 метра.

Меловые бугры, которыми изобилует наш край, нам представляются горами. Мы их так и называем – горы. Одно из таких всхолмлений, расположенное в десяти километрах от Нового Оскола близ села Слоновка на левом берегу реки Оскол, носит название Жестовой горы. Этот возвышающийся над окрестностью меловой холм, имеющий почти отвесные склоны, был облюбован древними для строительства сторожевого острога – Жестовой острожки. Поражает ширина и глубина панорамы обзора местности с её вершины.

Что чему дало название – гора острогу или острог горе – ещё предстоит выяснить, исследовать, уточнить. Но очевидность рационального использования возможности рельефа, в том числе и для обороны, древними здесь неоспорима. Располагавшийся на горе Жестовой острожек или, как звучит в древних источниках – «Жестовая сторожа», хорошо просматривался вдоль поймы Оскола с башен крепости Царёв Алексеев (Новый Оскол). Подаваемый сторожевым караулом дымовой сигнал легко было увидеть с крепостной стены.

Сооружена эта сторожа была раньше строительства крепости, тем самым утратив оборонное значение Холковской сторожи в верховьях реки Холки, которая существовала под прикрытием Голубенского леса с конца XVI века. В обзоре татарских нападений 1646 года, со ссылкой на архивные источники, в книге А.А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII веке», изданной в 1948 году, на 378-й странице читаем: «... Ив. Милославский (из Корочи) и С. Измайлов (из Яблонова) 14 мая оказались вблизи друг от друга и могли бы действовать вместе: первый – у верховий реки Т. Сосны, второй подле реки Оскол выше Жестового острожка...». Корочанский и Яблоновский воеводы совершали военные манёвры в 1646 году вблизи уже существовавшего сторожевого острога, что даёт основание полагать о существовании «Жестового острожка» до строительства в 1647 году Царёва Алексея (Новый Оскол).

Сторожи имели разное военное назначение. Жестовой острожек относился к полевым башням и имел назначение выслеживать, а не сдерживать врагов. С караульного чердака вёлся непрерывный дозор за тревожными степными просторами. Конный разъезд ежедневно совершал караульные объезды, углубляясь на юг в степь на несколько десятков километров. Острожек был составной частью оборонительной системы южных рубежей Русского государства.

Каждый природный элемент нашего края имеет свою историю. Есть таковая и у Жестовой горы – геологического памятника природы.

г. Новый Оскол. 1960 г.

Меловая сосна

Местность наша в начале XVII века, века её освоения, была практически сплошь покрыта лесами, о чём свидетельствуют сохранившиеся названия наших сёл: Берёзки, Берёзов, Боровое, Боровки, Грушное, Калиновка, Липовый Лог, Ольховатка, Подольхи, Редкодуб, Стародубовое, Ясенок. Начало освоения местности – строительство Белгородской оборонительной черты. Лес рубился для строительства стен и башен крепости, для сторожевых башен вдоль оборонительной линии, для дубового частокола и других деревянных сооружений, для сооружения засечных полос, представлявших собой протяжённые участки вырубленного и поваленного в южном направлении, в сторону степи, леса.

В XVIII веке Екатерина II своим указом полностью отдала судьбу лесных массивов на откуп крупным землевладельцам нашего края – Голицыным, Меньшиковым, Мятлевым, Трубецким, Шереметьевым. Под топор шло всё подряд лесное богатство. Причём из вековых дубов изготавливались две-три доски, остальное сжигалось. Из многообхватных стволов долбили лодки и гробы. Для того чтобы завалить векового гиганта – вокруг срезалась молодая поросль. Не пощадила бурная деятельность и меловые нагорные сосняки – ценнейший природный материал, выгодно отличавшийся своим «товарным видом» среди лесных собратьев. Пила и топор, направленные безжалостной рукой соискателя горячей прибыли нарождающегося капитализма, в XIX веке полностью изничтожила в нашем крае этот уникальный хвойный реликт.

Крохотный островок одного из древнейших представителей растительного мира на нашей планете, по воле счастливой случайности, сохранился в нашем районе. Двадцать один красавец-реликт непрерывно шумит своей столетней вечнозелёной кроной на левом берегу Оскола напротив села Слоновка. Когда-то здесь, на крутом меловом обрыве, меловые сосны стояли мощной стеной. Лес теперь сохранил только название «Стенка». Местные жители с восхищенной гордостью говорят, что это памятник природы.

Как дошёл до нашего времени этот памятник природы? Скандинавский ледник не пощадил растительный и животный мир Русской равнины. Своим движением он стёр всё живое. И только Среднерусская возвышенность (благодаря своей возвышенности) была ему недосягаема. Здесь сохранилась растительность доледникового периода – реликты.

Внешний вид вековых хвойных исполинов отличается визуально от сородичей тем, что хвоя меловой сосны более глубокого зелёного цвета. Густые иголки короче на несколько миллиметров и толще, реже расположены вдоль тонких, гибких веточек, чем у наших сосен.

Крона имеет сильно искривлённые, отходящие почти горизонтально от ствола, толстые короткие ветки. Такой вид веток характерен для скальных пород деревьев, растущих на обнажённой высоте и подверженных постоянной ветровой нагрузке, которая и придаёт эту уникальную природную пластику веткам. Добросовестные замеры ствола немного выше комеля, произведенные краеведами Новооскольского Дома пионеров летом 1962 года, зафиксировали самый большой диаметр пришельцев из третичного периода – семьдесят семь, а самый малый – шестьдесят девять сантиметров. И это при вековом возрасте сосны.

О животном мире доледникового периода мы можем без особого труда иметь представление по па-

леонтологическим находкам нашего края. При некотором воображении можно представить себе, что под сенью крон, сохранившихся вечнозеленых реликтов, ходили ископаемые сейчас олени, носороги, бизоны, саблезубые тигры, южные слоны и мамонты. Ископаемые находки этих животных расположены как раз в тех местах, где и произрастала в больших массивах эта сосна.

Молодой самосев – больше трёх десятков – своими стройными юными стволами смотрит в будущее. Время, как провидение, оставило этот памятник природы, донеся его до нашего созерцания.

г. Новый Оскол. 1962 г.

Славянское единство

Административно-территориальные границы менялись на протяжении последних трёх столетий в нашем крае несколько раз. Это в определенной мере находило отражение в хозяйственной деятельности новооскольцев. Но в историческом и природном аспекте административно-территориальное деление не имеет никакого значения. Природа и история развиваются по своим законам. Природу и историю края административные преобразования не переписуют, могут только оказать негативное влияние.

«Дикое поле» – местность, граничащая с южными рубежами древнерусского государства, практически не заселенная до начала XVII века, выполняла буферную функцию между северными племенами славян и южными тюркскими кочевыми народами – половцами, печенегам, татарами. По этой земле проходили пути взаимных военных походов славян и кочевников. Местность наша в «Слове о полку Игореве» описана как «поле незнаемое», «поле Половецкое».

Исторически сложившийся этнический состав нашего края также не подвластен административному делению. Нам, новооскольцам, известны многие села района, где в местном диалекте прочно заложена украинская фонетика. Это селения Голубино, Старая Безгинка, Погромец, Серебрянка и др. Села с украинским наречием равномерно расположены на территории района. Здесь мы встречаем красивые украинские фамилии, перенесённые предками богатой культурными наследиями Украины.

Такие чисто украинские слова как: дробына – лестница, горище – чердак, серники – спички, вечерить – ужинать, байдуже – безразлично, и другие, при явной языковой ассимиляции, навеки стали обиходными в наших сёлах. Язык сохранил до наших дней своеобразную певучесть слов южных славян. Взаимное обогащение общечеловеческой культуры здесь – неоспоримый факт.

Истоки этого явления в нашем крае можно отнести к 1639 году, когда Украина перешла в Московское государство или, как звучит в древних источниках, в Московию. Вновь принятый в Российское государство народ наделяли землёй, и семьи украинцев появились на территории нашего района. Это характерно для Белгородской, Воронежской, Курской областей.

Освоение свободной территории «Дикого поля» происходило относительно равномерно: русскими – с севера, украинцами – с юго-запада. История этого заселения начата несколько ранее возникновения Нового Оскола – с тридцатых годов XVII века. Русский рабочий люд направлялся на строительство южных оборонительных сооружений и несения сторожевой службы. Украинцы, или, как их в то время называли – «Черкасы», переселялись добровольно. Это был своеобразный протест против гнёта панской Польши.

В период добровольного заселения (переселения) украинцев они пользовались такими же правами, как и служилые люди, по так называемому «прибору», то есть получали жалование за службу государству и наделялись землей, сенокосами, лесными и речными угодьями. О какой-либо дискриминации, как свидетельствуют исторические источники, не было даже понятия. Украинцы использовались правительством в одном ряду с русскими для обороны рубежей Русского государства. Нужно объективно отметить, что это заселение и наделение природными ресурсами преследовало конкретную государственную цель – укрепить южные рубежи административно и экономически.

К концу XVII века оборонительная линия существенно отодвинулась на юг. Напряжение ожидания набегов кочевников спало. И спокойная жизнь не замедлила в начале XVIII столетия ускорить процесс заселения нашего края украинцами с юго-запада, а русскими с севера.

Князь М.М. Голицын, главнокомандующий на Украине, присвоил себе большие земли в нашем крае, в том числе по реке Оскол, и переселил сюда тысячи украинцев. Это было в XVIII веке – веке помещицкой колонизации нашей местности.

Количественный состав населения нашего края, активно заселявшегося в XVII и XVIII веках, учитывался государственной службой переписи. В XVIII веке было пять, так называемых, «ревизий»: в 1719,

1742, 1761, 1783, 1794 годах. Эти ревизии являются достоверным источником состава населения, тем более что к их организации и проведению относились со всей строгостью того времени. По Всероссийской переписи 1897 года в Курской губернии проживало 21% малороссов – читай, украинцев. В Новооскольском уезде больше половины населения было представлено украинцами. Хотя статистика – это точный учет неточных данных, тем не менее статистика дает хороший, уверенный ориентир в том или ином явлении.

Этнический состав нашего края более близкого периода иллюстрирует карта расселения украинцев, приложенная к краткой географии Украины, изданной во Львове в 1910 году. Карта, составленная Владимиром Гериновичем, озаглавлена «Географическая карта земель, где живут украинцы». На этой карте хорошо прослеживается устойчивая тенденция расселения вверх по устью реки Оскол. Границы меж государствами для географии имеют весьма условное значение. Этнографическая граница является составной частью географии и никакого отношения к границе государственной и границе административной не имеет.

Украинские школы – не редкость в довоенное время в нашем крае. Михаил Иванович Соловьёв, директор средней школы №1, с которым я связан юношеской дружбой ещё в годы совместной учебы в Новооскольском педучилище, рассказывал мне о своей учёбе в украинской школе в селе Серебрянка.

История бережно сохранила до наших дней это уникальное этническое явление. Некоторые названия сёл края также дают характеристику этнического состава. Кацаповка (ныне Колодезное), Червонный (от укр. червонный – красный) – Новооскольского; Хохлово – Белгородского и Валуйского, Шлях (от укр. шлях – дорога) – Корочанского; Чумаки (от укр. чумак – извозчик, погонщик волов) – Старооскольского районов нашей области.

Славянская этническая общность украинцев и русских, подтверждённая многовековой историей нашего края, убедительный исторический пример единого славянского корня наших народов. Пример, который воспринимается как математическая аксиома, где очевидность не требует утруждающих доказательств.

Рядом с моим родным Оскольским – два села: Голубино и Погромец – олицетворение векового нерушимого славянского единства.

г. Новый Оскол. 1965г.

Летний вечер

Летний вечер мягко опускается на низкие, крытые соломой постройки, на раскалённую солнцем песчаную улицу. Лениво переваливаясь с ноги на ногу и гогоча, вереницей тянутся с озера многочисленные стайки серо-белых гусей.

В серых облаках тонкой дорожной пыли идёт с пастбища стадо коров. Бурёнки, все какой-то блёклой местной масти, тяжело покачивая упругим выменем, издавая протяжное коровье мычание, не спеша самостоятельно расходятся по своим дворам.

В не успевшей осесть пыли, поднятой из песка, на котором стоит Оскольское (старое название – Осколец), появляется внушительное, в несколько сотен голов, прыткое, тёмно-серое от въевшейся пыли овечье стадо. Село наполняется коротким топотом, частым бляньем. Терпкий запах этого скопища овец на время пронзает пыльную улицу. В плотных клубах пыли, поднятой мелкими овечьими копытами, слышны не частые, но резкие, напоминающие револьверные выстрелы, хлопки кнута, мастерски издаваемые пастухом. Стадо управляемое.

Жители активно, хворостиной, помогают своим овцам, покрытым репехами и колушками, попасть в радушно распахнутые ворота, где их ждёт обильный водопой. Отдельных возбуждённых особей зачастую приходится с трудом, за уши, отрывать от общего стада и водворять на ночлег. Стихает ропот разошедшихся по подворьям овец. Оседают пыль. Умолкает по дворам металлический звон вёдер вечерней дойки и водопоя. Вместе с надвигающимися сумерками надвигается спокойная тишина. Тепло уже исходит только из прокалённого за день лучами июльского солнца песка. Это тепло ещё будет ощущаться далеко за полночь. Лёгкая туманная дымка медленно раскрывается над пойменным озером у околицы. Назойливое комариное жужжание, возникшее с закатом солнца, продолжается в сельской тиши всю ночь до рассвета.

Тишина прерывается нечастым хрипловатым собачьим лаем. С невидимой поймы Оскола, утонувшей в темноте, веет ароматная луговая прохлада, а ноги ещё чувствуют уютный дневной жар песка. Со стороны озера, плотно обрамлённого высокими тёмными кронами деревьев, изредка вскрикивает ночная птица.

Глубокое небо, ровно мерцающая далёкими небесными светилами, спокойно созерцает наше традиционное сельское бытие. Бытие, сложившееся многовековой, до боли близкой, крестьянской жизни.

с. Оскольское. Июль, 1955 г.

Рукотворный источник

Заселяя наш край, нетребовательный русский человек тем не менее уделял внимание наличию воды – одного из основных источников жизни. Местность с более глубоким залеганием водных горизонтов практически не заселялась. Это и сейчас хорошо видно в сегодняшней географии Новооскольского района.

Рукотворный источник – колодец – неотъемлемая часть обустройства селения.

Колодцы, в зависимости от отметки водного слоя, могут быть глубокие, средние и мелкие. Все колодцы края объединяет внешний вид деревянного, дубового сруба, внутренний размер которого немного больше квадратного метра. Сруб защищает от обвала вскрытый источник. Колодцы нашей местности сплошь открытые. Навес – явление очень редкое.

Подъём воды из глубокого колодца осуществляется с помощью колеса-ворота, где на вращающийся барабан, изготовленный из отрезка ствола дерева, наматывается пеньковая верёвка или, но уже в наше время, тонкая металлическая цепь.

Средней глубины колодцы, наиболее многочисленные, обслуживаются «журавлём». Оригинальная, но в то же время простая и удобная в использовании конструкция представляет собой закопанный в трёх-четырёх метрах от колодца деревянный столб с природным разветвлением на трёхметровой высоте. В это разветвление закрепляется шарнирно деревянная жердь – рычаг. С одной её, длинной и тонкой стороны над колодцем подвешивается вертикальная палка длиной, равной глубине колодца с общественным ведром. На другом – толстом и коротком, закрепляется противовес из местного камня или куска железа.

«Журавли» – неотъемлемая часть в силуэте народной архитектуры многих наших сёл. Они, так же как и плетни, принесены с юго-запада в наш край во время заселения украинцами. Севернее уже почти не встречаются.

Селения, расположенные в пойменных участках, где вода на глубине двух-трёх метров, имеют простую палку с естественным крючком из сучка, которая постоянно лежит на срубе колодца.

Доставаемое ведро с водой перед снятием с крючка ставится на край сруба. Скамеечки для установки ведра перед срубом сплошь отсутствуют. Вода переносится на плече с помощью коромысла – плоской полуметровой деревянной пластины, изготовленной в основном из лёгкой липы, с зарубками на конце для того, чтобы дужка ведра не соскальзывала во время движения. Жители так ловко им пользуются, что при переноске двух ведер не проливается ни капли воды.

Работы по сооружению колодца проводятся таким образом, что рытьё колодца и сбор звеньев сруба происходит одновременно. Земля разрабатывается несколько шире наружного периметра сруба. Сруб, по мере опускания в глубину земляной шахты, наращивается звеньями наверху. Деревянная конструкция полностью исключает металлические детали.

Умельцы рытья колодцев, а в их обязанность входит не только добротное гигиеническое сооружение, но и определение наличия водного горизонта с наиболее мелким залеганием водоносного слоя, редки в сёлах и, как правило, востребованы на несколько селений. Сооружение сложное и дорогое, поэтому индивидуальные колодцы практически отсутствуют.

Колодцы периодически чистятся. Как правило, ежегодно весной после вешних вод, которые способствуют засорению и заиливанию источника. Нередки санитарные очистки колодцев от попавших посторонних предметов, в том числе и домашних животных – овец, собак и кошек.

Существует определённая стратегия. В селении имеется не менее двух-трёх таких рукотворных источников воды. Отдельно существует колодец с установленными рядом длинными, долблёнными деревянными корытами для водопоя домашних животных, так называемые – «цыбары».

Каждое селение гордится вкусовыми качествами и прозрачностью своей питьевой воды. Прозрачность зависит в нашей местности от степени заложения участков меловых отложений. Есть селения – Голубино, Ниновка, Жилино и некоторые другие, – где свежая, вкусная вода в колодцах имеет слегка беловатый от примеси мела цвет, что абсолютно не смущает местных жителей, которые пользуются этой водой не в одном поколении.

Колодцы – место ежедневного и многообразного общения односельчан. Здесь обмениваются сельскими новостями и узнают свежие вести. Любят посудачить местные красавицы. Это одно из самых популярных общественных сельских мест.

В некоторых, наиболее глубоких, колодцах в дневное время можно наблюдать интересное оптическое явление. На глубоко тёмном дне свежо мерцает ночная звезда. Это отражение небесного тела вызывает магические ощущения существования нашей вселенной.

Наши земляки с теплом относятся к рукотворным источникам, нарекая свои селения – «Белый колодезь», «Колодезный» (старое название – Кацаповка), «Ключи», «Криничный» (от укр. крыница – подземный источник, ключ). Аккуратные колодцы – традиционная аккуратность нашего сельского быта.

с. Боровое. 1956 г.

Одежда русской красавицы

Понёва – домотканая шерстяная юбка у южновеликорусских крестьянок.

С. И. Ожегов

Понёва – бабья шерстяная юбка, красная, синяя, клътчатая, полосатая; дъвки не носят ея, или только просватанныя...

В.И. Даль

Понёва – праздничная одежда русской женщины ярко-красных тонов, украшенная вышитым орнаментом, характерна для юга Центрально-Чернозёмной зоны. Наиболее полно представлена она в Воронежской области и сохранилась лишь в отдельных ее сёлах. Сёлах островках этого элемента местной этнической культуры.

На территории нашего района понёва представлена только в селе Боровое. Боровская понёва в основном тёмно-красного цвета, пошита из ткани, изготовленной и покрашенной кустарно. Для изготовления использовалась местная овечья шерсть. Ещё престольные праздники начала 50-х годов имели здесь большие рубиновые вкрапления этого чуда прикладного народного искусства.

Понёва вдохновила Николая Акимовича Горбатовского, заведующего Боровским сельским клубом, создать фольклорный ансамбль из местных жителей. Немного раньше, благодаря его энергии, появилась в клубе библиотека в несколько тысяч томов. За короткий промежуток времени им организован духовой оркестр.

Обладая внутренней культурой, недюжинными организаторскими способностями и чувством красивого патриотизма, Николай Акимович, сын местного мельника, сумел реализовать свою красивую мечту самовыражения. Ансамбль впитал все лучшие этнические местные особенности – ёмкое сочетание репертуара, костюмов, декораций. Вся остальная часть одежды солистов – форма, цвет, орнамент – гармонично подчинена основной доминанте – понёве.

На районных смотрах его детище произвело эффект взрыва. Красивое русское хоровое многоголосие, облачённое в настоящие местные Боровские фольклорные костюмы, вытасченные из маминих и бабушкиных сундуков, не покорило, а привело в чувство оцепенения требовательное социалистическое жюри.

Понёвы Центрально-Чернозёмной зоны России засверкали первозданной девственной красотой на наспех, грубо сколоченных подмостках центральной улицы Нового Оскола, на сцене районного Дома культуры, в городском саду. Зрители, не умолкая, аплодировали солистам ансамбля, многие не сдержали растроганных слёз. Слёз подсознательной сентиментальности, свойственного любому нормальному человеку. Ансамбль дал несколько концертов за пределами района, где также имел ошеломляющий успех.

Но сентиментальные чувства подавляющего большинства зрителей не всегда укладываются в главный курс большого созидания, и ярко блеснувшая звезда на местном культурном небосклоне безвозвратно угасла. Прекрасные, с преобладающим красным цветом, ручной работы понёвы вернулись в сундуки. Не хочется верить, что навсегда.

Созданный подвижником Николаем Акимовичем ансамбль – верная примета преемственности и возрождения нашей многовековой и самобытной культуры. Понёва, та, которой прежде пользовались в будни и в праздники, конечно, уже не будет востребована по прямому назначению, но своё достойное место в этнографических отделах музеев обязательно займёт.

Огненный багрянец понёв – само совершенство одежды русской красавицы.

с. Боровое. 1957 г.

Михаил ХАНИН

Родился в 1940 году в Ленинграде, где получил высшее инженерное образование. Всю жизнь увлекался гуманитарными науками и литературой. Преподавал курс ораторского искусства и прикладной психологии. Исходя из своего двадцатилетнего опыта работы в этой области, написал две книги, являющиеся прекрасным пособием для учащихся и студентов: «Как научиться красиво и правильно говорить» (1997) и «Практикум по культуре речи» (2002). Его перу принадлежит огромное количество статей и фантастическая повесть для детей «Необыкновенное приключение Люсика и Интуты». В 2008 году в Санкт-Петербурге издана его новая книга «Искушение», написанная в соавторстве с Д. Симесом. В 2013 году вышла книга фэнтези «Невероятные приключения Леньки в стране мифов» и три новые книги об эмиграции «А он, мятежный, просит бури, или Из жизни прохиндея» и «Шизофрения» в соавторстве с Олегом Малининым и «Викинг из Бердичева» в соавторстве с Александром Юхансенем.

Миллионерша

Лилия с мужем, сыном и дочерью, как и большинство граждан Советского Союза, проживала в маленькой комнатке в большой коммунальной квартире. Послевоенная жизнь в стране потихоньку налаживалась, хотя поставить на ноги двух маленьких детей было совсем не просто. Ее муж вовремя войны получил тяжелое ранение в грудь, и врачи в госпитале не рискнули удалить осколок, застрявший в легком. Каждый раз, когда муж нервничал, начинался приступ, осложнявшийся тяжелым дыханием и появлением на губах розовой от свежей крови слюны.

Еще в госпитале его поставили на учет в туберкулезном диспансере, благодаря чему он оказался в льготной очереди на получение квартиры. Счастливицы, попавшие в такую очередь, получали жилье через пять-семь лет вместо обычных пятнадцати, а больные открытой формой туберкулеза даже еще раньше. Но у Лилиного мужа не было туберкулеза, а это означало, что не о каких существенных льготах не может быть речи.

Лилин муж работал нормировщиком в механическом цеху на номерном заводе. Целыми днями сидел он, согнувшись в три погибели над бланками, заполняя их столбиками цифр, часто покашливая и промакивая губы чистой белой тряпочкой, которую Лилия каждый вечер извлекала из кармана его брюк, сокрушенно качала головой, разглядывая на ней кровавые пятна, и меняла свежей.

Однажды начальник цеха ворвался в комнату, где сидели технические работники, и начал орать на ученика Лилиного мужа, молодого человека, недавно пришедшего на работу после окончания техникума.

– Я тебе объяснил, что надо делать? – визгливо вопил начальник цеха, и его жирное, лоснящееся лицо покрылось бордовыми подпалинами. – Ты же сказал, что понял!

– Я же по формулам считал, – оправдывался нормировщик, – вот по этим таблицам.

– Я переведу тебя в рабочие, ты же мне фонд зарплаты чуть не срезал, бестолочь!

– Нас в техникуме так учили, – со слезами в голосе прогундосил молодой человек, – я не знаю, как подгонять цифры, чтобы получилось так, как вы хотите.

– А не знаешь, значит, за станком тебе место! Там думать не надо!

– Зачем вы так, Виктор Никанорович? – попытался уладить конфликт Лилин муж. – Парень молодой. Научится, не боги горшки обжигают.

– Еще один заступник нашелся, – взъярился начальник цеха, – вы бы, Михаил Иванович, лучше бы чаще проверяли, что там этот умник насчитал, а то, не ровен час, вы из-за этого Ломоносова без прогрессивки останетесь! Кстати, и вы не без греха. Без конца болеете.

– Как без конца? – удивился Михаил Иванович. – Я в этом году всего один раз бюллетенил.

– А я ни одного, – огрызнулся Виктор Никанорович, – надо либо работать, либо уходить на инвалидность! Понятно?

Выходя из комнаты, он со злостью грохнул дверь. Никто из сотрудников, находившихся там, не проронил ни слова. Большинство еще ниже наклонили головы и активнее зашелестели чертежами и бланками. Михаил Иванович тяжело откинулся на спинку стула и осторожно прижал руки к груди, слов-

но стараясь утихомирить поднимающуюся изнутри боль. Ему казалось, что кусочек металла, сидевший в легких, начал подниматься к горлу, разрезая все внутренности на своем пути. Судорожным движением он схватил тряпочку, всегда лежавшую перед ним наготове, и прижал ее ко рту.

– Воды, пожалуйста, – одними губами прошептал Михаил Иванович и начал валиться на пол. Сотрудники бросились к нему, попытались снова посадить на стул, но его голова безжизненно болталась, а изо рта стекала тонкая струйка крови, окрашивая белоснежную рубашку в алый цвет.

Один из сотрудников позвонил в санчасть, и через несколько минут прибежал запыхавшийся фельдшер с чемоданчиком. Он распорядился положить Михаила Ивановича на пол, послал его ученика за носилками, а сам встал на колени, пощупал пульс, недовольно покачал головой, попытался расстегнуть верхние пуговицы на рубашке больного, но они не поддавались, тогда фельдшер резко задрал ее и несколько нижних пуговиц с треском разлетелись в разные стороны. Он приложил стетоскоп к груди Михаила Ивановича, вынул из чемоданчика шприц, наполнил его желтоватой жидкостью из стеклянной ампулы, сделал укол, немного подождал и снова приложил стетоскоп к груди. Затем тяжело поднялся с пола и беспомощно развел руками.

– Вызывайте «неотложку», – глухо произнес он, – и помогите отнести его в санчасть. Боюсь, ему уже ничего не поможет.

Сотрудники, столпившиеся вокруг лежащего тела, положили Михаила Ивановича на принесенные носилки и всей толпой направились в санчасть. При выходе из цеха они наткнулись на начальника.

– В чем дело? – раздраженно спросил он. – Почему не работаете?

– Михаилу Ивановичу плохо, – ответил старший технолог, – несем его в санчасть.

– А я думал, что это уже похороны, – вскинулся начальник, – почему все? Два человека отнести его не в состоянии? Мне в цеху стихийные демонстрации не нужны!

– Успокойтесь, – хмуро остановил его фельдшер, – похоже на то, что это не демонстрация, а похороны. Во всяком случае, я не обнаружил у него ни пульса, ни дыхания.

Начальник цеха дернулся, воровато забегал глазами по лицам сотрудников и, не сказав больше ни слова, почти бегом направился к своему кабинету.

После похорон Лиля долгое время была вне себя. И без того не слишком хорошее материальное положение семьи стало еще хуже. Она работала логопедом в поликлинике, и они втроем жили на ее нищенский оклад, едва сводя концы с концами.

Но, как говорится, время – лучший лекарь. Дети выросли, тяжесть утраты понемногу стерлась, и, хотя к Лиле сватались очень положительные мужчины, она была верна памяти Михаила Ивановича и всем претендентам отказывала вежливо, но категорично. Всю свою любовь она отдавала детям. Ей очень хотелось, чтобы сын пошел учиться на врача, но он, положив ей руки на плечи, сказал, как отец, тоном, не допускающим возражений: «Я пойду в военное училище, мама, там кормят, поят и одевают. Сколько можно сидеть на твоей шее? К тому же офицер получает в два раза больше, чем врач. Так что и не отговаривай».

Без особых усилий ее сын поступил в Высшее военное училище и был одним из лучших курсантов. Лиля очень гордилась им. Когда в военной форме с лычками и значками он иногда приходил домой, она всегда просила его помочь ей на кухне, чтобы соседи могли увидеть его и вместе с ней порадоваться ее счастью.

По окончании училища он был направлен в какую-то секретную войсковую часть, из которой сын сообщил, что он уже капитан и награжден несколькими орденами и медалями. Сосед по квартире, бывший фронтовик, Гатаулин внимательно посмотрел на фотографию, вынутую Лилей из последнего письма от сына, и сокрушенно покачал головой.

– Так где он служит? – спросил Гатаулин.

– Не пишет где, пишет, что секретная часть, – насторожилась Лиля.

– Горы сзади него видишь? – тыкнул Гатаулин толстым пальцем в фотографию.

– Вижу, – потухшим голосом прошептала она, – господи, неужели Афган проклятый?

– На наши горы не похоже, – уныло подтвердил Гатаулин, – надейся на лучшее. Я всю войну прошел и жив остался. Может, ему и повезет. А может, и не Афган это, – попытался он успокоить Лилю, увидев, что у нее на глазах появились слезы, – мало ли гор на свете?!

После этого разговора каждое письмо от сына Лиля ждала с нетерпением и страхом. Словно ожидая поддержки от соседей, она вскрывала каждое новое письмо только вечером на кухне, когда большинство жителей коммуналки выходили туда приготовить ужин и посудачить. Неожиданно письма перестали приходить.

– Как ты думаешь, что это может быть? – с надеждой заглядывая в глаза соседке, с дрожью в голосе спрашивала Лиля, – может, он в госпитале?

Но соседка хмуро отводила глаза и смущенно пожимала плечами.

– Ты бы в военкомат сходила, – посоветовал Гатаулин, – они там все на учете.

На второй день она сразу же после работы помчалась в военкомат. Майор без руки внимательно выслушал ее, вынул папку с делом ее сына, с сочувствием посмотрел на Лилю, полистал бумаги и устало покачал головой.

– Мне нечего вам сообщить, – сказал он прокуренным голосом, – если бы погиб, то прислали бы повестку, а раз ее нет, то надейтесь на лучшее.

– Да, скажите, же где он? – заплакала Лиля, – я же мать ему.

– Я сказал все, что имею право сказать, – виновато промямлил майор, – другой информации у меня нет.

Письмо пришло через месяц после ее посещения военкомата. Схватив конверт, Лиля помчалась на кухню.

– Не забывает мать, – радостно бормотала она, – да и фотография там, – восторженно добавила счастливая женщина, ощупывая конверт.

– Ну, вот, – веско произнес Гатаулин, – надо только верить и ждать. Взглянув на конверт, он вдруг осекся, отвернулся от Лили и стал пристально разглядывать на улице проезжавшую мимо дома машину.

Лиля разорвала конверт, но вместо фотографии вынула извещение, в котором сообщалось, что майор Ливанов Иван Михайлович, выполняя интернациональный долг, пал смертью храбрых. Она оглянулась, словно ища опровержение тому, что было написано в этой страшной открытке, но все соседи, словно по команде, склонились над своими кастрюлями, и в воздухе повисла такая звенящая тишина, что, казалось, от нее могут лопнуть барабанные перепонки. И тогда до ее воспаленного мозга дошел ужас произошедшего. Она не закричала, не заплакала. Ей хотелось, чтобы смерть из бездушного куска картона перешла бы в нее, потому что пережить это уже больше не было сил. Лиля почувствовала, как чудовищная боль пламенем полыхнула у нее в голове, и она упала на дощатый пол, намертво зажав в кулаке злополучную повестку.

Прибывший на «неотложке» врач безразличным голосом сообщил, что Лиля находится в коме, сделал ей какой-то укол и увез ее в больницу, где она пролежала несколько месяцев без движения, находясь между жизнью и смертью. Ее парализовало и перекосило лицо. Врачи и медсестры, узнав, что ее сын погиб в Афганистане, очень сочувствовали ей и изо всех сил старались помочь. Активная терапия и повышенное внимание медицинского персонала сделали свое дело, и вскоре она уже могла садиться в постели, а еще через месяц ее выписали из больницы домой.

После инсульта Лиля больше не могла работать логопедом, да и любая физическая работа была ей не под силу. Она получила небольшую пенсию по нетрудоспособности, на которую они вместе с дочерью кое-как существовали. Ее дочь Маша училась в университете на скандинавском факультете. Там она познакомилась с симпатичным светловолосым норвежцем. Вместе готовясь к занятиям, они влюбились друг в друга и решили пожениться. После долгих колебаний Маша привела жениха к себе в гости.

– Мама, – радостно улыбаясь, сказала Маша, – это Аксель. Он из Норвегии. Мы решили с ним пожениться.

– Это хорошо, – сильно гримасничая, произнесла Лиля и, заметив, настороженный взгляд Акселя, прикрыла лицо ладонью, – а где вы собираетесь жить?

– В Норвегии, конечно, – не задумываясь выпалила дочь, – не в этом же кошмаре, – и она показала рукой на убогую обстановку комнаты.

– Ты меня бросишь? – заволновалась Лиля. – Я же без тебя здесь погибну.

– Я найму вам сиделку, – на ломаном русском языке сказал Аксель, – она будет каждый день делать вам массаж, а когда вы почувствуете себя лучше, мы заберем вас к себе в Норвегию.

Лиля откинулась на подушку и беззвучно заплакала. Крупные слезы тонкими ручейками текли по ее обезображенному болезнью лицу, но она их не вытирала, а лежала, не шевелясь, как мертвая. Ее белое, едва отличимое от наволочки лицо было неподвижно и казалось, что плачет гипсовая маска.

– Мама! – в ужасе закричала Маша. – мамочка, не умирай! Я остаюсь, я никуда не поеду!

Лиля, словно проснувшись, энергично затрясла головой.

– Нет, нет, доченька! – горячо зашептала она, заливаясь слезами, – дорогая моя. Не буду я мешать твоему счастью. Выходи замуж, езжай от меня подальше. Видишь, я всем только одни несчастья приношу.

– Это похоже на романы Достоевского, – с грустью в голосе произнес Аксель, – по-моему, с тех пор ничего не изменилось. Я обещаю, что позабочусь о вас. Мы будем высылать вам деньги, а потом вы уедете к нам в Норвегию.

Со следующего дня опытная массажистка начала работать с Лилей, и вскоре она уже меньше хромала, а лицо почти перестало дергаться и искажаться во время разговора. Окончив университет, Маша с мужем уехали в Норвегию. Дочь переживала за мать: часто писала ей и ежемесячно высылала денежные переводы. Привыкнув экономить каждую копейку, Лиля тратила деньги на самое необходимое и скопила, как ей казалось, весьма внушительную сумму денег, которую она хотела вернуть дочери, когда поедет в Норвегию, но банкротство банка в один день уничтожило все ее накопления, и, если бы не письмо дочери, в котором находилось приглашение посетить Норвегию, Лиля от пережитых волнений, скорее всего, снова бы оказалась в больнице.

Заграничный паспорт Маша оформила ей заранее перед своим отъездом. И вот, боязливо озираясь, Лиля переступила порог консульства и остановилась в дверях.

– Что вы хотите, мадам? – спросил ее вежливый молодой человек в черном костюме.

– Ой, вы же по-русски говорите, – обрадовалась Лиля, – дочка в гости приглашает. Что я должна сделать?

– Возьмите бланк и заполните его в соответствии с образцом на стене. Если что-нибудь будет непонятно, спросите.

– Спасибо, – засуетилась Лиля, – я же грамотная, я английский учила в институте. Я сама разберусь.

Он снисходительно пожал плечами и отошел к другому посетителю. Лиля заполнила анкету и подала ее вместе с другими документами в окошко. Получив визу, она помчалась в авиакасса и с ужасом увидела, что все деньги, которые ей прислала Маша, она истратила на билет.

– Как же я поеду с пустыми руками? – горестно вздыхала она, – ума не приложу, что же мне им подарить.

Лиля сняла с этажерки единственную ценность в доме – хрустальную вазу, подаренную ей и мужу в день свадьбы, завернула ее в старую линялую кофту и сунула сверток в сумку. Потом взяла бутылку из-под водки, налила в нее кипяток и заткнула пробкой. Нарезала хлеб, положила между двух кусков кружок докторской колбасы, сварила вкрутую три яйца, уложила все это в полиэтиленовый пакет и аккуратно положила в сумку. Затем покидала туда же чулки, пару нательного белья и давно вышедшее из моды цветастое крепдешинное платье на выход.

Таможенник в аэропорту с удивлением уставился на ее бутерброды, даже раскрыл один и понюхал.

– Кушать хотите? – обеспокоилась Лиля. – Хотите я вам оставлю половину? Я мало ем, мне половины хватит.

– Да нет уж, спасибо, – усмехнулся таможенник, – только я не пойму, зачем вы это с собой в самолет тащите? Вас же там кормить будут. Вы, что, никогда в самолете не летали?

– Никогда, – честно призналась Лиля.

– Выкиньте все это в помойное ведро, – посоветовал таможенник, – на их таможене продукты не пропускают.

– Почему? – искренне удивилась она.

– Отравиться бояться, наверное.

– Да это же все свежее, – начала оправдываться Лиля, – я вчера в магазине покупала.

– Ладно, мать, – рассмеялся таможенник, – проходите на паспортный контроль, а потом в зал ожидания. Если жалко выбрасывать, то там можете его съесть.

Она подхватила сумку, протянула паспорт девушке-пограничнику, та поставила печать в паспорт и пожелала ей счастливого пути. Лиля вошла в зал ожидания и застыла от неожиданности. Такой красоты она еще не видела никогда в жизни. Лиля походила по магазинам, подивилась на красивые вещи, висевшие на никелированных подставках, постояла возле бара, так и не решившись в него войти. Наконец она расположилась на диване, вынула пакет, разбила яйцо, очистила его от скорлупы и надкусила. Время от времени она прикладывалась к бутылке с водой.

– Вы что тут делаете? – услышала она строгий голос и увидела незаметно подошедшего к ней милиционера.

– Кушаю, – икнув от испуга, сообщила Лиля, – а разве нельзя?

– Вообще-то в баре едят, – смутился милиционер и почесал затылок, – первый раз такое вижу. А вы куда летите?

– К дочке в Норвегию, – с улыбкой сказала она, отломив кусок от бутерброда и протягивая ему паспорт и билет.

Он взял документы, подозрительно покосился на бутылку, взглянул на билет и всплеснул руками.

– Лиля Александровна, вашу посадку объявили. Закрывайте ваш ресторан и бегите вон к тому выходу, – показал он рукой, – а то ваш самолет без вас улетит.

Она вскочила, схватила сумку и бросилась к проходу, над которым светился номер ее рейса.

– Документы заберите, – закричал милиционер, догоняя ее, – нельзя же быть такой рассеянной.

– Спасибо тебе, сынок, – растроганно сказала Лиля, – дай тебе Бог здоровья. У меня такой же, как ты, в Афганистане погиб.

Милиционер сразу же посерьезнел.

– Если хотите, – неуверенно начал он, – я вам сейчас ваш завтрак принесу, но он вам не понадобится. В самолете кормят.

– Забери себе, – распорядилась она, – там все свежее, не побрезгуй.

Она помахала ему рукой, показала билет стюардессе и вошла в самолет. Во время полета пассажиров действительно кормили. На столике, выдвинутом из спинки кресла, оказалось очень мало места, и кушать было не очень удобно, но Лиля все равно была в восторге.

– Надо же, как вкусно все, – поделилась она впечатлением с молодым лысоватым мужчиной, сидевшим в кресле справа от нее.

– Ай, наши вечно крохоборят, – хмыкнул он, с брезгливой миной отодвигая пластмассовую коробку с едой.

– Вы не будете есть? – удивилась она. – Вкусно-то как!

– Если хотите, можете забрать себе, – великодушно предложил он, – я только выпью этой бурды, которую они называют кофе с пирожным. Вот, пожалуй, и все.

– Так мне столько за раз не съесть, – усомнилась Лиля, – ведь нельзя же это с собой забрать.

Он с неподдельным интересом уставился на нее.

– Вы еще ни разу не летали?

Она утвердительно кивнула головой, пережевывая первый раз в жизни кусочек твердокопченой колбасы.

– Тогда понятно. Чтоб вы знали: за все вами заплачено. Так что можете забрать домой коробку вместе с ее содержимым.

– А если проверят? – испугалась она.

Он раскатиисто захохотал. Взял свою коробку, защелкнул крышку и положил в ее сумку, стоявшую у нее под ногами.

– Не надо, – зашептала она, – неудобно как-то.

– Нефиг им оставлять, а если кто-нибудь что-нибудь вам скажет, – снова засмеялся он, – то пошлите его подальше или скажите, что это я положил вам коробку в сумку. Идет?

– Вы, знаете, – Лиля доверительно дотронулась рукой до рукава его кожаной куртки, – я сегодня встретила столько прекрасных людей, что просто удивительно.

Во время полета она рассказала ему о своей жизни, о смерти мужа и сына, о замужестве дочери, об ужасной нужде, в которой она прожила всю жизнь, и о том, как ей наконец неожиданно повезло и она летит к дочке в Норвегию. Мужчина слушал очень внимательно. Он кивал лысеющей головой, а его лицо становилось то строгим, то радостным, то печальным.

– Какой вы хороший собеседник, – с благодарностью произнесла Лиля, когда самолет приземлился, – мне еще ни с кем не было так интересно.

– По-моему, я не произнес ни одного слова, – улыбнулся он, – но я рад знакомству с вами. Для меня ваша жизнь – хороший урок. Вы очень сильный человек. Это же уму непостижимо столько вынести!

В аэропорту Лилю уже ждали Маша с мужем. Они расцеловали ее и вручили огромный букет белых роз.

– Зачем вы так потратились? – со слезами в голосе прошептала Лиля, – родные мои, любимые. А я вам гостинец привезла.

– Круглый хлеб или водку? – попыталась угадать Маша.

– Нет, лучше, – поблескивая от возбуждения глазами, воскликнула Лиля, – это мне сосед посоветовал.

Она полезла в сумку и вынула пластмассовую коробку с набором еды. Куриная ножка с зеленым горошком были еще теплыми. Лиля раскрыла коробку и протянула ее им так, словно в ней лежала бриллиантовая диадема. Маша с мужем с неподдельным интересом и изумлением взглянули на содержимое коробки, потом друг на друга и начали так хохотать, что сидевший за рулем Аксель вынужден был притормозить машину.

– Мам, – повизгивая от хохота, спросила Маша, – а докторской колбасы ты ненароком с собой не

прихватила?

– Прихватила, доченька, – горестно сообщила Лиля, – да я ее милиционеру оставила. Он попросил меня: «Ты оставь колбасу мне, мать, а тебя все равно в самолете покормят», – приврала она.

После этих слов Аксель вынужден был остановить машину, потому что Маша начала корчиться от хохота, а сам он всхлипывал и промакивал бумажной салфеткой слезы.

– Что вы смеетесь? – смущенно заулыбалась Лиля. – Я же правду говорю.

– Спасибо, мамуль, – уже серьезно сказала Маша, – я понимаю, что все это искренне. – От нищеты это все, – пояснила она мужу, – многие до сих пор так живут.

Маша с мужем жили в деревянном двухэтажном доме. Отштукатуренный снаружи, он казался сделанным из камня. Перед домом расстиралась площадка с тщательно подстриженной травой, посреди которой одиноко торчала огромная, похожая на дуб, яблоня. Лилю поселили в отдельной комнате на первом этаже, большую часть которой занимала красивая белая двуспальная кровать и огромный, во всю стену, шкаф с бесчисленным количеством ящиков, полок и вешалок.

«Такой шкаф и за всю жизнь не заполнить», – с восхищением подумала Лиля.

– Мама, может, хочешь помыться с дороги? – спросила дочь. – А потом пообедаем.

– Хочу, – обрадовалась Лиля, – а где у вас рукомойник?

– Это не дача, мама, – приснула Маша, – а нормальный жилой дом. Ванна с душем находится против твоей комнаты. Идем, покажу, как краном пользоваться.

– Ты думаешь, что я совсем дура, из ума выжившая? – обиделась Лиля. – У нас в бане два крана: один с горячей водой, другой – с холодной.

Она вошла в сверкающую никелем и чистотой ванну и с удивлением уставилась на одну рукоятку, торчащую из стены.

– Так у вас только холодная? – разочарованно произнесла она.

– Нет. Это шарнирный кран, – пояснила Маша, – вверх-вниз, влево-вправо.

Она показала, как пользоваться краном, и пошла к выходу.

– Кстати, душ включается вон той кнопкой, – добавила она, закрывая за собой дверь.

Помывшись и пообедав, Лиля вышла на веранду и села в плетеное кресло, стоявшее у белого столика. Маша вошла следом за ней, держа в руках поднос с маленькими фарфоровыми чашечками, наполненными ароматным кофе.

– У меня такое ощущение, что я попала в рай, – с восторгом сообщила Лиля, – вы уж на меня не очень тратьтесь. Я так рада, что ты живешь по-человечески. Кстати, Машенька, почему у вас на участке ничего не растет?

– А что должно расти? – удивилась Маша.

– Ну, я не знаю. Помидоры, огурцы, картофель, например.

– Мама, мы с мужем очень много работаем и приходим домой отдыхать. Абсолютно все есть в магазинах, и заниматься садоводством нам без интереса. Проще, побольше заработать и купить все, что тебе надо, чем заниматься ерундой.

– Может, ты и права, – тяжело вздохнула Лиля, – только я всю жизнь горбатилась, да так ничего не заработала.

– Mam, послушай. А ты хотела бы остаться здесь навсегда?

– Еще бы доченька! И буду жить вместе с вами? Вы не пожалеете.

– Нет, не с нами, мамуль. Здесь принято жить отдельно друг от друга.

Лиля растерянно захлопала глазами.

– Так где же я буду жить? На что?

– Твой зять решил выдать тебя замуж.

– Меня замуж? – рассмеялась Лиля. – Неужели я еще кому-нибудь нужна.

– У него есть приятель, его зовут Ларш. Он старше тебя лет на десять-двенадцать. У него тоже есть дом. Так что, если он не будет возражать, то сможешь там организовать садоводство.

– Но я же не знаю норвежского языка, – с отчаяньем прошептала Лиля

– Захочешь остаться, так выучишь, – успокоила ее дочь, – на карту поставлена твоя старость. Выбери: или дворец, или коммуналка. Мне кажется, тут и выбирать-то не из чего.

– Я согласна, – смущенно пробормотала Лиля и зарделась, как невеста.

– Тогда помчались в парикмахерскую, и немножко тебя приоденем, чтобы ты действительно выглядела невестой на выданье, – засмеялась Маша.

– Так ведь это сколько денег стоить будет? – ужаснулась Лиля. – У меня же ни копейки нету. Вот только вазу вам привезла, и все мое богатство.

– Ой, мамочка, зачем ты? Это же память о папе, – растрогалась дочь, – спасибо тебе, мамуля. Вот уж действительно русская щедрость: снять с плеча последнюю рубашу и отдать.

Они обнялись, немного поплакали, потом Маша осторожно отстранила мать и улыбнулась.

– Ну, ладно, мам, давай в машину. У нас с тобой миллион дел. Вечером жених приедет. Твой зять отличная сваха. Будь простой и обаятельной, без всяких фокусов, и все будет в порядке.

Ларш прибыл на стареньком «Мерседесе» ровно в семь, минута в минуту. Он был высокого роста. Седая окладистая борода на лице, изрезанном глубокими, как норвежские фиорды, морщинами делала его похожим на викинга из учебника по истории средних веков. Одетый в поношенные джинсы и старый толстый свитер, он выглядел на семьдесят пять-восемьдесят лет.

– Не молодой, однако, – мысленно оценила его Лиля, – а хочет жениться.

После посещения парикмахера и покупки не самой дорогой, но вполне приличной одежды, слегка взволнованная предстоящей встречей, она выглядела раздурманенной и помолодевшей. Маша представила их друг другу. Ларш улыбнулся, морщинки вокруг глубоко сидящих глаз весело разбежались, и его лицо сразу же помолодело.

– У вас очень красивая и молодая мама, – сделал он комплимент Маше, если она пойдет замуж за такого старого холостяка, как я, то я буду счастлив.

– Он сделал тебе предложение, – заволновалась Маша.

– А он был женат? У него есть дети? – поинтересовалась Лиля.

Маша перевела вопросы. Ларш внимательно посмотрел на Лилю и снова улыбнулся, обнажив передние зубы, желтые от многолетнего курения.

– Нет, – кратко ответил он, – и детей у меня тоже нет.

– Мы не дети, – рассудительно сказала Лиля, – давайте попробуем. Я вижу, он человек обстоятельный, а я к домашней работе привычная. Думаю, все у нас с ним получится.

– Тогда собирайте вещи и поехали ко мне, – с невозмутимым выражением лица предложил Ларш.

– Так сразу? – растерялась Лиля.

– Если вы согласны, то не вижу причин, чтобы откладывать ваш переезд.

Маша синхронно переводила.

– Мама, бери быка за рога, – добавила она от себя, – какая разница, сегодня ты переедешь к нему или через несколько дней?

– Неожиданно все как-то, – заняла Лиля, – я прямо не знаю, что делать.

– Собирай вещи, – приказала дочь, – это твой шанс. Другого может не быть.

Лиля покорно пошла в комнату, взяла свою сумку и снова вышла в гостиную.

– Я готова, – проямлила она.

– Это все? – с чуть заметным удивлением в голосе спросил Ларш.

– Остальное она оставила в России, – пояснила Маша, – но тащить оттуда вещи бессмысленно. Все необходимое можно купить здесь.

– Разумно, – подтвердил Ларш, – все, что необходимо, можно купить здесь. Он взял Лилину сумку, с сомнением покачал головой, попрощался с хозяйками и пошел к машине. Лиля поцеловала дочь, пожала руку зятю, шепнула: «Спасибо вам» и метнулась следом за Ларшем.

Ларш жил в двухэтажном каменном доме, потолки и стены которого были облицованы полированными деревянными досками, и только в двух ваннах, расположенных на разных этажах стены, полы и потолки были покрыты голубым кафелем. Впервые увидев джакузи и биде, Лиля даже не рискнула поинтересоваться, что это такое и как этим пользоваться. «Придет Маша, у нее и спрошу, – решила она, – да и что бы он ни сказал, все равно не пойму». Но Ларш по ее неуверенному взгляду определил, что она растерялась. Он движением руки подозвал ее и, не говоря ни слова, продемонстрировал, как включаются приборы. Потом он повел ее на кухню, показал, как пользоваться различными кухонными принадлежностями, открыл дверцы шкафчиков, в которых лежали различные продукты и приправы. Немного постоял, молча что-то обдумывая, потом ткнул в нее палец и показал на кухню, объяснив этим жестом, что отныне она здесь хозяйка.

– Я поняла, – заулыбалась Лиля, – ты хочешь кушать? Ам-ам, – показала она на рот.

– Нет, – ответил он и отрицательно покачал головой, – пойдем спать. Он сложил ладошки около щеки и вышел из кухни. Она засемила следом, едва сдерживая от волнения дыхание, и почувствовала, как

внезапно сильно забилося сердце. Он открыл дверь в большую светлую комнату рядом с кухней и показал на красивую полированную двуспальную кровать.

– Ты, – сказал он по-русски, чмокнул ее в щеку, вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь.

– Ишь, какой порядочный, – расстроилась Лиля, – чистоплюй чертов, ладно уж, столько вытерпела, доживу как-нибудь до свадьбы.

В течение месяца она приводила дом в порядок: мыла, драила, стирала, готовила еду, а в свободное время старательно занималась норвежским. Язык давался ей легко, и через месяц общения с Ларшем она уже вполне сносно могла объясниться на норвежском. Ларш внимательно приглядывался к ней и за несколько дней до истечения визы сказал:

– Лиля ты мне очень подходишь. Если ты хочешь здесь со мной жить, то мы должны зарегистрировать брак.

– Я согласна, – обрадовалась она, – ты мне тоже очень подходишь, – кокетливо добавила она.

– Тогда поехали в мэрию. Я бланки уже заполнил. Когда вернемся, ты можешь сообщить дочери, и устроим торжественный ужин. Это все-таки мой первый брак.

По дороге в мэрию Ларш позвонил по мобильному телефону своему другу и попросил его быть свидетелем. Он назвал ему время регистрации, и Лиля с удивлением отметила, что обе машины подъехали к зданию мэрии почти одновременно. Оказалось, Ларш заказал время регистрации заранее. Процедура заняла совсем немного времени. Все присутствующие расписались в каких-то бланках и в журнале. Женщина-чиновник пожала им руки, осветилась стандартной улыбкой, пожелала счастья, выдала свидетельство о браке и тут же нажала кнопку вызова следующих посетителей. Ларш взял Лилю под руку. Они вышли в коридор и не спеша направились к своей машине, а его друг с женой к своей.

«Как на похоронах, – с неприязнью подумала Лиля, – ни цветов, ни поздравлений, ни разговоров, ни поцелуев».

Только теперь она заметила, что Ларш был одет в джинсы и свой заношенный свитер.

– Может, у него костюма нет, – засомневалась она, – но ведь дом и машина не маленьких денег стоят. Все-таки странный он человек, очень закрытый, не разговорчивый. А впрочем, что теперь обсуждать? Назвался груздем, полезай в кузов. – Если хочешь, чтобы я что-то приготовила на ужин, – негромко сказала она, прикоснувшись рукой к его колену, – то надо бы прикупить еще продуктов.

На его каменном лице не отразилось никаких чувств. Он внимательно смотрел на дорогу, время от времени переключая скорость и делая вид, что не замечает руки, лежащей у него на колене. Машина затормозила, Ларш вынул из заднего кармана джинсов деньги и протянул их Лиле.

– Купи все, что нужно. Чек принеси мне. Я подожду в машине.

– Как домработнице приказал, – с тоской подумала она, но молча кивнула и вышла из машины. Минут через двадцать, купив все, что ей было нужно, она появилась из магазина с двумя тяжелыми сумками. Увидев ее, он вышел из машины, но не пошел ей навстречу, чтобы помочь, а открыл багажник и с непроницаемым лицом подождал, пока она туда поставит сумки.

«Не муж, а чурбан какой-то, – с раздражением подумала Лиля, вытирая пот со лба, – что же он не видел, какие тяжеленные сумки?»

Они сели в машину, и она демонстративно протянула ему чек и скомканную в кулаке сдачу. Он аккуратно их разгладил, пересчитал, взглянул на чек и убрал в карман.

– Что же он мне не доверяет, что ли? – занервничала Лиля, – жена ведь все-таки. Да, я в жизни не у кого не одной копеечки не взяла. Ладно уж, Бог с ним.

Приехав домой, он открыл багажник, а она схватила сумки и быстро пошла в дом. Не посоветовавшись с Ларшем, Лиля замесила тесто, напекла пирожков с капустой и яйцами, поджарила рыбу, сделала мясо в фольге, сварила картофель и приготовила салат из свежих овощей.

– Зачем так много? – пожал он плечами. – Разве можно столько съесть за один раз?

– Но ведь гости придут, – слабо защищалась Лиля, – свадьба все-таки. Так принято в России.

– Здесь не Россия, – усмехнулся он, – надо жить экономно.

Вечером приехали Маша с мужем и приятель Ларша с женой. Они с удивлением уставились на стол, сервированный, как в ресторане. Маша привезла букет белых роз. Их поставили в глиняном кувшине посередине стола, и в доме сразу же стало празднично. Гости поздравили Ларша и Лилю с браком. Она сияла, а его лицо было абсолютно непроницаемо, словно ничего не произошло. Ларш пригласил всех к столу. Гости с аппетитом ели и искренне хвалили Лилину стряпню. Потом начался разговор о политике, об экономике, и больше уже никто не вспомнил, по какой причине они здесь собрались, ни разу не крикнули: «Горько!». Спустя два часа, почти полностью опустошив стол, вежливо попрощались, поблагода-

рили за замечательный ужин и разъехались по домам. Лиля быстро убрала остатки еды в холодильник, помыла посуду и вернулась в гостиную. Ларш сидел на диване, вытянув ноги, и смотрел «Новости» по телевизору. Она присела рядом и прижалась к его плечу, но он не шелохнулся.

– Ларш, в какой комнате мы будем жить? – осторожно спросила она. Он удивленно покосился на нее.
– Я имею в виду, где у нас будет спальня? – пояснила Лиля.

– Тебе не нравится твоя комната? – спокойно спросил он. – Можешь переехать в любую, какая тебе нравится, но я предпочитаю остаться в своей.

– Хорошо, – согласилась она, – как хочешь.

В эту ночь она почти не спала, дожидаясь его прихода, но он не пришел. Ничего не изменилось и в последующие дни.

– Он меня взял к себе как бесплатную домработницу, – жаловалась она дочери по телефону, – целый день кручусь как белка в колесе, а когда деньги на какие-нибудь расходы дает, то каждый раз берет чеки и пересчитывает сдачу.

– Мамуля, ну потерпи немного, – успокаивала ее Маша, – через два года получишь вид на жительство, тогда разведешься, получишь социальное пособие, и живи себе на здоровье так, как тебе нравится.

Лиля тяжело вздыхала, вытирала передником слезы и шла на кухню. Дни тянулись медленно и однообразно. Однажды, листая записную книжку, она обнаружила в ней адрес своей старой приятельницы, с которой когда-то работал в поликлинике. Та уже несколько лет проживала в Швеции. Лиля немедленно набрала номер ее телефона и, услышав в трубке голос Александры, сразу же заплакала.

– Сашенька, это я Лиля, – глотая слезы, закричала она, – ты меня слышишь? Я в Норвегии.

– Здравствуй, Лиля, – взволнованно ответила подруга, – что случилось? Почему ты плачешь? Как ты попала в Норвегию?

– Да замуж я вышла, – с отчаянием выкрикнула Лиля, – он как бирюк, то ли человек, то ли кусок скалы.

– Так вернись обратно в Россию, – осторожно посоветовала Александра.

– А там еще хуже, – обреченно сообщила Лиля, – кому я там нужна? Здесь, как бы дело ни обстояло, сыта, одета, обута, крыша над головой, да и Машенька рядом.

– Из двух зол выбирают меньшее, – посочувствовала подруга, – здесь иногда такие трагедии разыгрываются, какие не в одном романе не опишешь. Приезжай погостить. У меня собственный дом, замечательный муж.

– Не на что, – пожаловалась Лиля, – своих денег нет, а просить не хочется.

– Тогда дай номер твоего телефона, будем перезваниваться.

Лиля продиктовала номер, попрощалась и повесила трубку.

– Может, Сашенька и права, – успокоилась она, – из двух зол выбирают меньшее. Я всю жизнь жила в нищете, а тут все-таки дом, опять же на машине, когда надо, до магазина подкинет. Ну а что со мной не спит... Что же делать? Старый человек. Куда деваться?

Подумав так, она почувствовала, что ей стало немного спокойнее. Лиля с удовольствием взялась за опостылевшую ей работу по дому, чаще улыбалась мужу, когда сталкивалась с ним, и ей начало казаться, что непроницаемое лицо Ларша светлеет при встрече с ней. Так они прожили три года. Хотя Лиля уже неплохо говорила по-норвежски, она так и не смогла близко сойтись ни с кем из соседок. Она видела, что они иногда собирались вместе, сидели за столом, пили пиво или напитки, но никогда не приглашали ее к себе в гости.

«Брезгают, – с неприязнью думала Лиля, – господа чертовы. Но с другой стороны, это их страна, и нечего соваться с суконным рылом в калашный ряд. Ладно, и без них как-нибудь проживу. Каждый день с Машенькой могу поболтать, да и Сашенька нет-нет, да и позвонит».

Однажды Ларш не вышел вовремя к обеду. Она забеспокоилась и осторожно заглянула в его комнату. Жалюзи на окнах были плотно закрыты, и в комнате стоял полумрак. Ларш лежал на кровати, раскинув руки.

– Ларш, – негромко позвала она, – идем кушать. Я испекла твои любимые пирожки с капустой.

Он не пошевелился. Она подошла к окну, подняла жалюзи, и комната сразу же наполнилась солнечным светом. Лиля оглянулась на мужа. Он не шелохнулся.

– Ларш! – закричала она, бросилась к нему и схватила за руку. Не нащупав пульс, она сорвала со стены небольшое зеркало и поднесла его ко рту мужа. Увидев, что зеркало не запотело, Лиля в ужасе выронила его из рук, и оно, упав на дощатый пол, с хрустом лопнуло пополам.

«Зеркало разбилось, – тоскливо пронеслось у нее в голове, – это к смерти близкого человека».

Вдруг она поняла, что хоть часто на него сердилась, он все же был для нее близким человеком, и его

смерть обернется для нее неизвестно чем. Лиля опустила перед ним на колени, закрыла ему глаза и в первый раз за всю их совместную жизнь положила голову ему на грудь и завывала. Выплакавшись, она поднялась и, пошатываясь, поплелась к телефону, чтобы сообщить Маше о постигшем ее несчастье.

Никаких ближайших родственников у Ларша не было, и единственной его наследницей оказалась жена. Ларш жил очень замкнуто. На его похороны пришли только ближайшие соседи да Маша с мужем. Когда все разошлись, Маша обняла мать и заплакала:

– Не везет тебе, мама. Вроде бы все хорошо было, и вот тебе зарости-пожалуйста.

– Бог с ним, – тяжело вздохнула Лиля, – любимого мужа и сына похоронила, жива осталась, а у Ларша я вроде приживалки была.

– Но как бы дело ни обстояло, ты его законная жена, а значит, и наследница. Давай-ка посмотрим его документы. Сколько денег у него на счетах в банке? Ведь теперь тебе за все платить придется.

Маша пошла в комнату Ларша, Лиля засемила следом, охая и тяжело вздыхая.

– Он в этом ящике документы держал, – показала она на старинное бюро, но ящик оказался закрытым. – Может, в другой раз, – неуверенно добавила она, – а я пока постельное белье сниму да в стиральную машину брошу.

Она подняла подушку и стала вытряхивать ее из наволочки. Вместе с подушкой из нее выпал конверт и с негромким стуком упал на пол. Маша нагнулась и подняла его.

– Может, он там бриллианты спрятал, – сыронизировала Лиля.

– На бриллианты не похоже, – серьезно ответила дочь, – больше похоже на ключик.

Конверт не был заклеен и от длительного использования выглядел изрядно потрепанным и сматым. Маша достала из него бронзовый ключик, вставила в замок и повернула. Ящик с тихим звоном сам выдвинулся вперед. В нем аккуратной стопкой лежали банковские документы. Она вынула всю пачку, присела к столу и стала их просматривать.

– Ни хрена себе, – наконец сдавленным голосом выдавила она из себя и уставилась на мать с таким выражением лица, словно увидела ее впервые.

– Большие долги? – обреченно спросила Лиля. – Ты уж меня не пугай, доченька. Господи! Как я от этой жизни устала!

– Ты миллионерша, мамочка, – свистящим шепотом произнесла Маша, – наконец-то за все твои мучения ты получила награду. У Ларша в банке акций на восемнадцать миллионов норвежских крон. Это же два миллиона долларов! Ты теперь можешь жить как королева. Найми себе прислугу, шофера и повара. Закажи себе спецтур на лайнере вокруг земного шара или для начала по Европе. Ты же нигде не была. Ну, что же ты не радуешься, мама? Или еще не осознала?

Лиля молча подошла к дочери, взяла документы и покачала их в вытянутой руке, словно прикидывая, сколько может весить два миллиона долларов, а затем осторожно положила их обратно в ящик.

– Ты только никому об этом не говори, Машенька, – с дрожью в голосе попросила она, – боюсь я. Не ровен час, бандиты узнают. Сама знаешь, что потом будет.

– Кому до тебя здесь дело? – весело возразила дочь, – поживи наконец в свое удовольствие. Заслужила ты.

– Ты знаешь, Машенька, – провожая дочь, сообщила Лиля, – хочу продать я этот дом и машину. Не нужно мне все это. Поможешь мне?

– Нет проблем, – целуя мать в щеку, прошептала дочь, – завтра пришлю к тебе маклера, ты ему все объяснишь, а кроме этого мы с тобой должны сходить в нотариальную контору, чтобы ты вступила в права наследства.

– Машуль, – виновато пробормотала Лиля, – можно я у тебя переночую? А то как-то не по себе мне.

– Что ты так разнервничалась? – удивилась дочь. – Конечно, поехали. Какие могут быть разговоры?!

С помощью Маши в течение месяца все документы о наследстве были оформлены, дом и машина проданы, а вместо них Лиля купила себе двухкомнатную квартиру. Она хотела обставить ее мебелью из комиссионного магазина, но Маша не позволила. Они пошли в мебельный магазин, дочь выбрала там красивый гарнитур и роскошную двуспальную кровать с инкрустацией.

– Зачем мне двуспальная? – слабо упиралась Лиля. – Я больше замуж не собираюсь.

– На перспективу, – рассмеялась Маша, – сегодня не собираешься, а завтра надумаешь. Ты же сама видишь, какие виражи делает жизнь.

– Ладно уж, – махнула рукой Лиля, – как говорится: «Семь бед, один ответ». Но я думаю, нельзя так неразумно транжирить деньги.

Она поселилась в своей уютной квартире. Кроме дочери никто ее там не посещал. Главной заботой Лили стали банковские документы мужа. Она сложила их в старую коробку из-под обуви. Коробку положила в полуразвалившуюся сумку, напихала в нее ненужной одежды и поставила на антресоли. Каждый день она проверяла, все ли в порядке, часто переставляла сумку на другое место или заваливала ее другими сумками и коробками.

Помимо акций на счету Ларша находилась большая сумма денег, которая значительно увеличилась после продажи дома и машины, но Лиля сэкономила абсолютно на всем. Она покупала самые дешевые продукты и даже включала свет только тогда, когда становилось совсем темно.

– Как ты живешь, мама? – удивилась Маша. – Этих денег тебе на две жизни хватит. Что же ты на себе крохоборишь! Съездила бы к Александре Петровне, хоть развеялась бы.

– А документы? – подозрительно взглянув на дочь, спросила Лиля. – Если их украдут? Маша изучающе уставилась на мать.

– Да кому нужны твои документы?! Без твоей личной подписи по ним все равно ничего не получишь. Но если ты так боишься за них, то возьми сейф в банке и оставь их там, пока будешь в отъезде.

– Правда? А разве так можно? – обрадовалась Лиля. – А то я совсем покой потеряла. А там не украдут?

– Что ты говоришь, мама! – рассердилась Маша. – Ты уже совсем на этих акциях помешалась. Люди бриллианты на сотни миллионов крон держат в банке, а ты неизвестно о чем переживаешь.

О смерти Ларша Лиля сообщила Александре Петровне ранее и теперь, когда она попросила разрешения погостить у нее, та сказала, что будет очень рада с ней встретиться и предоставит ей комнату в доме.

– Ты не думай, – лукаво улыбаясь, произнесла Лиля, – я тебе заплачу за содержание. Я не бесплатно. Я теперь очень богатая.

– В лотерею выиграла? – поинтересовалась Александра Петровна.

– Нет, – проговорила Лиля, – Ларш наследство оставил.

– Вот как?! Я тебя искренне поздравляю. Хоть остаток жизни проживешь по-человечески.

– Откуда ты знаешь, что мне до конца жизни хватит? – насторожилась Лиля.

– Понятия не имею, сколько он тебе оставил, – начала оправдываться подруга, – но, сколько оставил, все твои.

– Это верно, – поддержала ее Лиля, – я завтра выезжаю к тебе.

– Хорошо, – согласилась Александра Петровна, – мы со Свеном будем ждать тебя.

Лиля повесила трубку, открыла сумку и пересчитала лежавшие в ней деньги.

– Десять тысяч шведских крон, – громко произнесла она и покачала головой, – таких денег я отродясь в руках не держала. Поеду, накуплю подарков, в ресторан сходим. «Гуляй, рванина», вспомнила она Высоцкого и рассмеялась.

На следующий день, покупая билет на поезд, она долго колебалась и купила самый дешевый.

«Не все ли равно, где сидеть, в купейном или в общем, – решила Лиля, – что зря роскошествовать?!»

Перед отъездом она приготовила себе несколько бутербродов и запаслась полиэтиленовой бутылкой с чаем. Поэтому, как она посчитала, никакой необходимости пойти в вагон-ресторан у нее не возникнет.

Станция, на которой Лиля сошла, находилась в пятидесяти километрах от дома Александры Петровны. Лиля заглянула в несколько магазинов, но ничего не купила. Все, к чему она приценивалась, казалось ей слишком дорогим, и она решила, что лучше даст Сашеньке денег, и та сама купит себе все, что пожелает. Лиля подошла к такси, минутку поколебалась, затем сунула в таксофон карточку и набрала номер подруги.

– Я уже здесь, – скороговоркой, чтобы зря не использовать карточку, сообщила Лиля, – пришли за мной Свена. Я буду ждать его у кассы, где написано «информация».

Свен приехал на своем стареньком «форде» через сорок минут. Лиля сразу же отметила, что он пожилой, но крепкий, привыкший к физическому труду мужчины.

– Вот я и познакомилась с мужем моей лучшей подруги Сашеньки, – кокетливо произнесла она, – где ваша машина?

– Там, – махнул рукой Свен и взял ее сумку.

– Не надо, – всполошилась она, вырывая сумку у него из рук, – я сама могу.

– Как знаешь, – пробормотал он, смущенный ее агрессивностью, – я только хотел тебе помочь.

– Не надо, – сурово повторила она, следуя за ним к машине.

За время пути они не перекинулись не единым словом. Лиля сидела, нахохлившись, зажав сумку между ног. Подъехав к своему дому, Свен остановил машину, вынул ключ зажигания и вышел. Лиля,

подхватив сумку, бросилась следом. Несколько секунд она постояла в нерешительности, но, увидев на крыльце Александру Петровну, обрадовалась и быстро побежала к ней.

– Я так рада, так рада, – бормотала она, сдерживая слезы.

– Ты проходи, – растроганно сказала подруга, – я тебе твою комнату покажу. Может, хочешь душ с дороги принять? А потом пообедаем.

Приняв душ, Лиля вышла в кухню, где Александра Петровна и Свен уже ожидали ее.

На столе стояла свежая отварная картошка, куски жареного лосося, огурцы, помидоры и хлеб. Посреди стола красовалась бутылка сухого красного вина.

– Вот так и живем, – улыбнулась Александра Петровна, – все свое, как в России. У меня тут огород большой, да вот вместе со Свеном сетями рыбку ловим. Так что все свежее, диетическое.

Свен открыл бутылку и налил в хрустальные фужеры терпкое вино, искрящиеся при свете зажженных свечей.

– За встречу, – радостно произнесла Александра Петровна, – столько лет не виделись.

– За встречу, – поддержала ее Лиля и поднесла фужер к губам.

Больше никто ничего не сказал, и обед прошел в полном молчании.

«Как на поминках, – с тоской подумала Лиля, – может, я зря приехала? Столько денег напрасно истратила».

– Ну ладно, – произнес Свен, – я уже сыт, пойду к себе отдохну, а вы уж без меня поболтайте. Думаю, у вас найдется о чем поговорить.

Александра Петровна с благодарностью кивнула мужу головой, он медленно встал и вышел из кухни.

– Ты чего такая нахохленная? – удивилась Александра Петровна. – Что-нибудь случилось?

– Он у меня хотел сумку с деньгами вырвать, – сообщила шепотом Лиля, оглядываясь на дверь, за которой скрылся Свен.

– Кто? Свен? – удивилась Александра Петровна. – Да он скорее свое отдаст, чем чужое возьмет. Я человека честнее, чем он, в жизни не встречала. У тебя там целая сумка денег?

– Почему целая? – обеспокоилась Лиля. – Десять тысяч крон.

– Всего-то, – насмешливо поджала губы Александра Петровна, – я грешным делом подумала, что у тебя там миллион спрятан. Так уж ты в свою сумку вцепилась.

– Я хочу тебе денег за постой дать, – неуверенно начала Лиля, – только не знаю, сколько.

– Не нужно мне никаких денег, – спокойно возразила ей Александра Петровна, убирая тарелки со стола, – молодец, что приехала. Столько лет не виделись.

Лиля достала из сумки кошелек и задумалась. Наконец, решившись, она вынула тысячу-крановую купюру и с торжественным видом положила ее на стол. Александра Петровна взяла мокрую тряпку и ловко протерла клеенку, не задев при этом лежавших на ней денег.

– Ну ладно, не сердись, – заныла Лиля, – я сама не понимаю, что со мной происходит. Я из-за этих миллионов совсем покой потеряла.

– Была бедной, было плохо, стала богатой, тоже плохо, – рассмеялась Александра Петровна, – на тебя не угодишь. Пошли во двор, посидим, поболтаем.

Они вышли на веранду, сели в пластиковые кресла и долго рассказывали друг другу о своей жизни. Вспоминали общих знакомых, иногда всхлипывали, иногда смеялись.

– Ой, Сашенька, хорошо-то как, – счастливо сияя глазами, проговорила Лиля, – как давно я так не радовалась. Ведь у Ларша столько денег было. Ну хоть бы раз дал, чтобы я к тебе съездила, душу отвела. Ты только никому не рассказывай, что я теперь такая богатая.

– Раз ты теперь такая богатая, – улыбнулась Александра Петровна, – нашла бы себе стоящего мужика. Все вместе веселее жизнь коротать. А о твоих капиталах даже ему знать не обязательно.

– Где же взять мужика-то, – пожалла плечами Лиля, – приличный мужик на земле не валяется.

– Знаешь, – возразила ей подруга, – завтра к нам двое рабочих придут. Они бойлер ремонтировать будут. Оба холостые, постарше тебя на три-четыре года. Люди солидные, не бедные, самостоятельные. Давай, познакомлю, а там видно будет. Не понравятся, значит, закончат работу и уйдут. Невольно тебя никто не станет.

– Давай, – обрадовалась Лиля, – теперь-то я не от кого не завишу, вид на жительство, слава Богу, уже в кармане, а денежки в банке лежат.

Вечером за ужином Свен, по обыкновению, молчал, а Лиля болтала без умолку. Она рассказывала анекдоты, целую книгу, которых ей подарила Маша, и первая начинала хохотать, истерически всхлипывая и вытирая рукавом слезы.

– Странная она какая-то, – пожал плечами Свен, когда Лиля ушла в свою комнату.

– Досталось ей в жизни, – заступилась за подругу жена, – так нахлебалась, что на десятерых бы хватило.

– Я ничего не говорю, – не стал с ней спорить Свен, – просто странная, да и все. Ладно, Бог с ней, пошли спать. Завтра рабочие придут. Нам с тобой вставать рано.

Когда утром Лилия вышла на кухню, Александра Петровна уже хлопотала там.

– Доброе утро, – поприветствовала она Лилию, – рабочие отключили бойлер. Сейчас горячей воды нет, но я на газе кастрюлю воды вскипятила. Лицо, руки здесь на кухне ополосни, а когда они закончат, примешь душ.

– Они уже пришли? – с нескрываемым интересом спросила Лилия.

– Раз горячая вода отключена, значит, здесь.

– Ты им про меня сообщила? – с замиранием сердца спросила Лилия.

– А что я им должна была сказать? – удивилась Александра Петровна. – Что у меня в доме их ждет богатая невеста из России?

– При чем тут богатая? – насторожилась Лилия.

– Если хочешь, то могу сказать, что бедная, – пожал плечами Александра Петровна, – ладно, Лилия, не дури. Когда придут кофе пить, я тебя тоже приглашу. Посидишь, помотришь. За просмотр денег не берут. Ну а если какой-нибудь понравится, то мы его в гости на пирог пригласим.

– Ладно, – оттаяла Лилия, – считай, что уговорила.

Но когда рабочие пришли на кухню и сели за стол, Лилия знаками вызвала Александру Петровну в коридор и прошептала:

– Нет, не хочу! Я не сяду с вами.

– Как хочешь, – рассердилась Александра Петровна, – на нет, и суда нет.

Она поставила на стол четыре чашки с кофе для рабочих, себя и мужа. С раздражением оглянулась на закрытую дверь и села к ней спиной. Один рабочий, недавно купивший на большую сумму акции, сетовал на то, что надо было купить акции разных компаний, а не одной. Это было бы более надежно. Перебивая друг друга, они предлагали различные варианты выхода из этого положения. Вдруг дверь с грохотом открылась и в дверном проеме появилась Лилия.

– Я тебе говорила, зараза, – визгливо завопила она по-русски, – чтобы ты обо мне ничего никому не говорила? А здесь что происходит?

Все с удивлением уставились на неожиданно появившуюся разгневанную женщину.

– О тебе и разговора нет, – начала оправдываться Александра Петровна, – мы вообще об акциях говорим. При чем здесь ты?

– Врешь, врешь, – брызгая слюной и топая ногами, в ярости визжала Лилия, – я поняла: ты договорилась с этим долговязым козлом выудить мои денежки. Я хоть и не слишком понимаю по-шведски, но это-то я поняла. Ты меня поэтому и за стол вместе со всеми не посадила.

– Что ты мелешь, Лилия? Кому здесь нужны твои деньги? Пожалуйста, забери свою тысячу. Как-нибудь переберемся.

– Вот и подтверждение, что вы меня хотите ограбить, – тыкая указательным пальцем в лицо Александре Петровне, победоносно захохотала Лилия, – тебе не нужна тысяча, потому что они дадут тебе в сто раз больше. И не мечтайте! Не такая я дура! Вот вам мои денежки!

Она сложила два кукиша и стала тыкать ими в лица людей, сидящих за столом. Мужчины, не понимая русского языка, смущенно переглядывались между собой и вопросительно смотрели на хозяйку дома.

– Прекрати немедленно! – побледнев от возмущения, закричала она. – Как ты себя ведешь? Интеллигентная женщина с высшим образованием! Что ты себе позволяешь?

– Деньги, – как в бреду повторяла Лилия, – мои деньги. Мне на две жизни хватило бы, а ты со своими шведами... я вас насквозь вижу. Я знаю, что вы хотите.

Ее глаза сузились от ненависти, она рванулась к раковине, выхватила из нее нож и бросилась к Александре Петровне. Свен мгновенно подставил ногу, и Лилия грохнулась на пол, не выпуская нож из рук. Свен упал на нее сверху, стараясь схватить ее за руку, но она отчаянно вырывалась, выкрикивая проклятья и угрозы. Рабочие вскочили из-за стола и бросились на помощь Свену. Они отобрали у Лилии нож и, завернув ей руки за спину, крепко держали.

– Шура, принеси два длинных полотенца, – попросил Свен.

Александра Петровна открыла шкаф, достала два старых полотенца и протянула их мужу. Он связал Лиле руки и ноги.

– Вызови «скорую», – попросил он, – твоя подруга, видимо, сошла с ума.

Машина с врачом приехала через двадцать минут.

– Ее придется госпитализировать, – констатировал врач, выслушав, что произошло, и внимательно наблюдая за Лилей. Лежа на полу со связанными руками и ногами, она извивалась, стараясь укусить за ногу людей, стоящих поблизости.

– Привяжите ее ремнями к носилкам, – приказал он санитарам, – я сейчас ей сделаю успокаивающий укол.

Привязанная к носилкам, она еще немного подергалась и затихла.

– Несите ее в машину, – сказал врач.

– Моя сумка, отдайте мою сумку, – вдруг завывала Лиля, пытаясь освободиться от стягивающих ее ремней.

– Что она хочет? – спросил врач.

– Свою сумку, – пояснила Александра Петровна, – она мне говорила, что у нее там десять тысяч крон.

– Положите ее сумку рядом с ней на носилки, – попросил врач, – и пересчитайте деньги.

Александра Петровна вышла из кухни и вскоре вернулась с Лилиной сумкой. Она вынула из нее кошелек и пересчитала купюры.

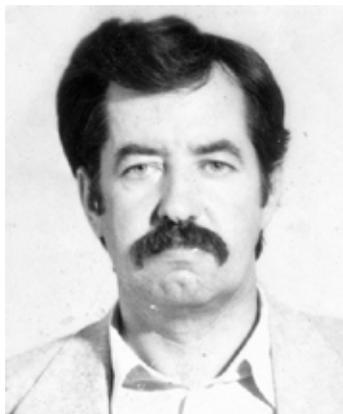
– Здесь только девять, – растерялся Свен, – может, она ошиблась?

– Нет, не ошиблась. Она же дала мне тысячу, когда приехала. Вон она лежит на полочке.

Александра Петровна подошла к полке, взяла банкноту, положила ее в кошелек, бросила его в сумку, застегнула ее на молнию и поставила на носилки рядом с Лилей. Санитары и рабочие молча подняли носилки и вышли из дома следом за врачом.

Иван ДУБ

Продолжение. Начало в №12(2014).

Сюрприз для Настеньки

Родители обсуждают мое поведение

Пораженный столь дивным Настенькиным перевоплощением, в замешательстве (с пустым ведром в руке) я спустился к озеру и вернулся домой, когда уже стемнело. Из окошка летней кухни уже струился неяркий мягкий свет; к этому часу, управившись по хозяйству, мы сидели ужинать. Я заглянул в окно. И в самом деле: отец с матерью сидели за столом, а бабушка, как всегда, цедила из поллитровки в гранчак свою темную жидкость – для аппетита...

Тут надо было поспешить: через минуту отец и себе нальет стопку самогона, а если я буду под рукой – не обделит и меня. Подстегиваемый такой постыдной мыслишкой, я решительно двинулся в темный коридор летней кухоньки, но, прежде чем попасть за стол, перед дверью притормозил: родители что-то говорили обо мне.

– ...совсем отбилась от рук, – вполголоса ворчал отец, чем-то гроыхнув по столу, – где это он сейчас болтается?

– Вроде к колодцу пошел, – заметила мама. – Видела, как он с ведром по двору пробежал...

– Пробежал? – удивился папаша.

– Ну да! – подтвердила мать. – Прямо пронесся. Чуть меня с ног не сбил...

– Всё бы ему бегать, – недовольным тоном продолжал отец, скорее всего берясь уже за стопку, – не пора ли остановиться?

– Да нет, – возразила глуховатая бабушка, – позавчерась помогал мне в огороде. Справный малый.

Подслушивать не хотелось, тем более что родители и не стали бы ничего скрывать от меня и, скорее всего, продолжат разговор при мне; я налег на дверную ручку и ввалился в комнату. Никто, конечно, ко мне даже не обернулся.

– Наконец-то, – сказала мать, ставя на стол еще одну тарелку, – а я-то, грешным делом, подумала, что ты уже на танцы подался. Сегодня суббота никак...

Как бы там ни было, папаша достал из шкафчика второй гранчак. Это означало, что он выпьет со мной на равных, но проработает после ужина по полной программе.

Ужинали, как всегда, молча, лишь из радиоточки (телевизора в то время у нас не было) раздавался обычный треск, затем два-три внятных слова. Отец наконец отставил пустую кружку, из которой пил чай, заваренный из вишневых веток, внимательно посмотрел на меня и задал вопрос:

– Так с чего это, сынок, зачистил ты к Тамаре? Достойную, вижу, невесту себе выбрал...

От неожиданности я едва с табурета не свалился. Вот так-так! И откуда у него такие сведения? Приостановившись на полдороге с пустыми тарелками в руках и мать: ее, видать, тоже поразила эта новость. Но отец не стал дожидаться конкретного ответа. Из крепчайшего самосада он свернул грубую сигарку, тут же, за столом, закурил, продолжил:

– Трахаться, вишь ли, ему уже хочется...

Мать, скорее всего, впервые в жизни услышала такое слово, так как (всё еще с тарелками в руках) решила уточнить:

– Трахаться... Как это, Георге?

Отец, однако, предпочел не вдаваться в подробный анализ нового для матери понятия. Потрогав свой шероховатый подбородок (он брился раз в неделю, по субботам, перед баней), встал из-за стола:

– Топили сегодня у баде Николая?

– А как же, – поспешно ответила мать. – Я ведь сноп подсолнечных стеблей отнесла...

После такого известия родитель, кажется, пришел в хорошее расположение духа. Он прошелся по нашей маленькой кухоньке, принимая какое-то решение. И вот определился.

– Хватит, наверное, мать, нашему сынку на танцы бегать. Я думаю, придется ему продолжить учебу. Не век же с тобой на «норму» ходить. Пусть идет в сельскохозяйственный техникум!

Мать всплеснула руками, словно ее постигло невесть какое горе, однако улыбнулась:

– Ну что ж: учиться так учиться! Глядишь, со временем хорошим агрономом станет...

– И с Педро перестань водиться, – хмуро посоветовал отец.

Таким образом и решилась моя дальнейшая участь.

У Настенькиной кровати

Настенька не выходила у меня из головы. Махал ли я тяпкой на «норме», смотрел ли по выходным дням на поплавок, ее удивленное задумчивое личико неизменно маячило у меня перед глазами. Впрочем, конкретных черт я не видел: Настенька возникала передо мной как призрачное видение, как марево над полем в жаркий день, может, даже как отдаленный шепот или как волнующий запах, который вдруг появился – обдал, и вот его уже нет: растаял, растворился в воздухе...

Настенька являлась мне в светлые утренние часы и в вечерние сумерки. Не однажды мою иллюзорную девочку вспугивала мать, возвращавшая меня из заоблачной выси к повседневной реальности: накорми свинью! Дай курам пшена! Наноси из колодца воды! На неожиданный оклик матери я вздрагивал, исполнял то, что мне вменяли, и снова отстранялся от мира сего. Мать пожимала плечами, но в силу своей врожденной тактичности ни о чем не спрашивала...

В воскресенье, возвращаясь поздним вечером из клуба, я вдруг почувствовал острое желание увидеть Настеньку. Прямо сейчас! Немедленно! Может быть, в связи с тем, что только что закончился индийский кинофильм, в котором любили и страдали, пели и мирились и, наконец, бедная, но симпатичная девушка нашла свое счастье... Может быть! Так или иначе, я полностью, как говорится, потерял покой...

Не в состоянии бороться с собой, я брел, сам не зная куда, пока ноги не привели меня к Настенькиному дому. За оградой было темно и тихо, лишь приветливо взвизгивала собака, которая знала меня и не залаяла. Медленно взошла луна и осветила угол Настенькиной комнаты на веранде (уж я-то знал, где она спит!). С замирающим от волнения сердцем я приник к щели в заборе. Нигде ни звука, в окнах – темно. Приглядевшись внимательнее, я увидел, что Настенькино оконце приоткрыто – вечер был душным...

И я решился. Перемахнув через забор, на всякий случай погладил Шарика, который дружелюбно вильнул хвостом, еще раз огляделся и забрался на веранду; как раз над ней манило, звало и притягивало полуоткрытое Настенькино оконце. Очутившись на веранде, я снова прислушался. Какая удивительно тихая ночь! А луна! Большая, желтовато-оранжевая, она уже полностью заливала двор...

Не задумываясь о последствиях, я тихо отодвинул занавеску и шагнул в окно...

Выбравшись от духоты из-под простыни, в одних трусиках она лежала на узкой кровати, закинув тонкую руку за голову. Луна освещала ее бледное личико – спокойное, ясное, умиротворенное. Тихо вздымалась и опускалась небольшая, ещё не развившаяся девичья грудь. Тонкая талия, узкие, но крепкие бедра...

Утопая в лунном свете, комната выглядела сказочной, хрустально-прозрачной... Поискав глазами, я увидел низенький табурет. Бесшумно пододвинул его к кровати, уселся напротив и снова уставился на ненаглядное лицо: в любую минуту она могла проснуться, может, даже испугалась бы, подняла крик, но уходить не хотелось...

Вдруг Настенька потянулась, открыла глаза и долгим ясным взглядом посмотрела мне прямо в переносицу. Да так пристально, что сердце у меня зашло. Показалось, она заглянула мне в самую душу, до того пронзительным и сосредоточенным был этот взгляд. Я хотел уже было заговорить с ней (поздороваться, что ли?), но Настенька ласково улыбнулась, веки у нее сомкнулись и она (с той же светлой улыбкой) повернулась на другой бок...

Видела Настенька меня или нет? Впрочем, это не так важно! И если ей завтра что-нибудь вспомнится, пусть она подумает, что я ей приснился. Мне очень хотелось, чтобы Настеньке показалось, что я ей являлся во сне!

Пашка вернулся

Пользуясь отсутствием Пашки, в течение почти трех недель мы с Глафирой встречались на сеновале. И без того короткие летние ночи пролетали мгновенно. Не выспавшиеся, уставшие от своей тайной любви, тем не менее днем, как ни в чем не бывало, мы занимались своими повседневными делами.

Чтобы не вызывать подозрений, на «наряде» мы с Глафирой делали вид, что мало интересуемся друг другом. Всё, как всегда, всё, как обычно. Легкой улыбкой, кивком головы Глафира приветствовала меня, я отвечал ей так же сдержанно. Мы могли перекинуться парой незначительных слов. Даже когда нам случайно доводилось остаться наедине, мы старались как можно быстрее разойтись в разные стороны, чтобы, не дай бог, нас не заподозрили в чем-нибудь преступном...

Тем не менее между нами существовала некая невидимая, невесть кем установленная, неуловимая связь. Однако всё хорошее когда-нибудь заканчивается.

Пашка появился внезапно. На следующее утро я повстречал их вместе: ненаглядный муж вернулся из

санатория. Несмотря на трехнедельный отдых, Пашка по-прежнему выглядел мрачным и озабоченным.

Увидев меня, Глафира и глазом не моргнула. Как и всем встречным, кивнула, улыбнулась. Всё, как говорится, в рамках приличия. Пашка же оценивающе поглядел на меня, выпятил нижнюю губу и на правах старшего снисходительно бросил:

– Ну привет, орел!

Я не стал возражать: орел, так орел! Скорее всего, это даже по существу!

– Как живешь-можешь? – высокомерно продолжал Пашка, подавая мне руку и закуривая.

– Живу и могу! – дерзко отвечал я, пожимая его шершавую ладонь. – А ты?

Пашка с удивлением уставился на меня: какой, мол, комар укусил тебя с утра? Глафира тоже опешила: слово за слово и можно проговориться! Но я взял себя в руки, тоже закурил и миролюбиво поинтересовался:

– Как, вообще, отдыхалось? Кормили хорошо?

При воспоминании о том, как его кормили, Пашка несколько взбодрился: пожевал губами, довольно ухмыльнулся:

– Как на убой!

Искоса глянув на супруга, Глафира взяла его под руку. Улучив момент, обернулась в мою сторону, поморщилась: что поделаешь, мол? Такая уж, выходит, моя женская доля... Меня, однако, обуюло какое-то непреодолимое желание чем-нибудь поддеть Пашку, уколоть:

– И когда же в следующий раз на курорт?

Не находя в моем вопросе никакого подвоха, тракторист неопределенно пожал плечами: не от меня зависит, значит. Когда предложат, тогда и махну.

– Поедет, поедет, – успокоила меня Глафира. – Во всяком случае, ты первым об этом узнаешь.

Не усмотрев в словах жены ни малейшего намека на наши с ней отношения, Пашка важно кивнул: да, мол. Если мне, знатному механизатору, колхоз снова выделит путевку, не откажусь...

На том и расстались.

Большой сельский праздник

Раз в год в селе проходил большой полурелигиозный праздник, который назывался «храмом». В этот день почти все население собиралось на обычно безлюдной, просторной площади в центре села – разнаряженное, бодро настроенное, доброжелательное, веселое, боевое... С самого утра приходил «духовой» оркестр, который состоял из трубы, скрипки и барабана, и праздник начинался. Молодежь танцевала, люди постарше со стороны любовались вальсирующими парами (своими детьми, внуками), пожилые сидели на принесенных с собой стульчиках, лузгали семечки, обменивались впечатлениями. По большому же счету раз в году негласно устраивался некий смотр, на котором молодежь демонстрировала свои лучшие качества, а остальные критически оценивали – кто как выглядит и на что способен. На празднике села – «храме» – нельзя было опростоволоситься.

Я до блеска начистил свои выходные туфли, облачился в новенькую рубашку. Затем, тайком от паши, соскреб с подбородка легкий пушок его солдатской бритвой. Еще раз умылся. Собираясь в центр села, родители с одобрением посматривали в мою сторону: правильно, мол, поступаешь, если показывать себя людям, так уж с хорошей стороны!

Я пришел на площадь, когда веселье было в полном разгаре. К музыкантам прибился Педро, который откуда-то притащил ободранную гитару и теперь делал вид, что умеет играть; он невпопад (даже издали было видно) стучал по струнам и шевелил губами. Рядом с ним Василий Мойдодыр иронически усмехался. Впрочем, на Педро никто не обращал внимания: хочешь, мол, веселиться, – веселись! Но другим не мешай!

В сторонке стояла Мила-практикантка, которая в селе мало кого знала, но, услышав звуки трубы, видимо, не смогла удержаться, чтобы не поглазеть. Вскоре к ней подошли несколько сельских парней. Заговорили. Каждому из них Мила обворожительно улыбнулась. Ее тут же потащили в танец и после этого уже не отпускали – Мила была нарасхват...

В какой именно момент появилась Глафира, я не заметил, однако, вдруг почувствовав на себе чей-то долгий, пристальный взгляд, понял, что она тут. И действительно: звеньевая стояла под ручку со своим Пашкой чуть поодаль музыкантов и пронизывала меня глазами. Уловив мой взгляд, Глафира снисходительно (еле заметно, конечно) кивнула в сторону супруга: ничего не поделаешь, мол, приходится ходить под ручку!

Мила тем временем без устали кружилась в вальсах, лихо перепрыгивая от одного кавалера к другому. В сторонке стояли и мои родители, с некоторым интересом (а может, удивлением) присматриваясь к нашей квартирантке. Неподалеку, в праздничных одеждах, смеясь и щелкая семечки, располагалась на скамеечке Тамара-почтальонша.

И тут я увидел Настеньку. Она сиротливо (скорее, пугливо) прислонилась к деревянному столбу, поддерживавшему радиопровода, и, казалось, хотела спрятаться за ним. Настенька нарядилась в розовое платьице и блестящие туфельки на высоком каблуке, и это говорило о том, что ей хотелось бы потанцевать. Но на нее, четырнадцатилетнюю девчущку, никто не обращал внимания. И вдруг я понял, что судьба дает мне шанс: если не сейчас, то никогда! Быстрее, быстрее, чтобы не опередил кто-нибудь другой!

Ничего не видя, кроме розового пятна перед собой, никого не стесняясь, я рванул к Настеньке. Она будто ждала меня. Более того. Она была благодарна мне за то, что я выручил ее в щекотливой ситуации. Просто, словно делала это в сотый раз, Настенька положила мне руку на плечо и бесстрашно ступила на танцевальную площадку. Еще никто не танцевал – мы были первыми.

Как только мы очутились в центре утрамбованной ногами площадки, все взоры устремились на нас, и я понял, что не зря: как я уже говорил, в свои шестнадцать я был высоким, рослым, плечистым. Настенька же вдруг превратилась в розовое облачко, от которого невозможно было оторвать глаз: гибкая, тонкая, воздушная. Видимо, мы дополняли друг друга и произвели на земляков неизгладимое впечатление. Однако нам было не до них: мы были поглощены друг другом и вдохновенно вальсировали до тех пор, пока не утихла музыка. И, как оказалось, от начала до конца танца оставались вдвоем – остальные собравшиеся зачарованно смотрели...

Педро раскрывает секрет

– Значит, не обессудь, – говорила во дворе кому-то мать своим тихим, доброжелательным голосом.

– Чем богаты, тем и рады, – увещевал отец, впрочем, вполне равнодушно, скорее, по привычке хлебосольного хозяина.

Я выглянул в окошко летней кухни, где поспешно допивал чай. Посреди двора с чемоданчиком в руках стояла практикантка Мила и озиралась по сторонам. Увидев меня, в первую минуту она (что было ей несвойственно) несколько смутилась, но тотчас оправилась, независимо повела плечом, усмехнулась и сделала мне ручкой: будь здоров, мол, не кашляй! Но почудилось мне, что между нами осталось что-то недосказанное, может быть, не востребовавшее...

Вечером я встретил Педро с Мойдодыром. В последнее время они вроде сдружились. Педро несколько охладил ко мне, так как я перестал принимать участие в его антиобщественных мероприятиях.

– Ну что? – как-то недобро усмехаясь, поинтересовался Педро. – Уехала практикантка? Ту-ту, значит?

– Сегодня утром, – подтвердил я. – Пора и честь знать!

– И как? – допытывался Педро, кажется, очень страдая от неизвестности.

– Что «как»?

Педро переглянулся с Мойдодыром, словно и тот был посвящен в некую тайну. Мойдодыр ослабилась.

– Ну... чего дурнем прикидываешься? Поделись, как она в постели? Лучше наших, деревенских?

Я молчал, не зная, что ответить. Кажется, они подозревали меня в интимной связи с практиканткой.

– Нам, например, очень понравилось, – подал голос Мойдодыр. – Жаль, что козочка так быстро ускакала.

И тут я вспомнил, что именно на рассвете практикантка уст-раивала омовение тела и массаж груди), будто только что откуда-то вернулась. Откуда же? Я не придавал тому никакого значения.

Но эти двое были из того разряда людей, которые могли сочинить что угодно. А что если они наговаривают на девушку, выставляя себя эдакими донжуанами, неотразимыми покорителями женских сердец?! Попробуй тут, разберись.

– Слаба, слаба на передок твоя практикантка! – пользуясь моим замешательством, продолжал Педро. – Хочешь не хочешь, а полезешь... Мне лично ни разу не отказала...

– И мне! – гнусенько хихикнул Мойдодыр.

Я не мог защитить Милу и в то же время не хотел очернять ее. Мне ничего не стоило сделать из себя героя-любовника, но, чтобы прекратить этот никчемный треп, я решительно отрубил:

– У меня с ней ничего не было!

Заговорщики недоверчиво переглянулись.

– Как? Целый месяц терлись бок о бок и...

Видимо, они ожидали от меня других признаний. А я был рад тому, что не проговорился; незачем

кому-то знать, сколько у Милы лифчиков и какая у нее грудь... Тем более таким недоумкам, как Педро с Мойдодыром!

Техникум

Учиться так учиться!

По правде говоря, мне и самому осточертела однообразная сельская жизнь: то на «норму» иди, то свиней корми, то пропалывай огород... Конечно, учиться – не рыбку удить, но мне казалось, что в техникуме будет веселее.

Восемь классов я окончил так себе. Отстающим не был, но и в передовики не выбрался. Любил историю и литературу, но с большим удовольствием ходил на уроки физкультуры. Вот тут-то меня никто переплюнуть не мог: я и прыгал, и бегал, и в волейбол играл, и в настольный теннис, и штангу толкал – около восьмидесяти килограммов, что не каждому взрослому было по плечу. Поступая в техникум, я рассчитывал отличиться именно на спортивном поприще.

Сельскохозяйственный техникум располагался в районном центре, километрах в двадцати от нашего села, тем не менее мне предоставили место в общежитии, в котором я стал квартировать в комнате с тремя учащимися. Двое из них были постарше, уже на последнем курсе, третий – новичок, как и я, только что поступил. Звали его Андрей Мунтяну, но с первых же дней закрепилось за ним уважительное Андреич. Видимо, потому, что физически был он крупным парнем, не по годам рассудительным, всегда делился с остальными всем, что привозил из дому...

Находя в Андреиче родственную душу, я постепенно с ним сблизился. Оказалось, у нас много общего. Как и я, Андреич два года проработал в колхозе, в овощеводческой бригаде. Мы оба любили книги, занимались спортом и договорились во что бы то ни стало хорошо учиться...

Подъем и отбой, четкое расписание занятий, кружки по инте-ресам и спортзал – в принципе, мне нравилось в техникуме. Порядок, дисциплина, контроль. А тут еще прошли слухи о том, что вскоре наш курс отправится на уборку винограда...

Я постепенно втягивался в учебный процесс. За месяц пребывания в техникуме записался в библиотеку, стал посещать районный Дом культуры, где иногда слушал лекции о международном положении, по вечерам репетировал роль в кружке художественной самодеятельности, научился играть в шахматы. Попросту – времени зря не терял!

Вскоре на мои старания обратили внимание. Собственно, мы с Андреичем выделялись из нашего курса. Но старались не высовываться.

Поначалу было нелегко. Приходилось многое наверстывать, ведь в школе я частенько отлынивал от учебы, запустил иностранный язык, химию, физику и математику. Если в деревне порой я не знал, куда себя деть, то тут постоянно не хватало времени.

Эта странная Катюша Пэпушой

Как-то раз после занятий ко мне подошла Катюша Пэпушой – невысокая темноволосая девчушка с нашего курса, которая неожиданно протянула руку и без колебаний предложила:

– Давай дружить!

С минуту осмысливая это по-детски наивное предложение, я смотрел в ее открытое лицо, не зная, как быть, но руку Катюше пожал:

– Как... дружить?

– Ты, что, никогда ни с кем не дружил? – удивилась девушка, подозрительно приглядываясь ко мне.

– Почему же... – промямлил я. – В третьем или четвертом классе...

– Ну вот, – облегченно двинулась дальше Катюша. – Значит, опыт имеешь. Дружить – это всегда быть вместе. Выручать, если товарищ попал в беду. Помогать друг другу... Ну, согласен?

Мне ничего не оставалось, как только кивнуть. На самом же деле мой неопределенный кивок означал следующее: что поделаешь, мол? Не станешь ведь отнекиваться. Но Катюша истолковала мой жест по-своему: ну, вот. Со мной не пропадешь!

Была она, как я уже сказал, невысокой, плотненькой, с хорошо сформированной грудью. И личико у нее было кругленькое, и ножки полненькие. Катюша напоминала чем-то Глафиру. С той минуты моя независимость растворилась, как бы тут точнее выразиться, в Катюшином интеллекте. Девушка оказалась бойкой и любознательной. У нее всегда имелось множество прожектов, например, обклеить обоями свою комнату в общежитии, разбить под окном цветочную клумбу, покрасить входную дверь и т.д. и т.п. Мне

всегда надо было быть начеку, чтобы не проворонить тот исторический момент, когда следовало броситься на помощь. Что же касалось более близких отношений, то Катюша начисто их игнорировала. По ее представлениям наша дружба заключалась именно в том, чтобы выручить товарища (то есть Катюшу), если возникли какие-либо затруднения.

Вскоре дошло до того, что мне довелось сопровождать Катюшу в многочисленных ее походах: с какими-то коробками к тетке, которая проживала на другом конце райцентра, на рынок, откуда надо было доставить пять-шесть килограммов картошки, за какой-нибудь посылкой на автовокзал. Несмотря на такую однобокую дружбу, я чувствовал, что влюбляюсь в нее. Мне хотелось более близких отношений... Однако Катюша держала меня на расстоянии.

В техникуме, меж тем, привыкли к тому, что мы неизменно вдвоем: Катюша впереди, с гордо поднятой головой, належке, я – в шаге позади с ее пакетами или книжками. Впрочем, никому до нас не было дела, один лишь Андреич болезненно реагировал на мое добровольное рабство. Не раз, вечерами, внимательно разглядывая меня, запускал руку в шевелюру и неопределенно ворчал:

– Ну-ну!

Что означало это «ну-ну!», я не понимал. Конечно же, я не настолько был угнетаем Катюшей, чтобы меня жалеть. В какой-то степени мне даже нравилось быть у нее на побегушках. И, видимо, Андреич не столько переживал за мою участь, сколько удивлялся тому, что происходит. А может, и сам хотел попасть в зависимость от какой-нибудь разбитной девчонки...

Ну-ну!

На уборке винограда

Настало время отправляться на уборку винограда. Образовался небольшой перерыв в учебе, и мы, учащиеся техникума, в основном деревенские ребята, были нескончаемо рады тому, что вновь окунемся в знакомую трудовую среду, отвлечемся от книги, хотя и не так уж много прозанимались – около месяца...

Обычая суэта, предвещающая поездку: беготня по коридорам, радостные восклицания, смех; только мы с Андреичем выглядим невозмутимо, словно предстоящие перемены нас не касаются. Но это только внешне, на самом деле за этим прячется заманчивое желание немедленно сорваться с места и первыми помчаться на трудовой подвиг. Впрочем, едем мы не на край света, а всего лишь в соседний колхоз, в пятнадцати километрах от райцентра.

Катюша Пэпушой суетится не меньше остальных. Уже два раза подбегала ко мне с различными просьбами. Андреич снисходительно поглядывал в нашу сторону и, как всегда, усмехался: ну-ну!

Не буду долго рассказывать о наших сборах и недолгом путешествии. Хочу сказать лишь о том, что в колхозе нам обрадовались, а председатель даже персонально пожал каждому учащемуся руку. С первой же минуты мы с Андреичем очень ему понравились, пользуясь чем, выбрали для себя комнату на двоих в каком-то длинном сарае. (Остальные разместились по пять-шесть человек в комнате). У нас, кроме того, имелся портативный радиоприемник, который «ловил» две или три волны.

Катюша явилась в наши апартаменты, едва мы распаковали чемоданы. Ее миловидное личико было озабочено. Не обращая внимания на Андреича, который недовольно засопел, девушка кивнула в сторону двери: выйди, мол. Поговорить надо! Повинуясь законам товарищества, я двинулся вслед за ней к выходу. На новом месте Катюша нуждалась в экстренной помощи.

– Поможешь нам с девочками перебраться в угловую комнату? – бросила на бегу моя подруга.

– В угловую? – удивился я. – Зачем?

– Из угловой открывается красивый вид на лес, – доверительно сообщила девушка. – И озеро ближе. Если надо будет постирать – в двух шагах...

– Да... но... – нерешительно запротестовал я, – это ведь и завтра можно сделать...

Катюша приостановилась. Строго глянула мне в глаза; мне стало ясно, что я не в курсе событий.

– Завтра будет поздно: третьекурсницы приезжают. Не думай, что они такие дурры, чтобы не заметить угловую, из которой так близко к озеру...

Я вздохнул, и мы пошли занимать столь важную для нормальной девичьей жизни угловую комнату.

Когда я вернулся (уже рассовав по углам наши нехитрые пожитки), Андреич лежал на деревянных нарах, которые служили кроватями, жевывал какую-то травинку и глубокомысленно глядел в потолок.

– Ну вот, устроились, – бодро констатировал он. – Неплохая нам комната досталась...

– А что? – насторожился я.

– Да ничего. Завтра, говорят, третьекурсники приезжают. Если бы не мы, им бы досталась...

– Мы устраиваемся (я имел в виду и Катюшу), будто нам придется задержаться тут на всю оставшуюся жизнь.

Андреич неопределенно пожал плечами.

И всё же завтрашний приезд третьекурсников, как вы убедитесь, вскоре направит размеренное течение моей жизни в неожиданно бурный любовный водоворот.

Неожиданная встреча

С самого начала уборки винограда я оказался в паре, конечно же, с Катюшей Пэпушой. Мы дополняли друг друга. Катюша не спеша обрывала кусты, а я затем с двумя полными ведрами тащился к грузовику, чтобы высыпать виноград в железный кузов. Мне нравилось оставаться наедине с Катюшей. Ее милостивое личико, уже загоревшие, открытые до предплечий руки, ласковая улыбка, меткое словцо-другое, сказанное тихим грудным голосом, – всё больше пленяли меня. Катюша же была непреклонна: дружба, и ничего больше!

В обеденный перерыв раздался чей-то возглас:

– Третьекурсники приехали!

И в самом деле: со стороны правления колхоза, растянувшись на полкилометра, в нашу сторону двигалась разрозненная толпа. Слышался приближающийся смех, возбужденные голоса, кто-то тренькал на гитаре. Как только третьекурсники начали разбредаться по винограднику, я ощутил на себе чей-то требовательный взгляд. Поневоле обернулся и вздрогнул:

– Мила! – непроизвольно вскрикнул я.

– Привет! – снисходительно сказала бывшая практикантка. – Трудисься?

Катюша выглянула из-за виноградного куста и с подозрением уставилась на незнакомку.

– Да уж приходится! – всё еще не веря своим глазам, пробормотал я. – А ты? Откуда свалилась?

Спеша за своими однокурсниками, Мила тряхнула короткими волосами (какой знакомый жест!):

– Ладно. Потом поговорим.

Третьекурсники стали убирать соседнюю делянку, напротив нашей, и я видел, как Мила стащила с себя майку (опять до мелочей изученное движение!) и осталась в купальном лифчике, который я тоже знал до последней застежки. Я хотел беззаботно продолжить заниматься своим делом, но не тут-то было: шея моя постоянно поворачивала голову в сторону соседней делянки. Катюша давно уже с тревогой поглядывала на меня, наконец не выдержала:

– Ты чего, мой друг, пялишься на эту старую фифу? Понравилась, что ли?

Со дня нашего знакомства я впервые видел её расстроенной и какой-то растерянной.

Я вкратце рассказал ей о том, как и где познакомился с Милой. Однако мой рассказ Катюшу не удовлетворил, она вдруг поджала нижнюю губу и надулась. Некоторое время мы работали молча.

– И ты... – нерешительно начала она.

– И я... Что я?

– Целовался с нею? – краснея, прошептала Катюша.

С минуту я молчал, пораженный в самое сердце: Катюша ревновала! Затем расхохотался так, что даже с соседнего участка стали на нас оглядываться.

– Ничего другого тебе не могло прийти в голову?!

После моего негодующего возгласа Катюша повеселела и энергичнее заработала.

Таким образом зерно назревавшего конфликта, которое могло произрасти на почве нашей дружбы, лишившись необходимой подкормки, рассыпалось в прах. До вечера мы с Катюшей, словно только что встретившись после долгой разлуки, и смеялись, и шутили, и резвились, как дети.

Катюша сердится

Как только на улице темнело, кто-то из третьекурсников врубал маг, и начинались «скачки»...

В один из вечеров, привстав с нар, на которых задремал после работы, Андреич зевнул и от нечего делать предложил:

– Ну, что? Пойдем, поскачем?

Да куда уж денешься! – не возражал я. – Единственное развлечение, которое мы можем себе позволить...

Подпирая электрический столб, на котором еле угадывалась тусклая лампочка, у «танцплощадки» уже стояли несколько третьекурсников, среди которых выделялась Мила. Она была как будто возбуж-

дена: громко смеялась, кому-то строила «рожки», вообще, вела себя развязанно. Увидев меня, Мила замахала обеими руками. Я сдержанно помахал ей в ответ.

Катюша явилась, когда танцы были в самом разгаре. Была она в белой кофточке и короткой легкой юбочке: свеженькая, ладненькая, красивая. Дождавшись начала вальса, я подошел к ней, скромно стоявшей в сторонке, и тронул за руку. Катюша строго посмотрела на меня, но отказать не решилась.

Как только начался новый танец, ко мне подскочила Мила и, дернув за рукав, потащила в круг. Быстро танцевать я не очень-то умел, но в полутьме мои неуклюжие па вполне могли сойти за оригинальные телодвижения, так что стесняться было нечего, и я смело затопал ногами.

– Что это за пигалица возле тебя ошивается? – наклоняясь ко мне, поинтересовалась Мила.

Я принял: от нее тянуло запахом свежего вина.

– Почему же пигалица? Девушка как девушка. Мы с ней дружим...

– Дружите? – изумилась Мила, то отстраняясь, то приближаясь ко мне. – Это как же понимать? Детский сад вспомнили, что ли?

Не найдя, что ответить, я промолчал.

Следующим был медленный танец, и Мила вновь была тут как тут. Не обращая внимания на окружающих, она бесстыдно прижималась ко мне. Катюша, расстроенная, стояла в сторонке.

Чтобы больше не танцевать с Милой, я отошел покурить, затем вернулся к Катюше. Та робко улыбнулась, с благодарностью посмотрела мне в глаза. Не дожидаясь приглашения, положила руку на плечо, и мы, не говоря друг другу ни слова, первыми начали новый танец – как будто специально для нас в тихом ночном воздухе зазвучал вальс...

На сегодня это был последний танец. Было тепло и тихо. Лишь неподалеку трещали не то сверчки, не то цикады. Мы с Катюшей возвращались к своему бараку. Вдруг она останавливается, словно приняв какое-то решение, берет меня за руку, заглядывает в глаза и шепчет своими красивыми девичьими губами:

– Ну вот. Опять мы вместе. И ты... если хочешь... можешь поцеловать меня...

Андреич советует

За последние несколько часов Андреич, видимо, не спускал с меня пристального взгляда, так как, едва я появился в комнате, подступился ко мне с допросом:

– Чего это Милка сегодня так выламывался? Прямо из кожи лезла вон!

– Как... лезет? – поразился я.

– Специально! – громыхнул Андреич. – Что я не вижу?! Специально для того, чтобы Катюша страдала. А может...

– Что «может»?

– Что может, что может?! Да так оно и есть! – постановил Андреич. – И как это я раньше не догадался?!

Мы умолкли. Внимательно посмотрели друг на друга. Стали расстилать постели. Я ожидал продолжения разговора.

– Придется, дружище, называть вещи своими именами, – решительно сказал Андреич, снимая брюки.

– Подозреваю я, что Мила не прочь побыть с тобой...

Мне пришлось запустить пятерню в свои патлы, чтобы почесать затылок:

– Как «побыть»?

– Да ты, я погляжу, совсем теленок! – усмехнулся товарищ. – Как женщине с мужчиной... Или как бабе с мужиком... Как тебе больше нравится?

По правде говоря, такая версия мне и в голову не приходила. Я стоял посреди комнаты (одной ногой в штанине) и, как невинная девушка, беспомощно хлопал ресницами. Андреич же был строг и беспощаден. Скорее, даже не так; в его благих намерениях сквозила врожденная мужицкая хватка: дают – бери!

– Короче, на завтрашний вечер я освобождаю комнату, – развивал свои планы Андреич, – а тебе остается лишь затащить сюда Милу... Ну а дальше... по обстоятельствам...

Я в смятении молчал, не веря тому, что всё может произойти так просто. Однако мой друг оставался непреклонным:

– Бери быка за рога, пока не поздно! Упустишь момент – вряд ли наверстаешь! Случай, уверяю тебя, беспрецедентный...

– Ну а ты-то куда? – только и смог промямлить я. – Где ночевать-то будешь?

Андреич посмотрел на меня так, словно я с луны свалился.

– И вот еще что! Прихвати на всякий случай бутылочку «молодого» вина – оно еще не созрело, хорошо в голову бьет! – продолжал наставлять он. – В это время его в каждом дворе можно купить... Так что, действуй! Куй железо, пока горячо!

Через минуту Андреич уже сладко посапывал. Я же, придавленный к матрацу внезапно свалившимися на голову заботами, еще долго смотрел в потолок, прикидывая, с какой стороны взяться за дело...

В окна барака с любопытством заглядывали звезды: мелкие и крупные. Иные из них даже иронически подмигивали мне, имея в виду, наверное, то, что ничего у меня не выгорит. Более того. Плюнет мне Мила в лицо и, скорее всего, правильно сделает. Да за кого я ее принимаю в самом-то деле?! И вообще: позора не оберешься, если ей вдруг вздумается растрезвонить, что я ее домогался. Однако любопытство переполняло меня. Я был обязан разобраться в том, что представляет собой Мила и какую роль я играю в ее жизни. Оставалось лишь положиться на Бога, на счастливый случай и удачное стечение обстоятельств... А в окна уже заглядывал рассвет, так что я прозевал ту минуту, когда можно было рассчитывать на старую народную присказку: утро вечера мудренее...

С Милой наедине

Милу не пришлось долго уговаривать. Как только я намекнул на стаканчик «молодого» вина, она заинтересованно подняла бровь, усмехнулась и твердо пообещала:

– Вечером обязательно приду. Жди!

День тянулся нескончаемо долго. Как только стемнело, Андреич ободряюще подмигнул мне: смотри, мол, не оплошай! Сунул в карман пачку сигарет – и был таков! Я остался один со своими сомнениями, бутылкой вина и неясным душевным томлением, предшествуемым неожиданным событиям...

Мила появилась внезапно: свежая, румяная, привлекательная. Похоже, девушка тоже готовилась к встрече – подкрасила губки, вместо грубых джинсов надела легкую короткую юбку. Мне показалось, что она слегка волнуется. Но Мила умела скрывать свои эмоции.

– Ну, принимай гостей! – едва прикрыв за собой дверь, громко сказала она. – Чем угощать будешь?

Я быстро достал из-под стола бутылку с вином, водрузил ее на стол. Мила несколько секунд всматривалась в меня, затем присела.

– Да ты, я вижу, шустрый! – заметила она. – Что ж ты раньше-то не поспешал?

Я не понял, к чему относятся ее последние слова, но вскоре всё разъяснилось.

Мы выпили по полстакана вина. Недозревший напиток здорово бьет по голове. Даже я, будучи на «ты» с самогоном, сразу захмелел. Мила же повеселела еще больше.

– Можно задать один нескромный вопрос? – глянув мне прямо в глаза, вдруг спросила она.

Несколько удивленный, я кивнул: согласен, мол, на всё!

– Я до сих пор не могу успокоиться, – продолжала Мила. – Скажи-ка, Ванюша, поглядывал ли ты в мою сторону, ну... в те утренние часы, когда я занималась водными процедурами?

С тех пор прошло немало времени, не грех и признаться:

– Очень даже подглядывал.

– Я так и знала.

Мила повертела в руках пустой стакан, который я немедленно наполнил:

– И как?

– Глаз не мог оторвать, – говорил я чистую правду. – Всю жизнь бы глядел!

– А чего же ты не пришел ко мне в пристройку?

– Но ведь ты...

– Что «я»?

– Хотела пожаловаться родителям...

Мила пригубила вино, усмехнулась:

– Глупенький. Не разобрался ты в простой женской уловке, так сказать, хитрости. Если б я хотела пожаловаться, я бы тебя и спрашивать не стала.

Мила меж тем допила, продолжила:

– А я ведь в те дни, кажется, даже любила тебя, Ванюша. Вот и решила подобраться поближе. А ты... Эх ты!

Видимо, я выглядел растерянным, девушка вдруг усмехнулась, села поближе ко мне и запустила горячую руку в мою шевелюру:

– Ну, чего ты переживаешь? У нас ведь всё впереди, не так ли?

Чтобы опять не опростоволоситься, я положил ей руку на талию и притянул к себе. Мила не сопротивлялась. Она поспешно наклонила ко мне свою хорошенькую головку, полуоткрыла пухлые губки, обнажая ровные зубы:

– Ты дверь-то закрыл?..

Угрызения совести

На протяжении почти всей уборочной кампании (около трех недель) Андреич ночевал неизвестно где, а Мила почти каждую ночь проводила со мной. Днем же, как ни в чем не бывало, мы с Катюшей гроздь за гроздью складывали в ведра, которые я доставлял к грузовику с железным кузовом.

Андреич хмурился, но не говорил ни слова. Катюша ни о чем не подозревала и была как будто всем довольна: и своими трудовыми успехами, и солнцем, и подружками, и мной. Однако где-то в глубине души я чувствовал, тут что-то не так. Мне было не вполне комфортно. Не могу утверждать, что я считал себя негодяем по отношению к Катюше (мы всего лишь дружили). Мне даже было ее жаль, особенно в те минуты, когда она так ласково и доверительно мне улыбалась, когда старалась прикоснуться рукой, передавая ведра. Кажется, Катюша влюбилась в меня. Я осознавал, что поступаю нехорошо, но ничего не мог изменить: меня тянуло к Миле!

Хотя мы понимали, что наша тайная любовь будет непродолжительной (закончится тотчас по завершению уборочного сезона), в связи с чем выжимали из нее – из этой любви, значит! – всё, на что были способны. Ни я, ни Мила ни разу не задались вопросом о том, как сложится потом, в техникуме, куда мы так или иначе обязаны вернуться. Мы наверняка знали, что наши пути разойдутся, но, будто сговорившись, не заикались о будущем, более того, зная о том, что такая любовь не может иметь продолжения, не обижались друг на друга...

Что касалось Катюши, то ее чуткая женская душа, конечно же, улавливала те эфемерные предательские флюиды, которые исходили от меня по утрам, когда я расставался с Милой. Понятно, я старался вести себя, как ни в чем не бывало, выглядеть, как всегда, естественно и просто, но какая-то искорка, видимо, вдруг освещала мою физиономию (может, тень набегала на нее), и Катюша настораживалась, тревожно поглядывала на меня, задерживала дыхание, но ни о чем не расспрашивала.

Как я уже говорил, в такие минуты (когда я видел девушку невеселой и расстроенной) мне было крайне некомфортно, но не рассказывать же ей о своих деяниях! И, чтобы отвлечь Катюшу от ее тревожных мыслей, чтобы самому отвлечься, я принимался рассказывать ей о том, как в своей деревне обрабатывал «норму». Короче говоря, жалел ее. Она вслушивалась в мои слова, потихоньку отходила, снова улыбалась и тянулась ко мне своими оголенными по плечи руками. И мне становилось лучше. Чтобы видеть Катюшу в хорошем настроении, несмотря на свою степенность и рассудительность, я готов был пройтись по винограднику колесом... По большому же счету, мы всё больше влюблялись друг в друга...

А время не стояло на месте. Даже ненаблюдательному человеку становилось ясно, что уже наступает осень. Пожухли листья винограда, стало ветрено, сыро. В небе с криками собирались птичьи стаи. Два дня мы не выходили на уборку – пошли дожди. И, наконец, за нами приехал старенький автобус, и мы выслушали прощальную речь председателя колхоза, в которой тот благодарил нас за посильную помощь. Катюша заняла для меня место в салоне, и я, кинув последний взгляд на барак, в котором провел с Милой столько безумных ночей, отправился в обратный путь...

Продолжение следует.

Георгий КАЮРОВ

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Жёлтый император

Глава первая

Тайна Жёлтого императора

Давно миновало за полночь. В многоэтажке одиноко светилось крайнее окно на шестом этаже. Иногда в нём появлялся седовласый мужчина и задумчиво замирал. Затем он резко поворачивался и скрывался в глубине квартиры. В квартире велся оживлённый разговор.

– Дорогой Матвей, вы созданы для медицины, – возбуждённо, но монотонно говорил профессор. Он плотнее закутался в чёрный халат и обхватил руками горячий чайник. – Вы должны беречь свою голову, если не хотите, чтобы в вашей голове наступила вот такая ночь! – и профессор закинул большим пальцем за спину в сторону окна. – Это что такое? – чтобы лучше освещалась ссадина, профессор приподнял за подбородок голову юноши, сидящего за столом и улыбающегося каждому сказанному в его адрес слову.

– Пётр Артамонович, – оправдывался Матвей. – Но разве не вы учили, – любым способом следует защищать истину?

– Следует-то оно следует, молодой человек, но не кулаками и не по вашей светлой голове, а разумом. Рая! Принеси, пожалуйста, перекись и тампоны! – крикнул профессор так, чтобы расслышали в другом конце квартиры. – Они в моём кабинете на нижней полке! Через неделю экзамены, а синяк продержится дольше. В каком виде вы предстанете?

– Шрамы украшают мужчину, – веселился Матвей.

– Шрамы украшают только дураков, – продекламировал профессор. – Вы, как будущий хирург, должны это знать. Ладно, подарю вам ещё четыре дня. Ставлю автоматом пятёрку по оперативной хирургии.

– Спасибо, профессор.

– Не мне спасибо говорите, а вашей светлой голове, но она скоро станет пустой, если вы будете позволять бить по ней. Кстати сказать, куда собираетесь на каникулах в этом году?

– Хочу съездить на Тянь-Шань. Приготовил зажимы, папки, в общем, всё, что необходимо для гербария. Похожу, пособираю растения. Пополню фонды кафедры ботаники.

– Глупостями будете заниматься, – нервно выпалил профессор. – В какое именно место едете?

– Под Алма-Атой есть космостанция. Туда и хочу отправиться. Заодно, если повезёт, пообщаюсь с учёными, которые там работают, посмотрю на звёзды.

– Всё это глупости, – повторил профессор.

– Почему? – удивился Матвей.

– Вот если бы у вас был Жёлтый император, то ваши синяки и ссадины можно было бы вывести в течение часа. Я видел, как один лекарь рваную рану заживил, только намазав мазью, – и профессор протянул руку. – Вот смотрите.

– Что смотреть? – не понял Матвей, разглядывая ладонь.

– Не видите! – воскликнул от восторга профессор. – Так и я много лет назад не увидел, когда повязку сняли, и я взглянул на свою ладонь, то изумился – даже шва не было видно. Правда, потом, когда присмотришься, то вот здесь, – и профессор, нагнувшись, указал на едва заметную линию шрама, которую можно было принять за обычную линию сгиба ладони.

– Видите? – профессор торжествовал. – Я удивлю вас ещё больше, если скажу, повязку сняли через три часа после того, как тот лекарь намазал мою рану мазью. Да, да! Предвижу ваш вопрос, будущий профессор! – торжествовал он. – Каков был характер раны? Рана была колотая, с глубоким проникновением, и виднелись даже кость и суставные сухожилия.

– Что же это за мазь? – удивился Матвей, не сводя восторженных глаз с рассказчика. – Может быть, вы не заметили и он сначала зашил?

– Что значит – не заметил? – обиделся профессор. – Я просидел у этого лекаря всего-то пять минут. Он взглянул на рану, достал банку с белой мазью, наложил на рану, – профессор поджал плечи к голове и замер на мгновение. – Даже не продезинфицировал. Прикрыл лоскутком мешковины и сказал – зажми и держи так крепко, насколько сможешь ровно три часа. Если удержишь, то забудешь, что была рана. Так всё и произошло. – Профессор многозначительно повёл головой, он так всегда делал во время лекций, и все студенты притихали, понимая, сейчас их ждёт сюрприз, так и произошло в этот раз. – Есть ещё одна тайна в моём быстром исцелении, – насупив брови, профессор склонился к самому уху юноши и нервно прошептал: – Этот самый лекарь тогда жил недалеко от этой самой космостанции.А! – распрямляясь воскликнул профессор. – Не это ли вам цель для экспедиции.

– Да, но как я его найду, – усомнился Матвей. – Когда это было? Сорок лет назад?

– Что такое сорок лет! – вскричал профессор. – Эту жемчужину лекарской мудрости собирали лекари тысячу лет, если не больше. Вы читали мою последнюю научную статью?

– Кто же в институте не читал её? Всех заставили прочесть, – проговорился Матвей, заметив, как изменилось выражение лица профессора. – Извините, профессор, я хотел сказать...

– Заставили. Эх вы, молодой человек, молодой человек! – профессор плюхнулся на стул и отвернулся от собеседника.

– Пётр Артамонович, извините, я не то хотел сказать, – едва сдерживая улыбку, оправдывался Матвей.

– Вы долго будете шуметь? – в этот самый момент в кухню вошла супруга профессора Раиса Ивановна. – Весь дом на уши поставили.

– Рая! Ты слышала его? Заставили прочесть мою статью! – с обидой в голосе вскричал профессор. – И это говорит мой любимый студент, – раздосадованный профессор обхватил голову руками и забубнил: – Я – профессор медицины Пышкин обречён на безвестность. Не останется обо мне памяти в этих чёрствых сердцах. Поколение пошло другое, прагматичное, расчётливое. Да-а, сколько, пышка, ты не дуйся, пирогом не станешь.

– Слышала, – миролюбиво сказала хозяйка. – Он не в том контексте это сказал, в каком ты воспринял.

– Пётр Артамонович, правда, мы же студенты обо всём говорим – нас заставили учить, читать, – ухватился за спасительную мысль Матвей.

– Так вот, в своей статье, которую вас заставили, в чём вы имели смелость признаться, прочесть, – профессор встал и поклонился. – Спасибо вам лично от автора.

– Вижу, сами разберётесь, – сквозь улыбку сказала Раиса Ивановна, осмотрев внимательно лицо Матвея. – Пойду досыпать. Только не сильно шумите. Особенно ты Петя.

– Раечка, ладно, ладно, ступай. Нам надо о серьёзном поговорить, – профессор дождал пока супруга удалится, и коротко вздохнул: – Все дети, рождённые от Иванов, – простолюдины.

– Ой, ой, ой! – раздалось в ответ из комнаты, на что супруг только зажмурил глаза, смешно прикусив губы.

– Мне надо было показать, что Жёлтый император существует и приносит пользу, – энергично продолжил профессор. – Но не всему человечеству, а только горстке людей, возомнивших себя его хранителями. Конечно, у них есть право, поскольку именно их предки догадались собрать воедино все рецепты и учения. Это несомненно но, разве можно такое сокровище, в наш современный век, хранить только для горстки? А представляете, вы молодой человек, сколько пользы, какой скачок в фармацевтике, в терапии, диагностировании, да много ещё в каких областях, могло произойти, если бы эта книга стала достоянием науки?

– Насколько я помню, – неуверенно начал Матвей, – вы с иронией упомянули о некоем учебнике под названием Жёлтый император.

– Да, да, – только на мгновение спал пыл профессора. – Я посмеялся над тем, что какие-то

невежды-знахари, ничего не понимающие в медицине, триста лет назад стали переписывать с разных свитков, каменных табличек, золотых пластин, и собирать воедино рецепты лекарей со всего мира. В итоге они собрали уникальный лечебник и дали ему название Жёлтый император. Но! Если бы я выступил открыто в поддержку врачевания, меня бы высмеяли и сочли бы свихнувшимся. Нет, мне пришлось искать обходный путь – лёгкой насмешки, иронии. Я шутил в статье, высмеял знахарей и врачевателей вы все смеялись со мной, тем самым уже наполовину соглашаясь с тем, что Жёлтый император существует.

– Я попробую, – задумчиво произнёс Матвей. – Ума не приложу, как его искать? Но как такая ценность могла оказаться у нас в стране?

– Много лет назад, ещё в царской России, по договорённости нашего царя и правителя Китая, были две волны переселенцев из Тибета, – со знанием темы начал рассказ профессор. – В основном переселялись уйгуры. Внутри себя они тоже делятся на долматов, кашгарлыков и таранчей. Это важная подсказка для нашего вопроса. Так вот, в общем потоке беглых, спрятался и некий Паджа-Хаджи. Он пра-пра, какой-то там в двадцатом колене правнук того, кто первый задумался собрать воедино все рецепты лекарей. Из поколения в поколение роду этого самого Паджа-Ходжи было доверено собирать все учения знахарей и лекарей со всего света. Собрался приличный сборник, насчитывающий несколько сотен страниц, и хранился он в монастыре под охраной монахов. Именно этот правнук и стащил из монастыря Жёлтого императора, – выпалив на одном дыхании, профессор, с облегчением выдохнул. – Вот вкратце вся история. Когда мне довелось побывать на космостанции, тоя видел эту книгу, краем глаза. Хранит её, по-видимому, потомок этого самого Паджа-Ходжи. Уже старец, но ещё крепенький. До сих пор помню его железную хватку. Вроде прихватил пальцами, а сложилось ощущение, что зажал в тиски.

– Да-а, – погружённый в рассказ профессора, задумчиво проговорил Матвей. – Такого на мякишке не проведёшь.

– Насилием ничего решить нельзя, – поспешил наставить профессор. – Я больше чем уверен, в окрестностях, среди людей должен идти слух о врачевателях, даже о самой книге, может быть. Проявите смекалку, не мне же вас учить, как выпытать тайну.

– Спасибо, – усмехнулся Матвей. – Я что же был вами замечен в выпытывании чужих тайн?

– Вы превратно истолковали мои слова, Матвей, – примирительно сказал профессор. – Я имел в виду, смекалка молодого ума острее. В вас таится разумное влечение исследованиями. К тому же, так устроен молодой человек, что всегда готов к авантюре, к приключениям. Иначе, ну что же вас увлекает в одиночку отправляться в горы?

– Каюсь, вы правы, Пётр Артамонович, – задумчиво заговорил Матвей. – Когда я в горах, мне кажется, весь мир у моих ног. Родителей я совсем не помню, они умерли, когда я был ещё маленьким. Иногда я думаю, именно это обстоятельство гонит меня в одиночество. Я рос без всякого присмотра, привык сам принимать решения и нести за них ответственность, – Матвей умолк под тяжестью нахлынувших мыслей.

Профессор не мешал молодому человеку. Он и сам тяжело вздохнул от откровений его любимого студента. Матвей долго молчал. Профессор ждал, с трудом сдерживая нетерпение. Ночь была на исходе. Пока они беседовали, незаметно приблизился рассвет, неся с собой очередной день сессии.

– Поздно уже, – вставая, сказал Матвей. – Пойду я.

– Точнее, сказать, – профессор взглянул на часы, – рано, пошёл шестой час утра. Так что же вы решили? – с надеждой в голосе спросил профессор.

– Попробую, – неуверенно согласился Матвей, – Я уже пообещал кафедре ботаники, гербарий привезти.

– Опять за своё! – всплеснул руками профессор. – Сдаюсь! Я кое-что сейчас вам покажу, но если и это не убедит, обещайте хранить это как тайну, а лучше всего, обещайте сразу забыть. Отнесите меня к сумасшедшим старикам и больше на эту тему не оброним ни слова. Обещаете?

– Обещаю, – с иронией в голосе произнёс Матвей и пристально всмотрелся в лицо профессора. Молодому человеку почудилось, что профессор и правда спятил.

Пётр Артамонович скрылся в комнате. Оттуда послышался тихий разговор супругов, грозящий перерости в небольшую перебранку. Матвей отчётливо слышал, как в этот раз сопротивлялась решению мужа Раиса Ивановна.

– Если покажешь, то это перестанет быть тайной, – говорила она бубня. – Ты уверен в нём? Тебе мало за всю жизнь шишек? Хочешь на старости лет загреметь туда, откуда не возвращаются?

Матвея обидели слова Раисы Ивановны, и он нетерпеливо ёрзал на стуле, но не мог уйти, не дождавшись возвращения профессора.

– Всю предысторию, – начал, едва появившись, с порога профессор, – разумеется, вы знаете... – он замялся, тень сомнения в правильности того, что он собирается сделать, мелькнула на его лице, и он потерял слова, но в этот момент за его спиной появилась супруга, и это подтолкнуло профессора действовать. – Вот, – и он протянул коричневый кусок пергамента. – Это страница из Жёлтого императора, – профессор снова замялся. Матвей видел – слова даются ему с невероятными усилиями, волнение перехлёстывает. – Я вырвал её ещё тогда. Улучил момент и вырвал. Хотел всю книгу... но не получилось.

– Это рукописный текст, – разглядывая страницу пергамента, сказал Матвей. – Вы пробовали перевести, что тут написано?

– Нет, иначе я сразу бы себя обнаружил. Сорок лет храню его и не знаю, что тут написано. Но я изучил много старинных книг Китая и Индии. Хотел самостоятельно попробовать прочитать, но не получилось. Могу с уверенностью утверждать, что написано древней письменностью. Так уже не пишут. Кроме некоторых букв. Эх! – воскликнул с сожалением профессор. – Если бы древние владели недавним изобретением человечества – книгопечатанием, их уникальные знания горели бы повсюду! Но, увы, до нас дошли лишь отдельные списки, и то переписанные благодарными потомками, которые ценятся на вес золота.

Матвей улыбнулся – последняя фраза адресовывалась и ему.

– Пётр Артамонович, – неожиданно радостно воскликнул Матвей, – ещё час назад кто-то меня уличал в неблагоприятных поступках.

– Не в неблагоприятных поступках, – лукаво сощурившись, возразил профессор, – а в том, чтобы вы не позволяли себя бить по голове.

– А воровать, значит, можно?

– Знаете что, молодой человек? – выступая из-за спины супруга, прошипела Раиса Ивановна.

– Раечка! Ступай спать, – прервал жену профессор. – Мы сами разберёмся.

– Извините, Раиса Ивановна, – поспешил извиниться Матвей.

– Он извинился, – протянул профессор, разворачивая супругу под локоть, в сторону комнаты. – Иди спать.

Мужчины остались в кухне одни и ещё долго шептались, строя планы на поездку Матвея.

Решено было от гербария не отказываться, а даже извлечь из этого процесса максимальную пользу. Сбор гербария может послужить хорошим поводом пообщаться на тему лекарственных растений.

– Правильно! – воскликнул радостно профессор. – Сбор гербария – это будет ваша легенда!

На том и попрощались, условившись ещё раз встретиться накануне Матвеева отъезда.

Поёживаясь от утренней прохлады, Матвей шёл в общежитие, чтобы собрать тетради с лекциями. Сегодня у него были консультации к предстоящему первому сессионному экзамену.

Сергей УТКИН

Родился 3 февраля 1987 года в г. Шарья Костромской области. Там же окончил школу с серебряной медалью. Учился в Санкт-Петербурге в Балтийском государственном техническом университете «Военмех» им. Д.Ф. Устинова по специальности «ракетные транспортные системы». После 3-го курса отчислен по состоянию здоровья. Образование неполное высшее. Пишет стихи с 2007 года. Участвовал в 10-м Форуме молодых писателей в Липках. Специальный приз костромской молодёжной премии «Начало» (2009 г.). Приз зрительских симпатий литературно-музыкального фестиваля «Елагин остров – цветок в петлице Петербурга» (2012 г.). Финалист Третьего молодёжного поэтического конкурса имени князя КР (второе место в номинации «Блистательный Петербург») (С-Пб, 2013 г.). Лауреат конкурса малой прозы «Белая скрижаль» (номинация «Хочу сказать», 2014 г.).

Непримиримость с судьбой

Эссе на конкурс «Илья-премия-2014»

(Тема «Гениальность – свойство юности».)

Возможно, это и о гениальности. Царь Соломон когда-то заметил словами лёгкой, но веской, иронии: «И это пройдёт». Всмотриваясь в судьбы гениальных людей, в их оборвавшиеся или всё ещё плутающие к будущим обрывам пути, понимаешь, что давний мудрец был прав. К сожалению. К сожалению и о том, что кто-то из великих не смог продлить ни себя, ни своей гениальности до старости, обделив нас новыми откровениями, которые были бы возможны, и о том, что кто-то смог продлить себя, но растерял всю свою искреннюю былую гениальность на жизненном пути. Растерялся, должно быть, где-то, да и выронил. А жаль.

Те, кто поступил вторым способом, те, с кем такая жизнь и судьба случились, дальше обычно эксплуатируют эту былую гениальность и память людей о ней, зарабатывая этой памятью на прошлом, и у них неплохо выходит. Выходит человек и просит публику своим появлением оплатить то, что он когда-то был. И кем он когда-то был. А чтоб напомнить, он и песен старых попоёт, и баек былых порасскажет, и стих, востребованный несколько десятилетий, прочтёт с задоринкой, со слезой, с ямочками молодецкими на щеках. М... Милашка!

Это, сказанное мной, быть может, схематично и чуть гротескно, но трудно спорить с тем, что на Пола Маккартни ходят в основном, чтоб слушать старую битловскую нетленную классику, а не новые его творения, заслуживающие и внимания, и уважения хотя бы к стараниям пожилого человека, но не столь цепкие, близкие и родные поклонникам. Но и среди российских достойных рокеров старого каленья, закалки да отжига эксплуатация прошлого (героического времени) стала нормой. Макаревич играет с «Машиной времени» не меньше старых песен, чем новых, Бутусов исполняет классику «Наутилуса» и «КИНО» вместе с новым репертуаром, светлейший БГ не забывает репертуар старого «Аквариума» подпольных времён. А уж про Андрея Дементьева, читающего при каждом удобном случае «Никогда ни о чём не жалеете вдогонку», и говорить не стоит: этот любимый народом всеупотребительный поэт никогда не отличался гениальностью.

Конечно, многим покажется кощунственной издёвкой мысль о том, что умершим и прекратившимся в молодости гениям повезло больше их собратьев-долгожителей, но лучше ли прекратиться и не умереть, оставшись в той оболочке неким существом, позорящим свою былую гениальность, своё былое, своё. Те, кто успел уйти, пока был в силах нести себя, в силах одолеть судьбу свою, в силах отстоять себя, свою самость, у мира, был цельней, честней. Впрочем, по порядку.

Примеры Михаила Лермонтова, Сергея Есенина, Ники Турбиной, Курта Кобейна, Александра Башлачёва и других достойных приводят нас к выводу о гениальности, как свойстве юности.

Почему это свойство теряется с возрастом? Думаю, дело в юной задорной непримиримости и непримирённости с миром, с обществом, с жизнью, с судьбой, непримиримости, которая высвобождает ум,

высвобождает мысль, отвергает авторитеты и авторитетные мнения, пуская мысли в этакую вольницу слов и дум. Как пел Высоцкий: «Ходу, думушки резвые, ходу!» С возрастом рядом следуют опыт и попытка человека и этим опытом, и памятью. Каждый окрик человеком жизни сопровождается научением, суть которого: «Не ты решаешь, терпеть тебе этот мир или нет, а мы решаем, терпеть тебя или нет». Сначала человек становится осторожней, потом осторожность начинает граничить с трусостью, с ментальной трусостью и скованностью, и все прежние парения мысли подле высот духа становятся приземлённее, ограниченнее, человек приходит к некой ограниченности и тривиальности, общепринятости мышления. А в тот момент, когда мозг человека позволил поставить кого-то выше себя, стал верить кому-то больше себя, начинается конец большого человека, конец гениальности, начинается маленький человек. Как говорил Ницше: «Тот, кто слушается других, не слушает себя». Думаю, это явление угасания гениальности сродни затухающим колебаниям в физике. Бьётся, пульсирует человек сердцем, словом, речью, рвётся из жизни, из привычности, тривиальности, серости, лжи, но тащат его обратно обстоятельства, суровая реальность, и он падает, но не мирится, рвётся снова, снова падает, снова рвётся, но с каждым разом сил, энтузиазма, веры всё меньше, и гаснет человек, и затухает. В «Сталкере» Андрея Тарковского Писатель произносит важные слова о том, что он их (людей) изменить хотел, а получилось, что это они его изменили, сделали таким же, как они сами.

Когда человек начинает уставать не только от мира, но и от своей судьбы, устаёт нести себя в неравном бою, устаёт верить, наступает неискренность, маловерие и малодушие. Загнанный обстоятельствами человек, уважающий своё прошлое, не желая позорить себя нелепым позорным трусливым продлением себя, хочет смерти, как хотел её Есенин, «отскандалив», «отговорив», оставшись без тех, кому «в молодости нравился», и которые «теперь оставили». Тогда завершается «песня забубенная» о его «головушке».

Кажется, Курт Кобейн в предсмертной записке написал, что давно не испытывает удовольствия от музыки, которую играет, а потому считает нечестным продолжать обманывать зрителей и зарабатывать на них. Как-то другой рок-герой Джимми Пэйдж сказал: «Я могу не верить в себя, но я верю в то, что я делаю». Видимо, Курт верить перестал...

Человек или должен перестать быть собой и продолжать своё (или уже не своё) существование или должен продолжать своё сражение, продолжать тянуть «ту самую главную песенку», и почувствовав, что о ней ему придётся добавить: «которую спеть я не смог» - он предпочитает уйти. Это тоже некоторый символ и показатель веры (в себя, в свою исключительность, гениальность). «Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело? А? Э... Так-то, дружок. В этом-то всё и дело.» (Высоцкий). Можно много спорить, в чём смелость, и куда именно нужно смело прыгнуть: в небытие или в суету и толчею жизни. В чём больше смелости? Каждый спорит с собой и решает для себя. Я же не осуждаю никого (разве мы поступили так, ступили по судьбе так же широко, решительно, веско, разве мы сделали последний шаг?). Маяковский в 1925 году написал стихотворение на смерть Есенина, осудив самоубийство его, а через пять лет ушёл за выстрел к смерти. Нет, я не осуждаю. Но, видимо, настоящая гениальность не бывает без веры в себя, в свою правду, в своё мироощущение. Как пел Макаревич в песне про приятеля-художника: «Он умел только то, во что верил. А как же иначе?» И когда человек понимает, что жить тем, во что верил, ему не дадут, или у него нет на это сил, а жить другим он не хочет и не умеет, он уходит. Вместе с гениальностью.

Прозаические миниатюры

Об ответственных и безответственных песнях

Не на каждую песню можно решиться автору. И даже исполнителю, только повторяющему её. Написавшему ответственную песню, решившемуся написать, в какой-то мере легче. В одном из фильмов Андрея Тарковского закадровым голосом было сказано: «Книга – это поступок». Песня, если она серьёзная, ответственная – тоже поступок, порой с книгой сравнимый, а то и равный ей. Но за поступок, пусть и повторённый кем-то не в первый раз, нужно отвечать, а потому настоящая песня – большая ответственность. Брать на себя ответственность тяжело, перед большой аудиторией – ещё трудней. А перед аудиторией, во многом чуждой и не понимающей тебя и автора песни – опасно и чревато. На песню нужна смелость. Наверно, в необходимости найти силы на смелость, а не в техническом мастерстве, главная сложность выступающих на сцене, на улице, даже у костра.

У каждого популярного автора есть ответственные и безответственные песни. Например, чтоб исполнить «Утреннюю гимнастику», «Лирическую», «Песенку о переселении душ» Высоцкого большой

смелости не надо, а вот взяться за песни «Я не люблю», «Охота на волков», «Моя цыганская» непросто. Осилить такие песни тяжело, для этого нужно преодолеть в своей жизни что-то важное, нелёгкое, схожее с трудной судьбой автора, который осилил и песню, и судьбу. Не потому ли на улице чаще поют безответственные, неглубокомысленные песни? Наверно, это правильно, если ты можешь критически относиться к себе, и понимаешь, что на некоторые песни нужно иметь право. На некоторые песни нужно иметь смелость. На них нужно решиться.

Речевые штампы как печать бездарности

Есть сферы деятельности, где ничего плохого в общепринятых формулировках и штампованных фразах нет: там они иногда даже необходимы. В научной и логически построенной дидактической литературе, в общении специалистов в узких областях знаний на своём профессиональном сленге, наполненном хитрыми и нам неведомыми терминами с неодолимым значением. Для специалистов в технических или гуманитарных областях знаний овладеть этими стандартными расхожими и частыми фразами и формулировками необходимо, как и научными формулами или математическим аппаратом количественного описания сути явления. По этому владению терминологией во многом можно судить об уровне подготовки специалиста, о готовности его к решению задач производства, науки, лаборатории. К примеру, в судах судья и его помощники по торжеству казённой справедливости читают постановления однотипным сухим казённым официальным языком, языком, который они крепко выучили когда-то и теперь пересказывают им решения Фемиды. Но все эти специалисты не работают со словом и над словом, а работают словом, орудуют им в своих делах. Другое дело писатели.

С них и спрос другой. Вот читаешь ты статью в каком-нибудь литературном журнале и оказываешься среди плотно расставленных по странице речевых штампов. Видно, что человек тоже освоил язык торжественных статей и некрологов, праздничных поздравлений, открыточных стихов и тому подобных лицемерящих фальшивых текстов по случаю. Этаким мастер литературных тостов. Вот тут он повторяет слова всемогущего литературно Пушкина, тут – потаённого в религиозном чувстве Гоголя, тут – неутомимого чертогона (как назвал одного своего героя Н.С. Лесков) Достоевского. Всё красиво, понятно, ровненько, привычно, бесшумно так, спокойно и хорошо, да только это их слова, а не его – его в них нет.

Не попытка ли это скрыть собственную литературную и творческую немоту словами великих людей? Писать, говорить и чуть ли не жить под классиков, отбирая у них их слова. Да только эти слова сказаны, и судьбы прожиты великими, слова эти сказавшими. Если ты хочешь повторять слова классиков, иди в школу преподавать литературу и с гражданским пафосом повтори откровения Некрасова или наставь учеников на путь праведный словами Толстого, которых они не услышат, слушая тебя, но ты будешь иметь и право, и даже обязанность говорить слова классиков перед небольшой аудиторией. Но писатель записывает своё видение жизни, пропустив её сквозь свою судьбу или судьбу неся сквозь эту жизнь, но всегда соприкасаясь с ней и записывая своё ощущение от соприкосновения. Тем и ценен, тем и дорог читателям, которые замечают в его словах себя и схожие ощущения. Чувствуют интерес к слову его. И пусть это слово будет скудней, бедней смыслом и не так глубоко или многомудро, как слово былых писателей, но гнуть свою линию, говорить своими словами будет честней, чем пытаться прикрасить пустоту своими словами классиков. Но классики – не самый плохой вариант: чаще это слова газет, рекламных каталогов и торжественных напыщенных речей. Слова, которые стоят в тексте произведения с речевыми штампами яркой печатью бездарности...

Постановочная поэзия, или Игра в лирического героя

Делить поэтов можно по разным критериям. Для меня всегда было важно отношение между поэтом, его словом, стихом и лирическим героем стихотворения. Мне важно, является ли поэт только автором своего лирического героя, или он всё-таки автор своих слов, своей речи, автор сказанного. Важно, где поэт перекладывает ответственность за слова на некоторого придуманного им лирического героя, от которого при случае можно откеститься и за словесным силуэтом которого можно спрятаться, а где он не отделяет себя от слов своих, где он осознаёт себя, именно себя, поэтом. Важно, где человек играет в поэзию, а где он с ней живёт и определяет себя во многом ей.

Мне всегда было интересней последнее. Жизнью поэзией во многом определяется и подлинность поэта: так как-то честней и настоящей, чем полудетские попытки поиграть в лирических героев. Я, правда, слышал мнение знающих толк в поэзии людей, что это не позиция художника, но я предпочёл бы остаться собой и в жизни, и в слове, пусть я и несносен, и мир я малюю как-то мрачно да грустно. Просто дело

в том, что, начиная писать стихи, мне важно было именно записать себя, а не выдумать, не сочинить: сочинят и выдумают тебя и про тебя другие люди. Даже денег не возьмут. Волонтёры книги судеб. Наверно, полагают, что Бог на небесах не успеваает про всех подумать и про всех и для каждого в книгу судеб вписать подробности, так они помогут.

Я не люблю актёрского и манерного чтения стихов: возможно, в нём есть поэтика звука, жеста, интонации, но часто там нет поэтики слова и мысли – в таком чтении слишком много актёра и слишком мало поэта, мало первоисточника. Этакая постановочная поэзия многими востребована, и у неё есть прекрасные области применения, например, чтение классики прошлых веков, авторы которой, к сожалению, уже никогда сами не озвучат своих произведений. Но и там соавторство прошлого и настоящего, соавторство былого поэта и настоящего актёра, который часто искажает твоё собственное звучание классических стихов, собственное прочтение их, которое у каждого ценителя поэзии своё, озвученное его внутренним голосом, а потому актёрство часто отвратительно.

Поэт работает со словом, словом и вершит себя словами, свершается в них. В них он и есть, и вряд ли стоит отвлекать внимание от сути слов попытками наполнить их смыслом и эмоцией, произнося со сцены, играя на сцене в Поэзию: как правило, вся постановочная поэзия сама по себе, в отрыве от криков, всхлипов, вздохов и гротескной жестикуляции, пуста и никчёмна. Всё это сценическое воздвижение пустоты не имеет смысла как литература: в лучшем случае, как уличный театр.

Место для Солнца

(В поисках Пушкина)

«Где теперь крикуны и печальники?

Отшумели и сгнули смолоду,

А молчальники вышли в начальники,

Потому что молчание – золото».

Так пел Александр Галич о своей, совсем не пушкинской, эпохе, но и к Пушкину применима эта цитата. Какое же место в современном Петербурге заслужил себе поэтическим голосом, своим не молчанием, своей громкой судьбой Александр Сергеевич?

Наверно, каждый турист, пришедший к собранию Русского музея, проходя по Площади Искусств, запомнит памятник Пушкину, поставленный здесь ещё в середине 1950-х и с тех пор растиражированный в книгах и открытках со знаменитыми видами Петербурга. Замечательный и, наверно, самый известный из петербургских памятников поэту, самыми преданными поклонниками которого, по моим наблюдениям, являются стаи птиц, любящих побыть с Поэтом в дождливые хмурые дни. Некоторые из них «как ныне взбираются» на голову Александра Сергеевича. «Народная тропа» к памятнику не заросла.

Другой известный памятник поэту, не столь парадный, более домашний и задушевный, стоит во дворе знаменитого дома на Мойке, 12, в одной из квартир которого жил последние свои годы Пушкин, и куда он был привезён после последней дуэли. Теперь в этом доме его музей-квартира. Удивительно, что жил Александр Сергеевич в доме, от которого до Дворцовой площади и Зимнего дворца только мостик через Мойку, да несколько десятков метров, считай, шагов. Возможно, Наталья Николаевна была безмерно рада такой приближённости к императору, но вот Пушкин – вряд ли. Впрочем, все эти тонкости я оставляю пушкинистам и биографам «Солнца русской поэзии», которые профессионально и с удовольствием покопаются в чужой и прошлой, прошедшей жизни.

Один из лучших памятников Пушкину находится в скверике на Пушкинской улице, недалеко от Невского проспекта, площади Восстания и Московского вокзала. Задумчивый и сосредоточенный, несколько напряжённый и погружённый в себя, но одновременно несокрушимо спокойный Пушкин стоит здесь на высоком постаменте. Особенно ценен этот памятник своей не парадностью, не официозностью, не пошлостью, не пафосностью, наполненностью смыслом и настоящей. Видимо, любим он многими. В скверике любят собираться разного рода люди, в том числе и поддатые недовольные тобой и твоим присутствием на земле и в городе ребята с пивом (или в поисках пива). Впрочем, ребятки эти вообще недовольны всеми, кто оказывается (зачем-то) в скверике. Да ещё и без пива! Близость к Пушкину они вряд ли ощущают. Да и не выпивает с ними, злодей.

Самый потерянный Пушкин (в смысле, Пушкин с самым потеряннным видом) стоит в виде бюста у здания Института Русской Литературы РАН (Пушкинского Дома) на набережной Макарова недалеко от стрелки Васильевского острова. Александр Сергеевич отрешён и выглядит таким античным изваянием. Скромный памятник, сдержанный по материалу, цвету, изобразительным средствам.

Удивительной для меня была встреча с памятной доской Пушкину в Арт-центре «Пушкинская, 10», знаменитом для любого любителя русского рока месте (здесь записывали альбомы и репетировали «Аквариум», «ДДТ», Вячеслав Бутусов), да и вообще для любителей современного авангардного и нонконформистского искусства. Конечно, совсем не современным искусством была исписана стена возле этого пушкинского памятника, а фразами вроде «здесь был Вася», который был, есть и будет.

Вспоминается также памятник Пушкину на станции метро «Чёрная речка». Конечно, каждый помнит со школы, чем Чёрная речка печально знаменита. А теперь это место в черте города. Город надвигается на прошлое и поглощает память.

На днях прочитал в петербургской газете результаты исследования, показавшего, что и сейчас среди классиков молодёжь града Петрова больше всего ценит Достоевского, Булгакова и Пушкина, хотя её пристрастия в современной литературе часто убоги (Донцова, к примеру).

Совсем недавно я был на Девятом петербургском книжном салоне. В Михайловском манеже шла торговля книгами: удивительное разнообразие, хорошая организация. Подошёл я к стенду издательства журнала «Звезда» – серьёзные умные книжки, да только всё шатко: не знаешь, кого из авторов выбрать, чтоб не прогадать. А тут среди других книг заметил я скромную «Даниил Гранин. Два лика» с портретом Пушкина на обложке. И хотя лично мне Пушкина для «нашего всего» мало, он всё равно остаётся тем всеобъемлющим, чем меряли себя и свои судьбы лучшие люди России в течение двух веков. Каждый человек, в том числе писатель, привязан к своему времени и эпохе. Уходит эпоха – уходит писатель. Часто, увы, бывает так. А Пушкин не уходит. Пушкин остаётся. И в Петербурге, и в каждом из нас.

Девочка присвоила Победу

16 мая 2014 года на «Стрелке Поэтов» в «Центре современной литературы и книги» на Набережной Макарова, 10 в Петербурге собравшиеся выпить, закусить и почитать стихи поэты обсуждали особенно актуальную после Дня Победы тему патриотизма. События на Украине, грязные проделки националистов в Донбассе не оставляли никого равнодушным. Каждый выступавший перед чтением своих громогласных стихов делился сокровенными соображениями с присутствующими. Наших людей особенно тянет к сокровенным соображениям, тянет делиться ими после выпивки. Впрочем, на «Стрелке» пьёт исключительно мужская составляющая поэтического коллектива, да и то не вся и совершенно мирно, этак дружески.

Всех, в основном, принимали дружелюбно, кивали, соглашались. Только выступление одного молодого человека, завсегдадая литературных встреч, вызвало громкий всплеск эмоций. Я послушал в перерыве приятную фортепьянную музыку: одна из присутствующих прекрасно играла, видимо, на память, не с листа, и классику, и «Город золотой» (из репертуара Бориса Гребенщикова и его «Аквариума»), и другие мелодии. Фортепьяно звучало удивительно певуче, богато тембрами, легко.

Я слушал выступления и проникался жалостью к бездарности некоторых стихов, хотя среди читавших в тот вечер были интересные авторы. Но они были в меньшинстве. Про себя я продумал основное, о чём хотел бы сказать. Всё это казалось мне настолько очевидным, но, видимо, не казалось таким остальным.

Я выступал в самом конце. Не буду передавать стенограмму вечера. Я был рад жаркой дискуссии, но не ожидал такого расхождения в понимании очевидного. К словам выступавших я хотел добавить, что есть замечательный афоризм: «Больше всего своим прошлым гордятся те страны, которым нечем гордиться в своём настоящем» - и я считаю признаком пошлости ума гордиться чужими победами: мы должны быть благодарны военному поколению, ветеранам за их подвиг, должны поклониться им, но гордиться их подвигом, их победой, как своим, когда тебе ничего подобного, к счастью, на долю не выпадало, и не ведает никто, не переживший, как бы он повёл себя в той ситуации, - это ребячество, достойное «книжных детей, не знавших битв», которые «на роли героев вводили себя» (Высоцкий). В последовавшем буйстве обсуждения меня хотела научить жизни какая-то девочка, которая с запальчивостью сказала, нагнетая и ударяя: «Это мы (наше поколение) выиграли войну».

Детский сад, ей Богу! Умненькие образованные начитанные ребятки, но сколько неадекватности в самооценке! То ли их так обрабатывает современная школа, учебные заведения, СМИ, агитационные материалы и выступления политиков, то ли они настолько ушли в свои книжные забавы, то ли не поняли разницы между недавними детскими играми в войнушку и настоящей войной? Не знаю. Но сказать такое! Бред позорный! Мой ярый оппонент тут же кинулся на неё с опровержением – я понял, что во мне, кажется, эта битва больше не нуждается – я только с иронией произнёс: «Эх, понеслась!»

Читал стихи я спокойней, досидел до конца с ощущением одинокой правоты, с торжеством правоты. Но я на них не в обиде: разве можно обижаться на такую героическую девочку, которая, очевидно,

вместе с такими же умными друзьями, выиграла в Великой отечественной войне... Спасибо ей! Спасибо. Ура!..

Затаённая молитва князя

23 мая 2014 года в Мраморном дворце в Санкт-Петербурге проходила церемония награждения победителей 4-го поэтического конкурса имени великого князя Константина Константиновича Романова, на которой я смог присутствовать, как финалист прошлого, 3-го, конкурса. Перед началом церемонии одна из сотрудниц музея (Мраморный дворец сейчас – филиал Русского музея) предложила всем, кому это интересно, осмотреть покои великого князя. Предложение приняли многие.

Покои князя больше походили на квартиры писателей девятнадцатого – начала двадцатого века, чем на царскую роскошь и размахистый жилой простор. Размеры помещений, плотность, с которой представлена мебель, завешаны картинами стены, всё это выдавало в князе строгий сдержанный вкус без частой придворной напыщенности, напыщенности, в которой вместо простора и размаха ощущаешь часто только пустоту и холодную опустошённость и помещения, и владельца. Ничего подобного не было в княжеских покоях. В приёмной нам даже разрешили сделать фотографии.

В самом дальнем кабинете находилась потайная комната, вход в которую казался входящему просто стеллажом с книгами. На минуту эту дверь-стеллаж для нас открыли и объяснили, что эта комната была молельней. Не думаю, что в дореволюционной России нужно было прятать от кого-то свою религиозность, но, возможно, спрятанная от чужих глаз молитва – это пример не показной и официальной веры, демонстрируемой в храмах, а искреннего религиозного чувства, о котором князь предпочитал говорить Богу с глазу на глаз?

Вечер в нотах Листа

В Шереметьевский дворец на Фонтанке в Петербурге музыка была вхожа при хозяевах до революции. Вхожа она в него и сейчас: ныне во дворце филиал Музея театрального и музыкального искусства, в котором регулярно проходят концерты камерной музыки, вернее, камерные концерты классической музыки. Дешёвые концерты дорогой музыки. Цены на билеты очень приветливые, не задиристые.

31 мая 2014 года на одном из таких концертов я и побывал. В программе вечера были фортепианные произведения Ференца Листа в исполнении молодой, но, судя по наградам в различных конкурсах, опытной и очень одарённой пианистки Елены Чупахиной. Я не могу судить о мастерстве, с которым она озвучивала роялем великого венгерского музыканта и композитора, так как музыкального образования у меня нет, и, вопреки юношеским мечтаньям, клавиши я так и не освоил – не дано мне эффектно усесться за рояль и, крикнув: «Roll over, Beethoven!» – выдать «Лунную сонату» великого венского композитора. Но по любительским ощущениям, озвучивала этот вечер Елена хорошо: рояль был певуч, богат тембрами, окрасками звука, временами ударял жёстким стаккато, временами растекался плавными арпеджио и этим удивительным парящим бегом пальцев по клавишам. Были этюды Листа по каприсам Паганини, были обработки из «Риголетто» Верди, были и собственные творения Листа, вроде «Грёз любви».

А я смотрел и думал о необъятности, неодолимости мировой культуры. И дело не в неопровержимом изречении Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное». Дело, скорей, в объятых этого необъятного. Столько открыто, создано, сделано людьми за годы, века и эпохи, что сейчас можно тратить всю жизнь на тренировки, учение, постижение какой-то краткой пред вечностью области знаний или искусства. Можно даже преуспеть в ней, но часто только выучить открытия других людей, откровения чужих жизней, не привнеся ничего своего. Можно научиться продавать свои знания, которые всего лишь чужой опыт, можно сделать этим карьеру. Прожить всего себя наследием былых эпох или предшественников, которые заполняют тебя, и вместо себя в себе ты понесёшь их: эти эпохи. Хотя, возможно, лучше нести в себе эти эпохи, чем не нести вообще ничего, а значит, ученья и науки имеют смысл. Хотя бы для кого-то...

Отстранить от поэзии

В только оттолкнувшемся от апреля мае 2014 года я оказался, по своей, конечно, воле, на одном из регулярных петербургских литературных мероприятий. До этого посещения я был на «Стрелке поэтов» только один раз, поэтому никого, кроме неизменного руководителя этих вечеров, да одного своего знакомого рок-музыканта, я не знал.

Среди выступлений было больше отступлений от поэзии, чем вступлений в неё, но это обычно для литсобраний даже культурной столицы. Но отсутствие таланта можно тоже разделить по уровням. Вот

слушаешь одного, думая: «Бездарь!» - а потом слушаешь следующего и думаешь: «Пусть бы предыдущий ещё почитал, а?..»

В моём городке, к примеру, есть местный рифмоплёт, который при каждой встрече с местными заинтересованными в литературе и поэзии людьми говорил о своём достижении, которое, видимо, русская литература должна запомнить и пронести через века: он записал стихами (точнее, рифмами) правила игры в лапту. Он искренне, видимо, считал, что это вершинное творение его писательского (описательного) гения имеет поэтическую и культурную ценность. Это был доброжелательный дядька, но такие бездари имеют талант не поэтический: они имеют талант абсурда, абсурда, смешающего поэзию. Правда, смешающего её там, где она есть, а есть она не везде, не на всех вечерах, и находятся многие, кто к таким заигравшимся в рифму игрокам в лапту относится серьёзно. Я думал, это удел провинции. Нет. Подобные трансляторы быта, теленовостей, слухов и прочего, к поэзии непричастного, находятся везде. К счастью, всё же есть профессионалы, которые относятся к ним с пониманием, пониманием их бездарности, но такт, очевидно, не позволяет не дать слова.

Вот и на «Стрелке поэтов» один бывший военный (что уже многообещающе для литературы) словом воспользовался, видимо, чтоб ещё раз опозорить поэтические способности отставленных от войн и боёв служивых людей. Ему очень помогла улучшить зрение методика одного профессора, доктора, книжку которого он прочитал. Видимо, из благодарности, военный пенсионер записал рецепт исправления зрения из этой книжки стихами, как он называл свои не очень умело рифмованные строки. Слушали напряжённо, чтоб не расхохотаться. Руководитель умело вышел поговорить по телефону. Я пожалел, что не вышел следом. Не знаю, понравилось бы это творение профессору медицины. Мне – нет.

Всё-таки было бы много лучше, если б военных не отстраняли от воинской службы и держали их при военном деле подольше, а то ведь отстранить от поэзии теперь их некому, а отстранить и уволить в запас следует. По крайней мере, многих.

Приравненное к бакалейному настоящему

В сборнике рассказов «Чемодан» Сергея Довлатова есть замечательная история о том, как он, наряженный в потрёпанные бутафорские наряды, изображал императора Петра I. По замыслу его знакомого режиссёра, первый российский император должен был появиться в основанном им когда-то городе и не узнать его, города, превращённого из пышной имперской столицы в этакое пролетарское чудище с глазами пивных ларьков и закусовых. В кульминационной сцене фильма Пётр должен появиться среди народа, в густом народном замесе, возле пивного ларька. Он и появился, но, вопреки ожиданиям режиссёра сего кинематографического шедевра, на императора не обращали внимания. Алкаши лишь указывали друг другу место в очереди: «Ты за кем?» «А я за царём...» – отвечал спрашиваемый спокойно. Не до царей прошлого было людям другого, нового, времени.

Я, конечно, не играл царя: не довелось. Но в Петербурге, в центре, летом сейчас работают в костюмах Петра I и Екатерины II сразу несколько пар великих отечественных самодержцев, и на них немногие обращают внимание: рассчитана забава (фотографии с самодержцами) на туристов. Работают эти властители былого у памятников, в самых туристских местах Петербурга. В августе 2011 года петербургский внезапный ливень застал меня на Невском проспекте. Я зашёл в недорогую (по меркам центра Питера) кондитерскую возле Аничкова моста и Книжной лавки писателей. Когда я собирался уходить, в кондитерскую вошли Пётр с Екатериной. Оба Великие. Не смотря на то, что «по одежке встречают, по уму провожают», на них никто, кажется, не обратил внимания. А я дождался, когда они отвернутся к витрине, и сфотографировал. Не знаю, как их проводили: по уму или нет: я вышел, не доглядев на имперское прошлое в очереди. Я не очень люблю его, это имперское прошлое, но в этом мокром загнанном виде это прошлое, приравненное очередью к нашему бакалейному настоящему, почему-то вызывало сочувствие.

Как парень город унижал

Осенью 2013 года я чуть более месяца пролежал в отделении травматологии в своём городке на вытяжении после перелома ноги. За это время в палату вселялись и из палаты выписывались пациенты, каждый из которых, к сожалению, что-то говорил, о чём-то рассуждал. Я в том состоянии никак не мог уйти подальше от этого мужицкого трёпа, потому не слышать его не мог. Часто вспоминал в больнице «Балладу о гипсе» Высоцкого: «Так и хочется крикнуть: «Коня мне! Коня!» – и верхом ускакать из палаты». Впрочем, от болезни раньше своего строгого срока не ускачешь.

Одним из моих соседей по палате был школьник лет 12, серьёзно покусанный овчаркой в своём селе.

Всё же, покусы его не требовали слишком долгого лечения, поэтому лежал он дней 10. Но за эти 10 дней он успел проявить себя как мастер ораторского искусства в повторении больших глупостей взрослых. Этими повторами родителей, родни, взрослых больших авторитетов, увы, страдают почти все дети. Я и не осуждаю их, но выдаваемые ими уверенные сентенции иногда беспощадно уморительны.

Главным собеседником для этого сельского паренька, собиравшегося стать кадетом, был подросток лет 16 из другого села, постоянно пробовавший грядущего кадета на прочность. Обычные «парни с прыщавой совестью», как назвал эту шпану Илья Кормильцев в замечательной песне «Наутилуса» «Взгляд с экрана». Кадет был сыном состоятельных, особенно по сельским меркам, родителей, которые уже успели свозить его за границу: то ли в Турцию, то ли в Египет. Он был проездом в Москве: из аэропорта вылетал в далёкие и недоступные некогда для односельчан южные страны. Объясняя, чем ему не нравится Москва, и почему он не хочет жить в городе, кадет раздумчиво, но уверенно, в темпе своей проворной речи, сказал, что их «село развивается: не то, что город».

Я знаю это село: я каждый раз проезжаю мимо этого захолустья в ещё большее захолустье. Я знаю, как оно «развивается». А паренёк, видно, искренне гордится пятью-шестью сельскими магазинами, один из которых содержат его родители, да пилорамой, которую обслуживают пролетарии всех стран, объединившиеся на время для больших лесопильных дел. Для многих там это дело будущего, будущего, которое уже частично спилено. Будущего, которое они допиливают каждый год. Будущего, которое они срезают под корень. Не знаю, что развивается в этих сёлах. Видимо, больше всего фантазия жителей и неадекватная самооценка. Иначе пришло бы в недалёкую голову паренька так беспощадно и самоотверженно унижать город в палате?

Прикованное традицией искусство

Литературное образование для писателя, как и профессиональное образование вообще в любой сфере, для многих неопровержимо: люди уверены в нём, в его пользе, необходимости, нужности. В наше просвещённое время это кажется очевидным, но мой скромный опыт наблюдения за искусством и литературой, в частности, упрямо говорит, что в творчестве образование иногда чрезмерно, и когда его бывает чересчур, подлинному, новаторскому, смелому творчеству приходит конец.

Профессионализм предполагает следование прежнему опыту, прежним достижениям, знаниям, приёмам. Для ремесла, для работы он необходим: он помогает человеку в исполнении своей миссии (врачу, преподавателю, пекарю, сапожнику и т.д.). Но их миссия – приложение знаний к жизни, а искусство прикладывает жизнь к себе и получает из этого соприкосновения новый опыт (духовный опыт поэта или научный опыт исследователя), поэтому творческий человек не может ограничивать себя опытом прежних людей, творцов, ваятелей культуры, как бы хороши они ни были, как бы не наполняли их привычностью школяров и студентов. Творческий человек рвётся из вселенского опыта, осознавая его, его рамки и границы.

Да, для осознания этих границ, границ, за которые нужно пытаться выйти, творческий человек должен знать искусство прежнее, бывшее до него. Объять всё культурное наследие человечества – неодолимая задача. Я не против образования в искусстве, нет. Но часто человек, знающий о своих предшественниках многое, находит свой путь не проще своих невежественных собратьев, а трудней, или не находит его вовсе, а так и держится возле традиции предшественников, создавая своё прикованное традицией искусство, искусство вторичное и несвободное (от штампов и влияний) априори. Прежний опыт, знания о нём, сковывают ум, его искания. Не всегда, но часто.

К примеру, я заметил, что часто творчество моих знакомых филологов, пишущих стихи, предсказуемо. Это бывают крепкие, хорошо скроенные тексты, но сшитые этак под Пушкина, под Лермонтова, под Есенина. А каждый из них, уважая предшественников, выработал свой стиль, свою поэтику. Если ты копируешь кого-то, то ты и останешься копией этого человека, потратишь себя на повторение его, не оставив искусству себя, своего слова, которое может быть не таким громким или красивым, как слова классиков, но зато оно может быть именно твоим: чужие слова сказаны до тебя – пришло время своих слов. Иногда своих слов оказывается больше у невежественных самоучек, Кулибиных от литературы, чем у тех, кто выучил классиков и научился повторять их слова, надеясь повторить их судьбу или успех и славу.

Образование литератору нужно. Не нужно, чтоб образование сковывало литератора, заменяя собой его самого.

Освобождающие книги

Нет, конечно, трудно верить теперь, в наше отверлившее время, что кто-то может так поверить книге,

слову книжному, что всерьёз и надолго изменится, изменив тем хотя бы немного и жизнь. Да и нужно ли это? Мне, к примеру, такая ответственность за чужие жизни и судьбы, в которые вмешивается своим текстом писатель, была бы в тягость, так что нам остаётся только радоваться некоторой постмодернистской безответственности.

Ответственность за слово необходима: без неё нет веры писателю, а потому нет ни смысла писать, ни писателя. Но это ответственность за себя, а не за читателя, который может быть непредсказуем, как и его восприятие твоих текстов. Кстати, раньше с этим было серьёзней. Помните, как возопил отчаянной строкой Александр Блок: «Молчите, книги! Я вас не писал!» Вот ломало человека, совестью мучило! А сейчас бы ребята, снисходительно хмыкнув, сказали: «Плющит парня не по-детски».

Но книга может освободить человека. Откуда? Из плена обыденности, лжи, собственного молчания, подавленности и забитости. Я помню, как удивительно было мне слышать на втором курсе технического ВУЗа лекции по философии и практические занятия, на которых преподаватель говорил иногда вслед за великими умами прошлого то, что ты сам, говоря про себя, считал своим бредом, чужим миру вздором, который надо хотя бы припрятать, если не можешь и не хочешь избавиться от него полностью, сталкиваясь с вопросами жизни к тебе и твоими вопросами к жизни. Иногда человек просто не осмеливается понять что-то важное, не решается понять, не находит сил в себе на это, на правду или просто на мнение, отличное от сверстников, взрослых или прочих авторитетов. Довлатов говорил, что все, кто думает, несчастны. Вот и боится человек то ли стать несчастным, то ли стать счастливым, но без окружения: позволят ли быть счастливым не вместе с ними? Позволят ли вообще быть? На это нужна смелость, а за смелость иногда нужно платить. Да и проверять смелость хочется многим, а зачем человеку лишние хлопоты и проблемы, когда ещё жизнь надо устраивать?

Но если ты однажды осмелишься понять, что жизнь твою за тебя проживают, и весь ты выстроен и вымерян своим окружением. Окружением, которому ты добровольно выменял свою свободу и право иметь мнение на комфорт и спокойное житьё. Да только мнение и сам ты не унимаешься, не хочешь пропасть, то этакая злоба берёт за себя, что думы рвутся вольницей, и ты начинаешь понимать, кому удобно твоё послушное мнение, твоё согласие с тем, что здесь принято, с тем, согласно чему, ты всегда будешь некоторым недочеловеком или вторым, третьим, последним. А ты ещё послушной трусостью соглашаешься считать себя тем, кем они тебя посчитали, тем, которым ты и удобен, таким послушником лжи и их понятий. И не потому, что ты последний трус, а потому, что ты знаешь наверняка, точно, прочно, что все кругом такие, и других нет, не будет никогда и не было.

А тут в книге «Игра в бисер» нобелевский лауреат Герман Гессе говорит твоим бредом, цитирует твой самый смелый и страшный своей смелостью бред! Нет, ты не бежишь показывать книгу всем, но внутренне книга высвобождает в тебе собственную волю, ты становишься ментально смелее, свободнее. Наверно, такие высвободившие тебя книги были у каждого или хотя бы у многих. Не научившие тебя, а именно высвободившие тебя. Правда, книги иногда освобождают не только от прежних сомнительных авторитетов, но и вообще от мира, который не любит тех, кто забывает о нём и с ним не считается, поэтому книга не должна освобождать тебя от ответственности за себя – «Следи за собой! Будь осторожен!», как пел, предостерегая, Виктор Цой. Слишком часто тех, кто освобождает себя от мира, мир не освобождает от себя, напоминая о себе недвусмысленно и жёстко.

Анатолий НЯГУ

Родился 28 ноября 1961 года в г. Бельци. 1969-1979 годы - учеба в средней школе №13 г. Бельци. В 1984 году окончил факультет общетехнических дисциплин и физики Государственный Университет г. Бельци. В разные годы работал, секретарем комсомольской организации ПТУ-3; учителем в школе; инженером в АТБ-5; судебным исполнителем в народном суде. Живет в г. Кишинев. Пишет стихи, тексты для песен, картины, менеджер известной вокально-инструментальной группы EDICT. Многократный участник конкурса Евровидения в Молдове и Румынии.

Гимн настоящему человеку

Я не пьющий, не курящий,
Я мужчина настоящий,
Честь и совесть берегу,
Волю предков я храню,
Нет во мне корысти, страсти,
Нет порока, жить во лжи,
Не могу себя заставить
Жить без чести и любви.
Много глупости людской
Окружает нас с тобой,
Учат все тебя как жить,
Себе блага как добыть,
Но не ведают они,
Для чего сюда пришли,
Обрести мы все должны
Просветление души.
Если стержень есть в тебе,
Если предков чтить в себе,
То никто и никогда
Погубить тебя не сможет,
Ведь дороже нашей жизни
НЕЗАБВЕННАЯ ДУША.

Счастье

Нет больше радости на свете,
От счастья ты не убежишь,
Оно приходит к нам неожиданно,
В своей душе её хранишь.
Ведь счастье, как ребёнок малый,
Порой испытывает нас,
Оно уходит, не прощаясь,
И в сердце гаснет уголёк.
Но если сможешь вдруг, однажды
Ты людям счастье подарить,
Оно к тебе вернётся снова,
С тобою будет вечно жить.

Просветление

Мы «БОГА» ищем где-то,
Не ведая, где он,
И жизнь свою напрасно
Теряем день за днём.
Не делаем усилий,
Чтоб истину понять,
От нас скрывают правду,
Мы в рабстве, лжи живём.
Но в этой тьме бескрайней
Ростки пробьются света,
Душа, наполняясь знаний,
Становится творцом.
Какое это счастье, –
Оковы рабства сбросить,
Что сотни лет терпел.
Я посмотрю на звёзды
С улыбкой на лице,
Я свет несу Вселенной,
Она наш отчий дом,
Пора нам пробудиться,
Тогда мы всё поймём.

Остров одинокий

Слеза любви упала в небо,
Небесным морем стала там,
И плещут в нём дельфины, стая,
Русалки там покой не зная,
С морскими звёздами играя,
Кружат в воде свой хоровод.
Плывут акулы и киты,
Хвостом махая одиноко,
На дне кораллы, жемчуга,
Они как будто ждут тебя.
И в этом мире красоты
С тобой, любимый, мы одни,
Найдём мы остров одинокий,
Его мы Раем назовём,
Там будем счастливы вдвоём.

Давным давно

В поле лошадь мчится быстро,
Искры из копыт летят,
А на ней в кафтане с золотом
Статный, молодой варяг.
Там пшеница золотится,
Там снопы стоят все в ряд,
И крестьяне запевают
Свои песни невпопад.
Солнце за гору ложится,
Красным заревом сверкая,
Ветер свежестью дразнит,
И навстречу молодцу
Идет девица, резвится,
Глазки прячет, вся стыдится
И улыбка на лице.
Вместе за руки берутся,
Взглядом чувства говорят,
По тропинке им спустится,
С родника воды напиться,
Что в ладони наберут.
А потом он скажет нежно,
Только ты, любовь моя,
Знаю я, уверен в этом,
Нет мне жизни без тебя.

Родина

Родина милая!
Всеми забытая,
Все, кто у власти,
Делят тебя.
Родина милая!
Всеми унижена,
От грязи невежества
Избавь ты себя.
Раны и боль
Тобою залатаны,
Никто не узнает
О них никогда.
Забыли тебя
В этом мире безнравственном,
Колыбелью была
Тем, кому дорога.
Ты умеешь любить,
И прощать ты умеешь,
Помогаешь всегда,
Тем, кто любит тебя,
Ты утешить спешишь,
Когда просит душа,
И всегда ты узнаешь,
Кто достоин тебя.
Если вдруг так случится,
Буду я далеко,
И от брэнной той жизни
Будет мне не легко,
Ты всегда будешь рядом,
Это свято для всех,
Сохраню тебя в сердце,
Ты одна у меня!

Мы советские люди

Мы, советские люди,
В той стране родились,
Небеса там другие,
И деревья, и лес,
Родились мы, ребята,
Там, где столько чудес,
Никогда не забуду
Ив, красивых берёз,
Родниковой водицей
Напивался из рук,
Когда счастьем вокруг
Наполняется звук.
Почему так случилось,
Всё вокруг изменилось,
Люди грустными стали,
И в печали душа,
Нет улыбок на лицах,
А в глазах пустота.
И тревожат нас мысли,
Как же дальше нам жить,
Безразличны нам стали,
Все вокруг, и друзья.
Мы, советские люди,
Не вернуть никогда
Те счастливые годы,
Как осколки остались
От советской страны.

Русь моя!

Где ты, Русь моя,
Сторона былинная,
Где сыны твои,
Дочери невинные,
Предками любимая,
Что в земле лежат.
Где ты, Русь моя,
Непокорна, милая,
Где твои просторы,
Края не видать,
Мудростью наполнена
Великая душа.
Где ты РУСЬ моя,
Ветром унесенная,
Будто в небытье,
На кресте распятая,
Глупостью людской.
Где ты, Русь моя,
Часто позабытая,
Сколько дел великих
Снова ждут тебя,
Ты любовь заветная,
Я горжусь тобой,
И наступит скоро,
Век твой золотой.

Алла СТУПИНА

Родилась 5 августа 1950 г. в с. Згурица Дрокиевского района Молдавии. Окончила филологический факультет Кишиневского педагогического института им. Иона Крянгэ. Работала в школе, затем – экскурсоводом в Кишинёвском бюро путешествий и экскурсий. В настоящее время на пенсии. Занимается краеведением.

Моя гостиная

*«Окружают стальные прутья,
Любопытство пытливых глаз –
Несвободу свободной грудью
Демонстрирует напоказ»
«Львица», Надежда Дёмина*

В час пик

В маршрутке что-то страшное творится –
Вино, чеснок и пота аромат.
Куда ни повернешься – злые лица,
И режет уши трёхэтажный мат.

Мне повезло: упала на сиденье.
Над головой уже растёт «кокос»,
То чьи-то гениталии в смятенье
Касаются моих седых волос.

Бой с внуком

*Видно, меня не любишь,
Раз никогда не звонишь,
Вырастешь – кем ты будешь,
Чем этот мир удивить?*

Мне всё смешно, и всё по барабану.
Ты успокойся, бабушка, ништяк!
Не делай выводы о жизни слишком рано,
Ведь в голове моей пока бардак.

Сегодня три ошибки сделал в слове,
И «щучка» получилась с буквой «ю»,
Но, думаю, печалиться не стоит –
Я лучше всех танцую и пою.

Дед, не шуми, и бабушка, не парься,
У вас растёт примерный ученик.
Не зря мечтаю побывать на Марсе,
Там не нужны ни табель, ни дневник.

Благодетелям

Ночь не спала сегодня,
Радость пришла на порог:
На Воскресенье Господне
Мне райсобес помог.

Я заночую у кассы,

Чтобы с утра получить
Сумму, дающую шансы
Вкусно поесть и попить.

Много куплю подарков,
Пряников и конфет,
Будет красиво и ярко,
Всех приглашу на обед.

Быстро составила список,
И получилась... фижня.
Значит, куплю сосисок,
Мясо не для меня!

Не медово, не сладко...

С этой минуты всё невпопад,
Жизнь пошла кувыркком.
Дней черёд превратился в ад,
Больше не радует дом.

Больше не нужно куда-то спешить,
Думать и рано вставать.
И безразлично, как дальше жить –
Можно на всё наплевать.

Тексты сочувствия не для меня,
Всё устарело давно.
Пить остаётся день ото дня
Горькой судьбы вино.

Ждут монотонные будни и мрак,
Скучно и страшно жить.
А для родных и друзей ты дурак,
Если рискнул их любить.

Сон в Долине Роз

*Как мне живётся и спится,
Только спроси, поделюсь:
Я побывала в больнице,
Жизнь оценила на вкус.*

Твёрдо сжатые губы,
Играющие желваки,
Злобно скрежещут зубы,
Спрятались где-то зрачки...

Снова ты рядом со мною,
Сгонишь улыбку с лица,
Только проблема не стоит
Выеденного яйца.

Дай же уединиться
Хотя бы внутри себя.
Можно восстановиться,
Если не видеть тебя.

Фабрика чёрной злобы...
Где ты берёшь сырьё?
Дьявол вмешался, чтобы
Родить такое зверьё.

Что-то такое и раньше
Видела в страшных снах:
Горе, болезни, а дальше –
День, умытый в слезах.

Строятся беды парадом,
Чёрный нахлынул поток.
Белые стены палаты,
Давит на грудь потолок.

Поздно давать советы,
К чему словесный понос?
Кофе и сигареты
Лучше бы мне принёс.

Себя исчерпала и съела,
Навек о покое забыв.
На скорости жизнь пролетела,
Любить не смогла, полюбив.

Весенние грезы

Снова пришла суббота,
Ревизия на носу.
Гложет одна забота:
Что же домой принесу?!

*Письмо папе и маме.
Посвящается Диме.*

Я буду ходить на работу,
И перестану бухать,
К вам проявлю заботу,
Стану за всё отвечать.

От свинства очищу квартиру,
Порядок в ней наведу,
Крестину, Люду и Иру
Отправлю ко всем чертям.

На путь исправления встану
И в гости приеду к вам.
Во всем, дорогая мама,
Смогу разобраться сам.

А если Галя когда-то
Мой переступит порог,
Буду считать наградой
Личной жизни итог.

Пока это лишь мечтанья,
Грезы и дивные сны.
Дни и часы в страданиях
Мною не учтены.

Зеленого Змия очи
В душу глядят, маня,
И снова туманные ночи
Закружат в пьянке меня.

Ночь в музее

Осознавая значение
Событий последних дней,
Простите за настроенье –
Я на своей волне.

Не посмотрю телеящик,
Не прочитаю газет –
Ими спугнёшь удачу,
Счастье сведёшь на нет.

Спокойно, ведь я в порядке,
На ум не влияет жара.
Стихи сочиню для разрядки,
И радостно будет с утра.

На остров добра улетаю,
Туда, где растут цветы,
Где все тебя понимают
И всех понимаешь ты.

Игорь ХОМЕЧКО

Родился 28 февраля 1977 года в городе Бельцы, Молдова. Учился на философском факультете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. В настоящее время преподаватель истории Бельцкого теоретического лицея им. В.Маяковского. Автор нескольких сотен стихов, а также публикаций. Автор года-2011 в номинации «Поэзия». Живет в Мурманске.

Умеющая ждать

Распахнутыми рамами
Июль встречает он,
Фырчит – мурлычет транспортом,
Как верный кот Семен,

Что годы шел до города,
На Родину, домой,
Купив билет втридорога,
Увидеть облик твой.

То – солнцем обэкраненный
В озерах голубых,
Зовущий в небо храмами
На улицах седых,

Впитавших соль столетия
Со счету сбившись дням.
И – вехами отметины
По скверам, площадям.

То – хмурую прохладую
Укутавшись в пальто,
С небес слезинки падают,
Стучатся в каждый дом.

Погода переменчива,
То жар, то холода,
Ведь Мурманск – это женщина,
Что вечно молода.

Судам на рейде грезится
Фигурка вдалеке,
Спасение от месяцев,
Исхоженных в тоске:

Форпост России в Арктике –
Невеста или мать,
Среди скамеек парковых
Умеющая ждать.

* * *

Ты теперь далеко, за границей,
За три века пустой суеты,
На дворе, как в палате больницы,
Белоснежные всюду бинты.

Как медсестры, склонились березы
У постелей кирпичных бедняг,
Хлороформом врачуют мороза
Перед скальпелем нового дня.

Ампутации ныне без боли:
Чирк по сердцу – и нету души,
Лишь рябинными брызгами крови
Путь пустынный в закаты прошит.

* * *

Мчат белогривые кареты
К тебе, стремглав пронзая высь,
Чтоб подарить частицу лета,
Игривость трепетной листвы,

И нежно-лунные просторы
В последний предрассветный час,
И негу ласкового моря
В заката солнечных лучах.

Их бег стремителен, неистов –
Они торопятся, спешат,
Но как бы ни летели быстро –
Быстрее них моя душа.

Коснусь тебя украдкой, – снова
Я затеряюсь в городах,
Чтоб только ты была здорова,
Ну и – чтоб счастлива всегда.

Полярная ночь

Яркий свет здесь больше не тревожит,
Как Спаситель, ночь явилась в мир,
Полумрак всех делает моложе,
Груз столетий – только краткий миг.

Не увидеть возраст нежных елей
В белоснежно-вычурных манто,
Отчего березки поседали,
Кто какой печалью угнетен.

Спасены заботливой метелью,
Нет отныне старых и больных,
Облака качают в колыбели
Нас, младенцев, что опять юны.

* * *

На стекле в серой дымке матовой
Твой до боли родной портрет:
Ты читаешь стихи Ахматовой,
Но меня с тобой рядом нет.
Я за тридцать три бессонницы
Растворился в лиловой мгле,
И теперь колоколен звонницы
Лишь рыдают дождем по мне.

Дом мой бывший, скрипя, сутулится,
Одряхлевши от бездны лет,
От объятий пустынной улицы,
На которой меня уж нет.

Ты, как прежде, смеешься весело,
Излучая волшебный свет.
Без тебя только мне непесенно,
Без тебя – в никуда билет.

Я с тоскою слежу за птицами,
Что помчатся стремглав на юг,
Здесь ты будешь лишь только снится мне,
Посреди монотонных вьюг.

* * *

Век клонирует киллерский день,
Монотонности ржавое лезвие,
Чирк по горлу – и нету поэзии,
Лишь ее бездыханная тень.

Тучи ставят капканы на мысль
С оголтелым упорством охотника,
Триллионно распяты сын плотника
Не спасет одряхлевшую жизнь.

Солнце – кок, раскаливший балкон,
Чтобы в нем приготовить яичницу

Из того, кто когда-то был личностью,
Кто мечтами бывал упоен.

Эх, иметь бы проворство ужа,
А не грузность косматого филина,
Объявить бы охоту на киллеров,
Да невмочь, под наркозом душа.

Все короче и тоньше фитиль,
В небо он не взвывается пожарищем,
Догорит – похоронят товарищи
Под мертвящий, бессмысленный штиль.

* * *

В плащ-палатку серую тумана
Убран холм, вернувшийся с войны,
Без листвы он в хмари прячет раны:
Боль стволов – культяпок костяных.

Как и я, он в схватках изувечен,
Убеленный жизнью русский лес,
У меня от холода и сплетен
Вместо сердца тоже ведь протез.

В никуда от прошлого отчалив,
Я к кресту разлучному привык,
И душа тихонечко скончалась,
Истерзал ее иконный лик.

Мертвых не пугает чья-то злоба,
Саван дня ко всем печалям глух,
Как земля ласкает крышку гроба –
Серые снежинки по стеклу.

* * *

Истерта жизнь, как старое письмо,
Написанное юною рукою,
Где строки – возмутители покоя
Сонм бережат забывшихся имен.

И снова тень короткого «люблю»,
Лишь только тень забытого Амура,
Как свет смягчает ласка абажура,
Души на миг рассеет неуют.

Падет стотонный груз минувших лет,
Засну я, убаюканный любовью...
Но словно змей, струится к изголовью
Безжалостный, трезвяще-яркий свет.

А в зеркале предательском – старик
Смеется непонятною улыбкой,
Иль слезы льет он в полумраке зыбком,
Встряхнувшийся от дряхлости на миг?

Ольга ЛАВРОВА

Поэт. Фотограф. Публицист. Неоднократно публиковалась на страницах отечественных и зарубежных изданий. Серебряное перо Руси-2014. Второе место в Международном литературном тютчевском конкурсе «Мыслящий тростник» в номинации «философское эссе», 2014. Медаль генерала М.Д.Скобелева «За верность Отечеству» от Союза писателей России. Медаль «За солнечную деятельность» за свет в произведениях от Музея Солнца. Награждена грамотой «За верность традициям великих» от Международного Союза писателей «Новый современник» и грамотой «За духовность» в номинации, курируемой профессором Богословия Алексеем Ильичом Осиповым.

* * *

«И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя. Дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так».

Книга Бытия. Творение. Гл.1-11.

Пьются травы легко
по глотку, по глотку,
Каждый вдох
до мельчайшей вбираю.
Ощущаю сейчас
я на этом лугу,
Может быть,
изумительность рая...
Омывает до самой
макушки красой,
и краса эта
нынче святая.
Во всю ширь до небес
соткан день
чистотой,
ни конца ей не будет,
ни края.
Я уйду –
всё останется прежним,
как есть.
И бескрайность, и тишь,
и пронзённость.
Им дарована Богом
великая честь –
человека принять
в сотворённость.

* * *

В неподкупном свете солнца
Одуванчиков макушки,
Как смешливые веснушки
Солнечной Земли моей,

В майской зелени волнуясь
Под ветрами любопытства,
Договаривались взвиться
Выше облачных полей.
И наряженные Утром,
Напоённые Весною,
Предрассветной пеленою
Платья белые надев,
Тоньше сказки лебединой,
С настроением цвета неба,
В ослепительную небыль
Рассмеялись, улетев...

* * *

*«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною;
и Дух Божий носился над водою».*
Книга Бытия. Творение. Гл.1-2.

Под парами туманов
В колыбели покоя
Среди снов беспрестанных
Есть родное такое
Ощущение дома,
Стен, наполненных негой,
Где доверия вдоволь
Меж землёю и небом.
Семя так прорастает,
Прорываясь сквозь что-то,
Что затем отлетает
В невозвратность отсчёта.

* * *

Дождь снова щедр на разговоры,
Болтливой мерностью своей.
За словом новых слов подпоры
Шлёт чётче, глуше и честней.
Выплакивает «правд» неправды
Начистоту, с главы до пят.

Своею силою отправной
 Делясь, пока ещё не спят.
 Намерений он не нарушит,
 Того кто слышит – не предаст.
 Проникновенностью задушит,
 Душевной сбивчивостью фраз.
 Услышит ли мой голос тихий
 Отсюда посланный ему?
 Рассказывай, почём фунт лиха!
 Ты говори... Я всё пойму!

Иерусалим

Жара, и я в потоке града вечного...
 Вода с собой.
 Живых кресты иль мёртвых человечнее?
 И мой – со мной.
 И тот, нательный, видимый, неспрятанный –
 Монаший крест,
 И тот, незримый, родовой, с заплатами...
 Родной насест,
 Откуда вывело путями дальними,
 Да на года,
 Но тащишь до последней самой малости
 С собой всегда.
 Пожизненно к тебе приговорённые
 Отец и мать.
 Кто был, кто есть, душой запечатлённые –
 Ей не соврать.
 Веков глухих расплавленное золото
 Несу с трудом.
 Внести, не потерять молитвы молота
 В Господний дом.
 За бывших и за будущих отмяться,
 Испить с ножа...
 Какое счастье здесь успеть покаяться!
 Журчит душа...

* * *

Километры путей обдувает ветрами,
 Дрожь вагонов в составе с короткими снами.
 Больше суток студентке, мне, дарит дорога,
 И попутчиков в стужу досталось немного.
 Спрыгнул с полки сосед: Что читаешь, землячка?
 Я...? «Блокаду», Чаковского. Чуть ли не плача,
 Голос рвётся... Глаза – что открытая рана.
 Кипяток в двух стаканах принёс из титана.
 Онемевшей, сухой, ослеплённой от боли...
 Не могу про войну книг читать, – он промолвил.
 Я там был... Замолчал, губы в нитку сжимая.
 И кино про войну не могу... Понимаешь?

Если слышу звук мин и летящих снарядов
 Инстинктивно – «ложись!».

На живот – тут же рядом.

Закрываюсь руками и голову прячу,
 А другие смеются: – Смотри, дед чудачит!
 Сколько раз сам себе говорил – это съёмки,
 Но война растреклятая снова вдогонку.
 Молча чай допивал, может, с теми, кто падал
 И уже не вставал в этом блоке из ада...

* * *

Утро в росах –
 Земли подвенечное платье.
 Нежностью и чистотой
 Увенчана.
 Выбрала всех!
 Нет обделённых.
 Каждой ворсинке дано
 Ощущенье планеты.
 Выдержи только корону –
 Не смей преклоняться.
 В ней – на свиданье
 С лучом, пробивающим тьму.
 Выпьет он росы
 Во здравие жизни
 Любого из сущих.
 Разбора здесь нет.

* * *

Я помню, как мне в девяностых
 Сломаться пришлось и не раз.
 Прошедших сквозь эти погосты
 Отечества всех метастаз,
 Тотчас узнаю с полуслова,
 С умения слышать меж строк...
 Они, как и прежде, готовы
 К душевному «на посошок!»
 И что это значит, понятно –
 Протащит нас дальше ворьё.
 За четверть столетия распято
 То, наше, на «только моё!».
 То, наше, огромным казалось,
 Столь нужным в безбрежной стране,
 Чем самая малая малость
 Теперешнего «мне и мне...».
 Как прежде, бредём терпеливо
 Остатками наших дорог.
 И личные боли стыдливо
 Готовы скрывать как ожог.
 Из матери мачехой стала
 Страны потускневшая тень.
 Бредём с девяностых, устало,
 Бескровною мукой потерь.

Лариса САФТА

Родилась 18 мая 1950 года в селе Баймаклия Кагульского района в семье педагогов. В 1967 г. окончила Кагульскую среднюю школу-интернат и поступила на фармацевтический факультет Кишинёвского Государственного медицинского Института (1972 г.) Первая должность – преподаватель фармацевтического отделения Кишинёвского медицинского училища. С 1998 по 2002 годы работала начальником лаборатории по контролю качества лекарств на молдо-германском фармацевтическом производственном предприятии «ПЕРФУЗОН», а с 2003 по 2014 год – начальником отдела безопасного уничтожения медикаментов Национального Института Фармации (с 2005 года – Агенство по лекарствам). Стихи пишет с 2003 года, а первое печатное издание было выпущено в 2004 году.

Доброе утро!

Доброе утро, любимый!
 Уж свет просочился в окно,
 птицы все хором запели,
 прохладой пьянит как вино.
 Бриллиантом на листьях сверкает
 чистейшая роса,
 к листку, смотри, подлетает
 галантная оса.
 Цветы разноцветные глазки
 все разом открыли они.
 Здраваться с нами, любимый,
 пришел к нам Мир, погляди!
 Сонечка, вставай, проснись,
 свой сладостный сон отгони,
 нашу жизнь освещает, очнись,
 Солнце на небе, взгляни.
 Вот травинка выпрямилась –
 какая смелая она!
 Другой травинке поклонилась,
 краснея, лишь слегка.
 Домой к себе направляется
 теперь довольная Луна,
 Природа дню восхищается...
 Любимый, нас будит весна!

Ревность

Скажи мне, ревность – оружие,
 чтобы любовь убить,
 Или же это щит,
 чтобы ее защитить?
 Скажи мне, ревность – признак
 того, что любовь жива,
 Или же это знак,
 того, что она ушла?
 Скажи мне, ревность – болезнь,
 которую надо лечить,

Или же это ересь,
 которую надо забыть?
 Скажи мне, ревность – крах
 любовных ожиданий?
 Если же это так,
 то готовься для прощаний.

День счастья

Давай устроим из наших дней
 День счастья быть вместе,
 по красоте неповторимый,
 под стать окрыленной мечте.
 День с ярким солнцем над головой,
 что озаряет наши лица,
 с лаской ветра, что чувствуем мы,
 находясь друг от друга так близко.
 День с симфонией – даже в траве,
 что приподнялась, танцуя,
 в середине этой лютой зимы
 день весны с ее запахами.
 День обрадованной мысли,
 что разум на такое решился!
 День прикосновения наших глаз
 и сердец, чего так давно ждали!
 День счастья, и Радуге повезло –
 доверили окрасить в свои цвета!
 День нашей любви, и никогда
 нам расставаться ни за что нельзя.
 День рождения природы,
 что любовь нашу родила,
 и, одев в белый наряд подвенечный,
 нас за собою в рай увела!

Вечная любовь

Подари мне одну ночь,
 разбери ее по часам,
 чтобы душе помочь –

поверить в чудеса.
 Подари мне один час,
 разбери его по минутам,
 и пусть наши тела
 упиваются друг другом.
 Подари мне одну минуту,
 разбери ее по секундам,
 и, чтобы сохранить мечту,
 любить всегда тебя буду.
 Подари мне одну секунду,
 разбери ее на мгновения,
 чтобы чувствовать жажду
 нашего соприкосновения.
 Подари мне одно мгновение,
 разбери его на вечность,
 чтобы ушли все сомнения –
 нашей любви бессмертности.
 Подари мне вечность,
 чтобы вместе мы были!

Подарки для любви

Я разнимаю объятия крепкие,
 чтоб вновь на миг посмотреть на тебя,
 чтоб увидеть глаз, губ движение
 и походкой твоей насладиться.
 На шаг от тебя отдаляюсь я,
 чтобы окружение разведать,
 чтоб запах розы – смог к тебе добраться,
 запретить – комару – тебя обижать...
 ...Убедиться, что тень твоя не устала,
 что не иссякло – солнца сияние,
 а твое дыхание – не стиснуло –
 горизонт нашего общения.
 Из поля твоего обзора – ухожу,
 чтоб затем поделиться его тайной
 и теплом, что у разлуки одолжу,
 чтоб вновь тебя согреть – как в день первый.
 Я засыпаю лишь на мгновенье,
 чтоб вернуть молодость, сил набраться,
 чтобы дать передышку – страсти к тебе,
 а затем этим с тобой поделиться.
 На минуту в раздумьях закроюсь я,
 чтоб придумать, как менять себя, среду,
 будничности – не дать шанс поселиться –
 в твоей душе, она навеет скуку.
 Уйду в подполье, чтоб язык выучить:
 хода времени, шороха листа...
 Чтобы впоследствии тебя удивить –
 тем, что слышать ты намеревался.
 На миг зайду в кладовую памяти,
 чтобы проверить – счастья – подпорки,
 чтоб место для настоящего – найти
 и придать новизну – нашей любви.
 Я уже пришла, вновь буду с тобой –

широко распахиваю объятия,
 прижмись скорей ко мне любовью своей!
 Прими ж подарки к юбилею счастья.
 А что ты принес с собой для любви?

Я приветствую весну!

Навстречу метели упорно иду,
 она ж направила весь гнев на меня –
 яро его руками отгоняю,
 но усмирить ее не могу я.
 Толкает меня, прямо в лицо бьет –
 от стужи замерзают движения.
 За горизонтом уже вишня цветет,
 а из-за вьюги мне к ней не добраться.
 Я объясняю ей, что хочу в весну,
 что почитаю тепло, цветы, пчелок,
 собирать в букет запахи – желаю
 и что очень по бабочкам скучаю...
 Зима чувствует, что ей остается –
 все меньше шансов, чтобы диктовать:
 в каком наряде погоде явиться,
 и все – насильно – морозом наряжать...
 Да, беспощадны намерения –
 этой, на первый взгляд, чудной чистоты;
 ее ж сверкающая внешность лжива,
 иначе мне путь к весне открыла бы.
 Властью запрета меня не удержать –
 ведь весна на мою сторону стала!
 И солнцу надоело замерзнуть,
 да и уходит от стужи сила...
 ...В вьюге звучит лишь бессилия вой,
 и вселился хаос в кружение снега...
 Уж вечностью век уносится твой,
 а перед ней не устоит никто.
 Победительницей выхожу я –
 из заснеженных сугробов твоих:
 они тают под натиском желанья,
 чтоб увлечь весну в объятия мои.
 Весна, я здесь! Я приветствую тебя!

Каскад хокку

* * *

В полной темноте
 Сова найдет дорогу
 Не только к гнезду
 * * *

К сухому стеблю
 Прильнула гусеница –
 Глаз не оторвать
 * * *

Дуга радуги –
 Преемница былой грозы.
 Воздух стал так чист.

Сергей ТЕРНОВЕЦКИЙ

Родился в 1959 году в г. Кишинёве. Окончил десятилетку. Работает на мебельной фабрике слесарем. Стихи пишет с юности.

Сыну

Там, где-то далеко, за океаном,
Ты будешь в своём доме отдыхать,
И вот однажды утром, в день весенний
Звонок раздастся, ты не будешь ждать.

Тебе сообщат, что нету больше мамы,
Что нет твоих родных, что ты один,
Но не отчаивайся, сынок, ты просто помни,
Что дожили не зря мы до седин.

Ты помни, сын, что были папа с мамой,
Которые молились на тебя,
Что дали жизнь тебе, подняли, воспитали,
Лишь одному тебе свою любовь даря.

Когда болел ты – мы с тобой болели
(К святому приходили за мольбой)
Когда смеялся – мы с тобой смеялись
Когда ты плакал – плакали с тобой

Ты не грусти, сынок, наш век, увы, короткий,
Когда-нибудь мы все туда уйдём.
Вот мама и ушла, поближе к солнцу,
Ушла, укрывшись солнечным дождём.

Ушла на небеса, где блажь и радость,
Ушла к отцу, которого уж нет.
И ты один, сынок, остался в этом мире,
Но ты живи, сынок, прекрасней жизни – нет.

* * *

Не рвите душу мне, прошу,
Не говорите мне о доме,
Где вырос, где любил, где жил, –
Я без него сейчас как в коме.

Где мать меня всегда ждала,
Там, где всегда тепло мне было.
Сейчас там пусто, тишина,
И печка уж давно остыла.

Налейте рюмку водки мне,
Нет больше милого порога,
Не рвите душу мне, прошу,
Дайте пожить еще немного.

* * *

Он жил как все. Любил, страдал, работал.
Был дом, была семья, был счастлив он,
И кроме этого был друг. Была собака –
Немецкая овчарка. Кличка Бон.

Всё шло своим путём. Года летели,
И пенсии тут срок уж подошёл.
Казалось бы, живи и в ус не дуй ты,
Но рана вдруг открылась. Срок пришел.

И слег он. И дела уж были худы.
Жена попа позвала, чтоб он отчитал.
И вот в один из дней хмурных, осенних
Он пса к себе в последний раз позвал.

Прости, дружок, но, видно, не судьба мне,
Наверно, бог меня давно к себе призвал,
И, скинув тёплое пуховое одеяло
Свою собаке рану показал.

Бон тихо проскулил, слегка нагнувшись,
Лизнул он рану, и второй, и третий раз,
Потом, как будто молча извиняясь,
Он удалился, он исчез с хозяйских глаз.

Вот так он приходил почти неделю,
Полижет и тихонечко уйдет,

Через неделю наш герой преобразился,
Хоть потихоньку, но по комнате пройдет.

А через месяц он дрова колот в подворье,
Жена налюбоваться не могла.
Но слег вдруг пёс: Не пил, не ел, не лалял, –
Он тихо умирал. И смерть ждала.

Дождалась наконец. Он умер утром.
Над другом долго он стоял. Слеза текла,
И проплывали в голове былые годы
Там, где собака ещё юною была.

И хоронил её совсем как человека,
Был гроб. Лишь положил на бок её.
– Пусть отдыхает друг мой. Молвил на прощанье.
– Спасибо, друг, прости меня за всё.

Стоит у дома памятник печальный,
Где пес сидит. Овчарка. Кличка Бон,
Что за хозяйина смерть приняла в сознание,
Я не хочу, чтоб больше снился этот сон.

* * *

Однажды кот ко мне пришёл
Случайно, с улицы явился,
Он как пижон был: гладок, чист,
И сразу я в него влюбился.

Он чёрно-серой масти был,
И не в полоску, так, пятнистый,
Он начал ластиться ко мне,
Мурлыкал тихо кот пушистый.

Кусочек мяса дал ему,
Он с благодарностью откусал,
Чесал за ухом я его
И говорил с ним. Он все слушал.

И в разговоре невзначай
Вопрос я задал, так, случайно,
О боже, было что потом,
Я онемел и стал печальный

Мой кот мне тихо отвечал,
Как человек, слегка картавя,
В глаза смотрел мне, говоря:
Я понимаю всё хозяин.

С ним долго вечер коротали,
Я водки предложил ему,
Он вежливо так отказался,
И разошлись мы лишь к утру

Улёгся он в ногах моих
Упрятав нос в свой хвост пушистый
И долго я не мог уснуть
Спать вечер не давал душистый

Проснулся мокрый, весь в поту
Никто не спал у ног моих
О боже, может же присниться
Сказ одиночества двоих

* * *

Спешите жить, ведь жизнь так быстротечна,
И не успеете моргнуть, как пятьдесят,
А годы, словно кони вскачь несутся,
Вот так и годы жизни пролетят.

Спешите жить, любите как шальные,
Кидайтесь в этот омут с головой,
Страдайте и любовь ловите в сети,
Берите всё, пока вы молодой.

Коль осень жизни в двери постучится
И скажет, что пора вам на покой,
Не открывайте ей, пошлите её к черту,
Пускай она проходит стороной.

* * *

Хочу прожить я девяносто, вы не смейтесь,
Хотя назначено судьбой чуть меньше мне,
Но как сказал великий, наше счастье
Куём мы сами, мы хозяйева судьбе.

И так – я проживу лет девяносто,
Зарок себе я дал, поверьте мне,
Я не хочу в земле сырой гнить как собака,
Зарю встречать хочу я на земле.

Пусть я беззубый буду и не то здоровье,
Пусть мне придется с палочкой шагать,
Но я хочу услышать, как внучата
Со мной о жизни будут рассуждать.

Я лишь подумал, что когда-нибудь придется
Те пару лет прекрасной жизни вспоминать,
Когда был счастлив и любим, и сердце рвалось,
Но что поделать, мне придется умирать.

Но будет это к счастью всё не скоро
Когда-то Рабинович нам сказал:
Вы не дождётесь, гады, всех переживу я,
Да будет так. Мне боже предрекал.

Ирина ПИНЕГИНА

Родилась 7 сентября 1982 года в г. Бессарабка. Окончила бессарабский лицей им. Пушкина, затем кишиневский государственный университет – факультет журналистики. По профессии работает с момента окончания университета. На данный момент живет и работает в Гагаузии, г. Чадыр-Лунга. Воспитывает четырехлетнюю дочь. Стихи пишу давно.

Весенняя страна

Южная молдавская весенняя пора,
Прекраснее не знаю персика в цвету,
Запах сирени, любит что душа. Вся страна –
Ряжена невеста идет к алтарю.

Маковым огнем устланные поля,
Вкус вишни спелой у меня во рту.
И даже когда пухом вся земля, эх, тополя!
Эх, тополя – тоска по детству моему.

Ландыши, гвоздички, ириски и тюльпаны
Детские ладошки несут не спеша.
«Мама, мама! Смотри, что мы собрали!»
И тает в сердце лед и согревается душа.

* * *

Ковром зеленым расстилается трава,
Здесь можно лечь и ни о чем не думать,
Где наполняет силой матушка-земля,
Где можно вечность пенье птицы слушать!

Купола церквей искрящихся на солнце
Так сладко усмиряют душу. Чуть дыша
Я устремляюсь к небу с колокольной песней,
О родной земле Создателя моля.

Мы разбрелись в тоске по всему свету
С надеждой вновь прийти домой.
И знай – куда я ни пойду, вернусь к рассвету,
Чужим не может стать мне дом родной.

Прекрасная невеста, мила, трудолюбива,
Ты не губи себя, отдавшись в чьи-то руки.
Чужие не поймут, как ты душой красива,
Кем станем мы в разлуке?

Куда вернемся, когда сердце затоскует,
Где отчий дом родной нам отыскать.
Пусть, Господи, беда минует,
И не позволь нам, глупым, пропадать.

* * *

Конь вороной мой,
Грива твоя шелковистая –
Я ухвачусь и помчу!
Конь вороной мой игристый,
Кого я еще так люблю!

Ты чувствуешь это в полете,
Не сбросишь меня в пути.
А я на ветру мимолетом
Слышу песню твою.

Не сопи, не свисти ноздрями
Ты же любишь свободу и степь,
Мы вдвоем напролет ночами
Летим на солнечный свет!

Ах, как люблю я эту
Свободу твою и мою!
И ветер, и поле, и небо ловлю
Всей грудью, я на скаку!

В душевных своих хоромаш
Им не понять тоску.
Одну на двоих – в канонах,
Не писаны наши пути.

Мы кровью с тобой породнились,
Теперь ты навеки мой брат.
Мой брат, отдохнем немного и
Ветру навстречу! Ты рад?!
Конь вороной мой игристый –
Мой талисман твоя масть.

В кабак за счастьем

Надо б взять себя в кулак,
Признаться – жизнь не удалась.
Пойти в какой-нибудь кабак
И человеку незнакомому сказать,
Что жизнь такой пустяк, а я дурак,
И выпить с ним, как с другом!

И легче станет на душе,
Пусть лишь на день, но легче!
И мир покажется теплой,
И жизнь как песня!
А ночь покажется светлей,
Пусть лишь на ночь, но все же!
Ведь я имею сердце!

Теперь в руке держу стакан я,
В стакане плещется вино...
Девятый пью до дна,
И на душе тепло!

Я слышу музыку и плачу,
Сегодня не могу иначе!
Все положил я наудачу,
И будет лучше, значит.

А нет, так у кого отнимешь?
Я выпиваю слишком много,
Теперь меня с трудом подымешь –
Меня не слушаются ноги!
Мне легче, проще,
А завтра, видно, будет то же...

Дома я прилягу на подушку,
А дома у меня нет ни-ко-го.
Немного поболтаю я с собой,
Как со стеной, а не все ль равно...
И может, дом покажется милей,
Что мне не мил уже давно...

* * *

Молчу – молчанье золото, а ты
Кидаешься словами, словно мелочь,
Изголодавшейся толпе, смотри!
Не счастье на глазах, а горечь.

Эх, ты... уйду неслышно от беды,
Она давно покой украла у любви.
А ты, что ты? – две разные судьбы,
Столкнулись мы случайно на пути.

Переверни страницу – пауза длинна,
Закат как пламя по небу искрится:
Остался только шаг, одна глава!
И я уйду в лета, чтоб не вернуться.

У дерева мечты немного задержалась,
Оно давно звало меня, я опоздала.
Сожженное дотла по полю разметалось,
А я осталась и просталась.

Из пепла не восстанешь никогда,
И я пойду туда, где ждет моя звезда.
Там, где за лесом есть еще поля,
За высью высь – я буду не одна.

Ты извергай, бросай свои слова,
Когда покроется все лавой – не заметишь,
Как в дом пробралась злая тишина,
И никого... и сердце не залечишь.

Исповедь

Эх, старушка моя дорогая,
Ты не печалься и не грусти.
Ну и что, что голова седея –
В твоём сердце много любви.

Твое сердце много страдало,
Молило создателя мира,
Никогда о себе не мечтало,
Ничего не просило.

Ты прости меня, дорогая,
Пред тобой я склоняю главу,
Что вся моя жизнь молодая,
Как ветер в темном лесу.

Что забыла, что ты говорила,
Что с Богом часто молчу,
Что не с теми я дружбу водила
И делаю так, как хочу.

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

S.C. «Prag-3» S.R.L.

MD-2059, Chişinău, str. Petricani, 94